

Е. Н. Василенко

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА УБЕЖДЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Могилев
МГУ имени А. А. Кулешова
2018

Электронный аналог печатного издания:

Е. Н. Василенко

Языковые средства убеждения в политическом дискурсе
Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. – 164 с. : ил.

ISBN 978-985-568-382-2

В монографии рассматриваются языковые средства реализации тактик коммуникативной стратегии убеждения в жанре послания президента парламенту, определяются хромотопные, структурные и функциональные признаки данного жанра, устанавливаются закономерности реализации прагматического потенциала грамматических категорий лица, времени и наклонения как средств формирования дискурс-картин мира и коротежного взаимодействия в выступлениях президентов Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации.

Основой для написания монографии послужило диссертационное исследование «Реализация коммуникативной стратегии убеждения средствами грамматических категорий (на материале политического дискурса)».

УДК 811'42

ББК 81.055.1

Василенко, Е. Н. Языковые средства убеждения в политическом дискурсе [Электронный ресурс] : монография / Е. Н. Василенко. – Электрон. данные. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. – 1 электрон. опт. диск (CD-R); 12 см. – Сист. требования: Pentium II 300, 64 Mb RAM, свободное место на диске 16 Mb, Windows 98 и выше, Adobe Acrobat Reader, CD-Rom, мышь. – Загл. с экрана. – 3 экз.

212022, г. Могилев
ул. Космонавтов, 1
тел.: 8-0222-28-31-51
e-mail: alexpzn@mail.ru
<http://www.msu.by>

ISBN 978-985-580-407-8
(электронное издание)

© Василенко Е. Н., 2018
© МГУ имени А. А. Кулешова, 2018
© МГУ имени А. А. Кулешова,
электронный аналог, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Политическая лингвистика – относительно молодое направление гуманитарных исследований, основным объектом изучения которого является политический дискурс как проявление взаимодействия языка и общественной жизни. Безусловно, язык – не единственное средство борьбы за власть, однако его роль в политике сложно переоценить. Именно при помощи языка осуществляется корректировка индивидуальной картины мира, оказывается влияние на мысли и чувства аудитории. Преимущественно лингвистический характер политической деятельности обуславливает необходимость изучения функционирования языковых средств, которые участвуют в создании политического дискурса.

Несмотря на активный интерес, проявляемый лингвистами в последние годы к проблеме коммуникативных стратегий и тактик вообще и их актуализации в сфере политической коммуникации в частности, в настоящее время большинство работ посвящено изучению в первую очередь лексических средств их реализации. Поэтому представляется перспективным такое исследование политического дискурса, в фокусе которого находилась бы реализация коммуникативной интенции говорящего посредством грамматических категорий.

Автор выражает благодарность за неоценимую помощь в проведении исследования и плодотворное сотрудничество доктору филологических наук, профессору, профессору кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета Б. Ю. Норману, рецензентам доктору филологических наук, профессору Т. П. Карпилович и кандидату филологических наук, доценту М. В. Савко за ценные замечания и положительные отзывы, а также А. С. Сидоренко за оказанную дружескую поддержку.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение политического дискурса представляет собой одну из наиболее сложных и актуальных проблем современной лингвистики (А. Н. Баранов, Р. Водак, Т. А. ван Дейк, В. И. Карасик, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и др.), так как, по справедливому замечанию Е. И. Шейгал, «специфика политики, в отличие от ряда других сфер человеческой деятельности, заключается в ее преимущественно дискурсивном характере: многие политические действия по своей природе являются речевыми действиями» [182, с. 18].

Лингвистический характер политической деятельности подчеркивают многие исследователи. Например, К. Шеффнер отмечает, что язык необходим в процессе превращения политической воли в социальное действие, а анализ политических выступлений может быть успешным только в том случае, если особенности лингвистического поведения связываются с поведением политическим («political speech analysis can be successful when it relates the details of linguistic behavior to political behavior») [253, с. 202] [здесь и далее перевод наш. – Е. В.]. Н. Фэркло даже утверждает, что политика не только осуществляется при помощи языка, но в некоторых случаях политика и есть язык («Such disputes <...> are politics. Politics partly consists in the disputes and struggles which occur in language and over language») [215, с. 23].

Ярко выраженный прагматический характер политической коммуникации обуславливает интерес лингвистов к изучению различных способов речевого воздействия, применяемых в ее рамках. При этом, как утверждает О. С. Иссерс, «основная проблематика лингвистического анализа речевого воздействия связана с изучением стратегий говорящего и всех находящихся в его распоряжении языковых ресурсов, которые определяют достижение им коммуникативной цели» [82, с. 23], ведь именно «от коммуникативных намерений говорящего во многом зависит и собственно языковая структура акта общения, воплощение его в той или иной языковой форме» [75, с. 30]. Теория коммуникативных стратегий опирается на такие направления современной лингвистики, как прагматика, риторика, социолингвистика, психолингвистика и теория языковой личности. Коммуникативные стратегии и тактики как предмет научного анализа рассматриваются через призму различных направлений: психологического (Р. Brown, S. Levinson и др.), социологического (Т. М. Николаева, S. Ervin-Tripp и др.), когнитивного (А. Н. Баранов, П. Б. Паршин и др.), риторического (О. С. Иссерс, Т. Ricento и др.) и пр., взаимодействие которых ведет к появлению интегрированного подхода (R. Fussell, R. J. Kreuz, R. Wodak и др.).

Исследование выполнено на материале посланий президентов Соединенных Штатов Америки Конгрессу «О положении союза» (State of the Union Address) и президентов Российской Федерации Федеральному Собранию за 2001–2011 годы. Выбор материала объясняется возможностью сопоставления языкового материала в рамках одного и того же жанра, который в первом случае яв-

ляется устоявшимся в лингвокультуре государства, а во втором – относительно новым, что позволит выявить общие закономерности в данной речевой сфере и влияние структуры конкретного языка на выражение единой интенции. Выбор грамматических категорий лица, времени и наклонения в качестве предмета исследования объясняется их универсальностью и взаимообусловленностью, а также их функциональной значимостью в коммуникативном и суггестивном аспекте.

Основой для написания монографии послужило диссертационное исследование «Реализация коммуникативной стратегии убеждения средствами грамматических категорий (на материале политического дискурса)».

ГЛАВА 1

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ УБЕЖДЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

1.1 Дискурс как лингвистический феномен

В современной науке широко используется введенное в 60-х гг. XX в. понятие дискурса, который рассматривается как важнейшая форма повседневной жизненной практики человека. Однако содержание данного термина вариативно, о чем свидетельствует весьма неоднозначное и размытое его понимание во многих гуманитарных науках (история, философия, социология, литературоведение, риторика и др.), предмет которых прямо или косвенно связан с изучением функционирования языка.

Дискурс как лингвистический феномен получил разностороннее освещение в работах современных исследователей, как зарубежных (Р. Водак, Б. М. Гаспаров, Т. А. ван Дейк, Т. М. Дридзе, В. И. Карасик, М. Коултхард, П. Серио, Дж. Синклер, С. Торнбери, Д. Шифрин и др.), так и отечественных (Д. Г. Богусевич, Е. Г. Задворная, Б. Ю. Норман, Т. П. Карпилович, Т. В. Поплавская, И. Ф. Ухванова-Шмыгова и др.), где предприняты попытки дать определение данному понятию и классифицировать все многообразие представленных точек зрения.

Так, М. Стаббс характеризует дискурс с двух сторон: как единицу языка, превосходящую по объему предложение или словосочетание («*language above the sentence or above the clause*»), и как использование языка в социальном контексте, в особенности взаимодействие и диалог между говорящими («*language in use in social contexts, and in particular ... interaction or dialogue between speakers*») [261, с. 1]. Аналогичный подход находим у М. Л. Макарова, который выделяет формальную (понимание дискурса как образования выше уровня предложения) и функциональную (понимание дискурса как употребления языка, т. е. речи во всех ее разновидностях) интерпретации дискурса [113, с. 85–90]. В. Е. Чернявская также останавливается на двух основных пониманиях дискурса, которые в целом схожи с названными выше: 1) дискурс как конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном, когнитивно и типологически обусловленном коммуникатив-

ном пространстве; 2) дискурс как совокупность тематически соотнесенных текстов [176, с. 75–76].

Ряд исследователей предлагают выделять три основных подхода к определению дискурса, два из которых в общем повторяют приведенные выше. Например, по Д. Шифрин, первый подход определяет дискурс как язык выше уровня предложения или словосочетания («*language above the sentence or above the clause*»), второй – как употребление языка («*language in use*»), а третий рассматривает дискурс как высказывания («*discourse as utterances*») [254, с. 23–41].

Четыре подхода к определению дискурса выделяет Х. Траппес-Ломакс: 1) лингвистические, когнитивные и социальные процессы, посредством которых выражаются значения и интерпретируются намерения при взаимодействии людей («*the linguistic, cognitive and social processes whereby meanings are expressed and intentions interpreted in human interaction*»); 2) исторически и культурно закрепленные наборы условий, которые создают и регулируют такие процессы («*the historically and culturally embedded sets of conventions which constitute and regulate such processes*»); 3) определенное событие, в котором эти процессы актуализируются («*a particular event in which such processes are instantiated*»); 4) продукт такого события, особенно в форме видимого текста, либо изначально произнесенного и впоследствии затранскрибированного, либо изначально записанного («*the product of such an event, especially in the form of visible text, whether originally spoken and subsequently transcribed or originally written*») [263, с. 136].

П. Серио, анализируя работы французских ученых, выделяет восемь значений данного термина: 1) эквивалент понятия *речь* (по Ф. де Соссюру), т. е. любое конкретное высказывание, 2) единица, по размерам превосходящая фразу, 3) воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации высказывания, 4) беседа как основной тип высказывания, 5) речь с позиций говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такую позицию (по Э. Бенвенисту), 6) употребление единиц языка, их речевая актуализация, 7) социально или идеологически ограниченный тип высказываний, например, феминистский дискурс, 8) теоретический конструкт, предназначенный для исследований условий производства текста [151, с. 26–27].

Несомненно, данный список не является исчерпывающим, так как в лингвистической литературе сегодня встречается огромное количе-

ство определений дискурса, которые, на наш взгляд, достаточно условно можно отнести к трем направлениям: функциональному, герменевтическому и когнитивному.

В рамках **функционального направления** дискурс рассматривается как употребление языка, т. е. как речь. Так, Э. Бенвенист определяет дискурс как «проявление языка в живом общении» [18, с. 139]. Показательно в этом отношении определение дискурса, предложенное Р. Бартом: дискурс – это «любой конечный отрезок речи, представляющий собой некоторое единство с точки зрения содержания, передаваемый со (вторичными) коммуникативными целями и имеющий соответствующую этим целям внутреннюю организацию, причем связанный с иными культурными факторами, нежели те, которые относятся собственно к языку» [15, с. 443].

В. В. Богданов рассматривает речь как один из двух аспектов дискурса, вторым из которых является текст, понимаемый как «языковой материал, фиксированный на том или ином материальном носителе с помощью начертательного письма» [22, с. 5]. Таким образом, ученый приходит к выводу, что термины *речь* и *текст* являются видовыми по отношению к объединяющему их родовому термину *дискурс*.

В таком рассмотрении дискурса, очевидно, связывается с понятием текста, которое в рамках следующего направления даже является определяющим по отношению к дискурсу.

В фокусе **герменевтического (текстологического) направления** находится феномен текста и предлагается трактовка дискурса как текста или текстовой деятельности.

Примером такого рассмотрения дискурса является точка зрения представителей каузально-генетического подхода (И. Ф. Ухванова-Шмыгова, А. А. Маркович и др.), которые понимают под дискурсом «текст / макротекст с интертекстуальностью как его основной характеристикой, текст в его функциональной данности, текст во взаимодействии идей и коммуникантов» [169, с. 16]. По мнению И. Ф. Ухвановой-Шмыговой, рассматривающей дискурс (как и текст) в качестве деятельности, феномена и функции, понятие *дискурс* уже, чем понятие *текст*, так как «в дискурсе деятельность сужена до ее социально-ориентированных речевых проявлений» [168, с. 11].

Т. М. Дридзе указывает, что в коммуникативной системе *текст* – *интерпретатор* текст необходимо рассматривать не как любой отрезок линейно организованного потока речи, а как «систему коммуникативно-

познавательных элементов, функционально (т. е. для данной конкретной цели / целей общения) объединенных в единую замкнутую, иерархически организованную содержательно-смысловую структуру общей концепцией или замыслом (коммуникативной интенцией) субъекта общения» [71, с. 61]. Текстовая деятельность рассматривается Т. М. Дридзе в качестве вида личностной активности, включающей вербальные и невербальные интеллектуально-мыслительные операции, совершаемые для организации смыслов в ходе общения.

У Т. М. Николаевой находим: «Все высказывания текста связаны не только линейной, но и глобальной когерентностью. Таким образом, текст есть не только совокупность цепочечных микроструктур, но некоторое глобальное единство, макроструктура» [127, с. 34].

Б. М. Гаспаров указывает не только на единство самого текста, но и на единство всех условий, при которых он был создан: «Всякий акт употребления языка – будь то произведение высокой ценности или мимолетная реплика в диалоге – представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта. В этом своем качестве он вбирает в себя и отражает в себе уникальное стечение обстоятельств, при которых и для которых он был создан» [55, с. 10].

Точка зрения Б. М. Гаспарова близка к пониманию В. З. Демьянковым дискурса как текста «в его становлении перед мысленным взором интерпретатора» [67, с. 32] и показывает, насколько тесно связаны между собой функциональное и герменевтическое направления изучения дискурса, а внимание к обстоятельствам общения подводит нас к выделению третьего направления.

3. Когнитивное (психосоциальное) направление, изучающее дискурс с учетом психосоциальных условий общения. При этом дискурс может быть рассмотрен и как речь, и как текст.

Так, В. И. Карасик указывает, что дискурс «представляет собой явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в «сухом остатке» общения, с другой» [87, с. 231]. Лингвист при выделении категорий дискурса опирается на признаки текстуальности: когезию, когерентность, интенциональность, приемлемость, информативность, ситуативность и интертекстуальность [87, с. 241] и под дискурсом понимает «текст в ситуации реального общения» [87, с. 238].

Н. Фэркло в ставшей классической работе «Язык и власть» под дискурсом понимает социально обусловленное употребление языка, язык

как форму социальной практики («language as a form of social practice») [215, с. 22]. Схожую точку зрения находим у Н. Д. Арутюновой в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: дискурс – «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь”» [6, с. 136–137].

При таком подходе представляется, что *текст* – это понятие собственно лингвистическое, а термин *дискурс* носит междисциплинарный характер.

Концепция, разработанная Т. А. ван Дейком, предполагает противопоставление дискурса и текста в оппозиции *актуальность* – *виртуальность*. Помимо этого, дискурс и текст противопоставлены также как процесс и результат. Текст, по мнению исследователя, является фиксированным результатом дискурса и представляет собой абстрактный ментальный конструктор, который реализуется в дискурсе [58; 60; 209]. «Дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта. Преимущество такого понимания состоит в том, что дискурс <...> не ограничивается рамками конкретного языкового высказывания, т. е. рамками текста или самого диалога. Анализ разговора с особой очевидностью подтверждает это: говорящий и слушающий, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации, несомненно, относятся к данному событию» [58, с. 121–122].

Представители когнитивного направления исследований также противопоставляют дискурс и текст как процесс и результат. Дискурс предлагается рассматривать как действие, с помощью которого участники дискурса могут влиять на мир и друг на друга. В частности, Е. С. Кубрякова определяет дискурс «как такую форму использования языка в реальном (текущем) времени (on-line), которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации,

участниками коммуникации, условиями ее осуществления и, конечно же, ее целями» [108, с. 525].

Представители данного направления не противопоставляют понятия *текст* и *дискурс*, так как текст рождается в ходе дискурса. Текст представляет собой продукт процесса речи, завершенное произведение и является регистрацией коммуникативного акта. При этом подчеркивается различие ракурсов, в которых рассматриваются эти два явления. В частности, дискурс не может изучаться вне учета всех социальных параметров и прагматических факторов, в то время как текст может анализироваться как завершенное языковое произведение [108, с. 526].

Таким образом, в рамках данной парадигмы исследований дискурс и текст представляют собой взаимосвязанные явления, причем дискурс, на наш взгляд, рассматривается как более широкое понятие, чем текст, который, в свою очередь, является его необходимым компонентом.

Е. И. Шейгал, автор исследования семиотической структуры политического дискурса, предлагает рассматривать дискурс в его реальном и потенциальном (виртуальном) аспектах. В реальном измерении дискурс представляет собой «поле коммуникативных практик как совокупность дискурсных событий, текущая речевая деятельность в определенном социальном пространстве, обладающая признаком процессности и связанная с реальной жизнью и реальным временем, а также возникающие в результате этой деятельности произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов». В потенциальном (виртуальном) аспекте дискурс рассматривается как «семиотическое пространство, которое включает в себя вербальные и невербальные знаки, а также представление о типичных для данного типа коммуникации моделях речевого поведения» [182, с. 12–13].

Таким образом, в рамках когнитивного направления приоритет в изучении дискурса отдается социальной ситуации и человеку, который выступает не просто как интерпретатор текста, но как носитель определенных когнитивных установок.

Несомненно, мы не претендуем на полноту изложенных трактовок понятия *дискурс*, так как очевидно, что охватить все разнообразие имеющихся точек зрения не представляется возможным. С. Н. Плотникова отмечает, что «именно благодаря своему всеохватывающему характеру и способности включать в себя все новые и новые языковые факты термин «дискурс» и стал парадигмальным» [139, с. 153]. Однако уже

на данном этапе проведенный анализ позволил выделить три основных направления в изучении дискурса как лингвистического феномена. Мы отдаем себе отчет в том, что такая классификация является достаточно условной (равно как и предложенные названия направлений) и только приблизительно очерчивает ситуацию, но, тем не менее, она дает представление об общей картине современных исследований феномена дискурса.

На наш взгляд, наиболее перспективным и заслуживающим пристального внимания является когнитивное направление ввиду сложности и многогранности самого изучаемого явления. Что касается определения, то, с нашей точки зрения, представляется правомерным рассмотрение **дискурса** как единства текста и контекста в самом широком понимании данного слова. Тем самым текст (как устный, так и письменный) выступает как неотъемлемая часть дискурса наряду с контекстом, включающим лингвистические, экстралингвистические и паралингвистические параметры. При этом тексту, в отличие от дискурса, не имеющего временных границ, свойственна завершенность. Преимущество такого подхода (как и его сложность) состоит в том, что дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает социальный аспект коммуникации.

Таким образом, взгляд на дискурс как на неотъемлемую часть социальной деятельности и текст как его неотделимый компонент представляется наиболее целесообразным для предпринятого в данной работе лингвистического анализа политических текстов.

1.2 Типология дискурса

Учитывая, что дискурс является парадигмальным понятием, вслед за С. Н. Плотниковой считаем возможным говорить о существовании особого дискурсивного пространства, которое рассматривается как «некая логическая среда, в которой сосуществуют дискурсы и дискурсивные личности – люди, производящие эти дискурсы», и может быть «евклидовым (физическим) и сетевым, временным (существующим лишь «здесь и сейчас» либо в течение определенного фиксированного периода времени) и постоянным (расширяющимся, охватывающим собой все новые и новые периоды времени)» [139, с. 154]. Так, к перманентно существующим и постоянно развивающимся сетевым дискурсивным

пространствам относятся пространства массмедийного, политического, художественного, научного, религиозного и других типов дискурса, объединяющих в себе однотипные дискурсы. Такого рода пространства представляют собой сетевые единства, в которых смыслы и дискурсы детерминированы другими смыслами и дискурсами, взаимосвязанными и проникающими друг в друга. Каждый конкретный дискурс такого типа не может быть создан сам по себе, его порождение обусловлено пространственными условиями возможности или невозможности его сосуществования с уже имеющимися дискурсами: «каждый сетевой дискурс выступает одновременно в качестве реакции на уже имеющиеся в сети дискурсы и в качестве стимула для возникновения новых дискурсов, новых ячеек сети» [139, с. 154].

Очевидно, что дискурсивное пространство очень сложно по своей организации, так как включает различные типы дискурсов, которые сосуществуют в непрерывной связи и взаимодействии. При этом вопрос о типологии дискурсов остается в настоящее время открытым ввиду возможности различного основания их классификации. Рассмотрим основные критерии классификации дискурсов, представленные в современной лингвистической литературе.

Традиционным основанием классификации дискурсов является **модус**, или **канал передачи информации**, в соответствии с которым все дискурсы подразделяются на *устные* (акустический канал) и *письменные* (визуальный канал). При этом В. Б. Кашкин выделяет также *гибридный* (сочетающий в себе черты устного и письменного) тип дискурса [93, с. 20], а А. А. Кибрик указывает на возможность выделения *жестового* дискурса и существование *мысленного* дискурса, при котором человек пользуется языком, не оставляя при этом ни акустических, ни графических следов языковой деятельности, и является одновременно и говорящим, и адресатом. На основе типа носителя информации выделяются также субмодусы (например, электронный дискурс) [94, с. 5–9].

По **форме организации** принято выделять *монологический* и *диалогический* типы дискурса. При этом основные различия между данными типами дискурса заключаются, по мнению В. С. Григорьевой, не в количестве участников речевой коммуникации, а в том, «каким образом коммуникативный процесс мотивирован и структурирован. Так, если аргументирование развивается диалектичным способом, если смена перспективы связана с последовательностью сквозного центрального аргумента, если осуществляется смена перспективы вокруг зеркальной

оси центрального аргумента, сопровождаемая регулярной сменой коммуникативных ходов, то мы вправе назвать такую речь диалогичной» [57, с. 30]. Все остальные дискурсы относятся к монологическим. Стоит отметить, что В.Б. Кашкин говорит также о существовании *полилогической* формы организации дискурса, которая, однако, представляет собой достаточно редкое явление, так как полилог, как правило, разбивается либо на отдельные микродиалоги, либо на монолог оратора и реакцию слушателей [93, с. 37].

Еще одним основным таксономическим параметром являются **социальные отношения участников дискурса**. Например, у В. И. Карасика находим, что в рамках социолингвистического подхода все виды дискурса делятся на *лично ориентированные*, если собеседники хорошо знают друг друга, и *статусно ориентированные*, когда «коммуниканты реализуют себя только в ограниченном наборе ролевых характеристик, выступая в качестве представителей определенных групп людей» [87, с. 203].

В соответствии с **функциональным стилем** принято выделять *разговорный, научный, официально-деловой, публицистический и художественный* типы дискурса [155]. По замечанию А. А. Кибрика, данная классификация может быть дополнена целым рядом функциональных стилей (например, *юридическим, политическим, коммерческим, криминальным, религиозным* и др.) [94, с. 13]. На наш взгляд, в данном случае более справедливым будет говорить о разграничении дискурсов не на основании функциональных стилей, а в соответствии с **коммуникативной сферой**, или, в терминологии В. И. Карасика, **форматом дискурса**, который выделяется «на основе коммуникативной дистанции, степени самовыражения говорящего, сложившихся социальных институтов, регистра общения и клишированных языковых средств» [87, с. 205]. Количество форматов, по мнению лингвиста, является достаточно большим, но измеримым. У Е. В. Ивановой находим: «Разновидностей дискурса столько, сколько видов деятельности человека, поскольку каждый вид деятельности порождает свой собственный вид дискурса с присущей ему лексикой и стилистикой» [79, с. 134].

Исследователями предлагается также классификация дискурсов на основании **жанра**. Так, А. А. Кибрик выделяет, помимо установленных авторами «Русской разговорной речи» *интервью, дискуссии, разговора, доклада, репортажа и рассказа* [76, с. 12], такие виды дискурса, как *проповедь, политическое выступление, тост, присягу*

и др. [94; с. 10]. Однако представляется, что дискурс и жанр – понятия разного уровня и находятся между собой в родовидовых отношениях.

Таким образом, основными критериями типологии дискурса в лингвистике, на наш взгляд, являются модус, форма организации, социальные отношения участников и коммуникативная сфера. Несомненно, представленные выше критерии типологии дискурса не являются исчерпывающими, однако они дают базовое представление о существующих в настоящее время классификациях дискурса как лингвистического феномена. В работе принимаются во внимание все рассмотренные критерии категоризации дискурса, при этом ключевым параметром признается коммуникативная сфера, или формат дискурса, который «в свою очередь конкретизируется жанрами речи» [87, с. 205] (подробнее см. в разделе 2.1 *Речевой жанр как объект лингвистического изучения*).

1.3 Политический дискурс как вид институционального дискурса

Изучение политического дискурса – актуальное и сравнительно молодое направление современных лингвистических исследований (возникновение и становление политической лингвистики как науки относится к 20–50-м гг. XX в. [32]). Несмотря на то что в настоящее время исследование политической коммуникации ведется в рамках сразу нескольких направлений (см. [241, с. 24]) и собственно лингвистические исследования проводятся в русле двух подходов: дескриптивного (см. [14; 192; 193; 224] и др.) и критического (см. [214; 252; 253; 267] и др.), единства в толковании самого термина *политический дискурс* среди ученых нет. Анализ существующих точек зрения позволяет выделить широкое и узкое понимание данного явления.

Широкое понимание политического дискурса представлено, например, в [73; 179; 182].

В частности, Е. И. Шейгал использует термины *политический дискурс* и *политическая коммуникация* как равнозначные и предлагает исходить «из широкого понимания политической коммуникации и включать в нее любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относятся к сфере политики» [182, с. 23].

А. П. Чудинов также полагает, что «в содержание политического дискурса должны быть включены все присутствующие в сознании гово-

рящего и слушающего (пишущего и читающего) компоненты, способные влиять на восприятие речи. К числу этих компонентов относятся другие тексты <...>, политические взгляды автора и его задачи при создании текста, представления автора об адресате, политическая ситуация, в которой создается и “живет” данный текст» [179, с. 41].

Таким образом, в широком смысле политический дискурс трактуется как речевое образование, любая составляющая которого относится к политике.

Однако ряд лингвистов рассматривают политический дискурс как класс жанров, ограниченный особой социальной сферой – политикой (см. [12; 118; 208] и др.). Например, А. Н. Баранов указывает, что политический дискурс образует «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [12, с. 108].

Схожую точку зрения находим у И. Ф. Ухвановой-Шмыговой, которая понимает под политическим дискурсом «совокупность политических дискурсов социума: власти и “контрдискурсов”, публичной и экспертной риторики, которые либо закрепляют существующую систему общественных связей и отношений, либо дестабилизируют их» [169; с. 18].

При такой трактовке политического дискурса в его сферу могут быть включены только институциональные жанры, т. е., в терминологию В. И. Карасика, жанры, относящиеся к сфере статусно ориентированного (в отличие от лично ориентированного) общения, которое представляет собой «речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития» [87, с. 193]. Институциональный дискурс строится по определенному шаблону, однако степень трафаретности его типов и жанров различна [87, с. 195].

С точки зрения М. Ю. Олешкова, институциональный дискурс есть «специализированная разновидность общения между людьми, которые могут являться членами одного коллектива (профессионального сообщества) или не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социального института» [132, с. 8]. Институциональному дискурсу как форме общественной практики, по мнению лингвиста, присущи такие признаки, как статусно квалифицированные участники, локализованный хронотоп, конвенционально обусловленная в

рамках данного социального института цель, ритуально зафиксированные ценности, интенционально закрепленные стратегии, ограниченная номенклатура жанров и жестко обусловленный арсенал прецедентных феноменов.

Основные функции институционального дискурса, как то: перформативная, информативная, презентационная и парольная, по мнению Л. С. Бейлинсон, уточняются в его типах и жанрах [17, с. 146].

Разделяя представленную выше точку зрения на сущность институционального дискурса, рассмотрим, какие черты и функции отличают политический дискурс от других видов институционального дискурса (юридического, судебного, медицинского, религиозного, педагогического, спортивного и пр.).

Характерные черты политического дискурса

К важнейшим характеристикам политического дискурса Е. Ю. Алешина относит следующие:

- тематизацию текста, т. е. его определенность темой, связанной с реалиями политической сферы;
- утверждение интересов субъектов политики, связанных с основной интенцией политического дискурса – борьбой за политическую власть;
- наличие речевой ситуации, в которой проявляются особенности жанра политического дискурса [3, с. 294].

По мнению Е. И. Шейгал, к числу характеристик политического дискурса относятся:

- преобладание массового адресата;
- опосредованность политической коммуникации фактором масс-медиа;
- динамичность языка политики;
- доминирующая роль фактора эмоциональности и значительный удельный вес фатического общения;
- смысловая неопределенность, связанная с фантомностью ряда денотатов и фидеистичностью;
- эзотеричность, которая в политическом дискурсе проявляется не как семантическая, а как прагматическая категория, что обуславливает использование в нем таких стратегий, как эвфемизация, намеренная уклончивость, намек и ссылки на слухи;
- театральность или театрализованность политического дискурса [182, с. 42–69].

Разделяя в целом представленные выше точки зрения, мы считаем необходимым дополнить данный список такими чертами политического дискурса, как:

- интертекстуальность – обусловленность другими, в первую очередь политическими, публицистическими и культурно значимыми для данного сообщества текстами;

- прагматическая направленность: «всякий текст оказывает воздействие на сознание адресата с семиотической точки зрения. Но для политического текста речевое воздействие является основной целью коммуникации, на достижение которой ориентируется выбор лингвистических средств» [135, с. 403].

Рольевым маркером политического дискурса принято считать оппозицию *свой – чужой* [84; 95; 182]. Чуждость в политическом дискурсе подразумевает принадлежность к иной идеологии, иной социальной группе, иной системе ценностей. Такое разделение мира на *нас* и *их*, с одной стороны, дифференцирует групповых участников политики, а с другой – служит цели консолидации внутри *своих*.

Функции политического дискурса

Несомненным представляется то, что одной из основных целей политической коммуникации является борьба за власть. С данной целью политической коммуникации связаны функции, реализуемые политическим дискурсом.

Согласно классификации, разработанной А. Г. Алтуняном, наиболее существенными функциями политического дискурса являются: идеологическая, апеллятивная, аргументативная, мобилизующая, информативная и экспрессивная [4, с. 13–14].

Классификация, разработанная Е. И. Шейгал, носит более детальный характер. В рамках этой классификации основные функции политического дискурса представлены в виде пяти групп, которые включают функции интеграции или дифференциации групповых агентов политики; агональности или гармонизации (конфликт и консенсус); акциональную и информационную функцию (осуществление политиками политических действий и информирование о них); функцию интерпретации и ориентации (создание «языковой реальности» поля политики и обеспечение существования в данной реальности); контролирующую и побудительную функцию (манипуляция сознанием и стимулирование действий электората) [182, с. 41–42].

Принимая во внимание представленные выше классификации, мы предлагаем выделять следующие наиболее общие функции политиче-

ского дискурса, связанные с основной функцией политики – борьбой за власть, когда язык используется в качестве инструмента для ее завоевания и удержания:

- идеологическую – выражение мировоззрения, интересов говорящего или определенной группы общества;
- информативную – сообщение некоторой политической информации;
- апеллятивную – побуждение адресата к действию;
- функцию убеждения – необходимость убедить аудиторию в истинности именно своей позиции;
- манипулятивную – манипуляция сознанием адресата;
- мобилизующую и инспиративную – необходимость мобилизовать аудиторию в свою поддержку.

Преобладание одной или нескольких из этих функций в конкретных случаях объясняется особенностями жанра политического дискурса, а также условиями коммуникации.

Таким образом, в работе **политический дискурс** понимается в узком смысле как вид институционального дискурса, ограниченный социальной сферой политики, имеющий определенные характерные черты и выполняющий определенные функции, которые непосредственным образом связаны с основной функцией политической коммуникации – борьбой за власть. В широком понимании в политический дискурс входят речевые образования, любая составляющая которых относится к сфере политики.

1.4 Убеждение как способ речевого воздействия

Проблемы воздействия на сознание привлекают в настоящее время все больше внимания. Взаимодействуя, люди оказывают влияние друг на друга как сознательно, так и непроизвольно. Несомненно, важнейшим орудием воздействия на сознание является язык.

Речевое воздействие традиционно понимается в узком и широком смыслах.

В научной литературе встречаются различные трактовки речевого воздействия в узком смысле. Например, Е. Ф. Тарасов ограничивает сферу его использования координативными отношениями, «когда коммуникантов связывают отношения равноправного сотрудничества, а не формальные или неформальные отношения субординации» [163, с. 3].

П. Б. Паршин обобщает существующие узкие трактовки речевого воздействия и приводит следующее его определение: «использование особенностей устройства и функционирования <...> знаковых систем, и прежде всего естественного языка, с целью построения сообщений, обладающих повышенной способностью воздействия на сознание и поведение адресата или адресатов сообщения» [136].

Схожее определение речевого воздействия находим у И. А. Стернина, который противопоставляет его манипулированию: «воздействие на человека при помощи речи с целью убедить его сознательно принять нашу точку зрения, сознательно принять решение о каком-либо действии, передаче информации и т.д.» [160, с. 12].

Таким образом, важнейшей характеристикой речевого воздействия в узком смысле признается его преднамеренность. Однако, согласно мнению Р. М. Блакара, даже обычное повседневное использование языка предполагает осуществление господства: «выбор выражений, осуществляемый отправителем сообщения, воздействует на понимание получателя. Даже если отправитель старается “выражаться объективно”, видно, что осуществляемый им выбор выражений структурирует и обуславливает представление, получаемое реципиентом» [21, с. 90]. Таким способом язык моделирует социальное взаимодействие и служит инструментом социальной власти.

Трактовка речевого воздействия как сути любого речевого общения является широким пониманием речевого воздействия. Схожие определения находим у других исследователей: «произвольная и произвольная передача информации субъектом реципиенту (либо группе реципиентов) в процессе речевого общения в устной и письменной формах, которая осуществляется с помощью лингвистических, паралингвистических и нелингвистических символических средств и определяется сознательными и бессознательными интенциями адресанта и целями коммуникации: предметной, коммуникативной или информационной, а также пресуппозициями и конкретной знаковой ситуацией» [183; с. 10], «воздействие на индивидуальное и / или коллективное сознание и поведение, осуществляемое разнообразными речевыми средствами, иными словами – с помощью сообщений на естественном языке» [136].

Изучение речевого воздействия попало в сферу интересов целого ряда наук, но в первую очередь использование языка как средства воздействия на сознание необходимо рассматривать как сущностную проблематику риторики и неориторики [13, с. 6].

Риторика, по определению Т. Хазагерова, является наукой о «воздействии на человека с помощью слова», причем центральной категорией для изучения этого воздействия является категория убеждения [173, с. 7]. Уже Аристотель, Сократ и Платон определяли риторику как «искусство убеждать» («*officium oratoris*») [163, с. 10].

Модель риторического воздействия, по мнению Т. Хазагерова, можно представить следующим образом: «У слушающего нет ясности в каком-либо вопросе (или уже в ходе речи он понял, что полной ясности у него не было). Говорящий проясняет для него этот вопрос, делает его кристальным, как бы снимает с души слушателя груз колебаний и неопределенности. За это слушатель платит тем, что принимает предлагаемую говорящим картину мира» [173, с. 9]. Описанный процесс и является процессом убеждения.

Из предложенной Т. Хазагеровым модели следует, что целью данного процесса является формирование у адресата устойчивых мнений и оценок относительно содержания сообщения, т. е. убеждение выступает не только как процесс, но и как коммуникативная цель автора. В этой связи уместным представляется употребление предложенного А. Н. Барановым термина *онтологизация знания*, под которым ученый понимает интеграцию «нового знания в старую модель мира плюс функциональное освоение знания» [13, с. 12].

Итак, термин *убеждение* может употребляться в двух значениях: как коммуникативная цель автора и как деятельность (процесс), направленная на достижение этой цели.

Д. А. Бокмельдер анализирует грамматическую сочетаемость глагола *убеждать*, который, во-первых, сочетается с косвенным дополнением в предложном падеже (*убеждать / убедить кого-л. в чем-л.*) и с придаточным пояснительным союзом *что* (*убеждать / убедить кого-л., что ...*); а во-вторых, с инфинитивным оборотом (*убеждать / убедить кого-л. сделать что-л.*). Это позволяет исследователю сформулировать две цели убеждения: «1) формирование у слушающего (аудитории) устойчивых мнений, оценок, убеждений и 2) принятие слушающим (аудиторией) определенной линии поведения, совершение им определенного действия, выгодного говорящему, либо полагаемого говорящим как необходимое, правильное» [68, с. 11]. Лингвист приходит к выводу, что *убедить* – «в условиях наличия у адресата свободы воли и возможности рационально мыслить, при помощи вербальных и невербальных средств повлиять на процесс принятия адресатом решений путем изме-

нения онтологического статуса его знания о факте или событии таким образом, чтобы адресат был уверен в благоприятности для него самого принятия предлагаемых мнений, отношений, оценок или совершения какого-либо действия» [68, с. 15–16].

Итак, убеждение принято относить к основным способам речевого воздействия.

В. Ф. Петренко выделяет в рамках психосемантической модели сознания три типа коммуникативного воздействия. Так, при первом типе изменяется отношение субъекта к объекту без изменения категориальной структуры индивидуального сознания субъекта. В качестве примеров такого рода воздействия исследователь называет призыв, лозунг и рекламу. Второй тип коммуникативного воздействия заключается в формировании общего эмоционального настроя, мироощущения реципиента воздействия. К такого рода воздействию относится лирика. Третий тип связан с «изменением категориальной структуры индивидуального сознания, введением в нее новых категорий (конструктов), предъявляющихся в классификации, формах упорядочивания объектов, событий окружающей предметной и социальной действительности» [138, с. 279].

Представляется, что убеждение как способ речевого воздействия объединяет все три данных типа с доминированием в каждом конкретном случае одного из них. Например, в рамках политического выступления будет преобладать первый или третий тип воздействия в зависимости от ситуации, однако значительную роль для достижения поставленной цели будет играть формирование общего эмоционального настроя реципиентов.

Е. И. Варгина, разграничивая виды воздействия в зависимости от того, какая именно функция языка актуализируется и играет ведущую роль в конкретном случае, признает убеждение основным видом воздействия в научном тексте: «убеждение связано в первую очередь с коммуникативной функцией языка, осуществляется всегда сознательно и направлено на адресата научного текста» [38, с. 55].

На осознанность и целенаправленность убеждения как способа речевого воздействия обращает внимание также Е. В. Шелестюк, которая определяет убеждение как «воздействие на сознание личности через обращение к ее собственному критическому суждению. Основу метода убеждения составляет отбор, логическое упорядочение фактов и выводов согласно единой функциональной задаче, логическое доказа-

тельство, возможно, вкупе с эмоциональным воздействием, призванное обеспечить сознательное принятие реципиентом системы оценок и суждений в согласии с иной точкой зрения» [183, с. 11].

Принимая во внимание все предложенные трактовки, мы считаем правомерным называть **убеждением** процесс и результат преимущественно вербального воздействия на слушающего / аудиторию, оказываемого с целью формирования у реципиента устойчивых мнений, оценок и т.п., либо изменения его поведения, осуществляемого в условиях наличия у адресата свободы воли и возможности рационально мыслить.

Представляется очевидным, что убеждение – это результат прежде всего *речевого* воздействия говорящего на адресата. Однако не вызывает сомнений и психологический фактор речевого воздействия, ведь содержание сообщения является лишь частью процесса убеждения. Психологическое воздействие, или влияние, определяется как «изменение (как процесс) и изменения (как его результат) в психологических факторах, определяющих проявления активности человека (в его представлениях, мыслях, чувствах, побуждениях, состоянии), возникающие при его взаимодействии с внешним миром» [83, с. 7].

По словам психолога Р. Левина, «зачастую не так важно, *что* сказано, как то, *как* это сказано, *где и когда* это сказано и *кем*». Используя термин *убеждение* «в самом широком смысле», Р. Левин понимает под ним «психологическую динамику, вынуждающую людей меняться так, как они никогда бы не изменились без влияния на них извне. Этот термин объединяет ряд родственных психологических понятий: влияние, контроль, изменение отношений, покорность и уступчивость, а также более опасные крайности, такие как контроль над мышлением и методики “промывания мозгов”» [112, с. 17–18].

Д. Борг в своей книге «Сила убеждения» подчеркивает роль нелингвистических факторов в процессе убеждения и предлагает следующую формулу для его определения:

Сопереживание + искренность → убеждение.

При этом автор подчеркивает, что речь идет только об «искусстве доброжелательного убеждения – методиках, дающих желаемый результат для обеих сторон». В данной трактовке противоположным процессом, недоброжелательным убеждением, является манипулирование [29; с. 21].

Нужно отметить, что существует и противоположная точка зрения. Например, Д. Бэррон отмечает, что убеждение, несомненно, является

манипуляций. Под силой убеждения он понимает «способность оказывать влияние на других людей и на себя самого» [35, с. 13]. Схожее определение убеждения приводит К. Хоган, исключая, однако, из его содержания направленность на самого убеждающего. Убеждение, по его мнению, представляет собой способность навязывать другим людям мнения и ценности, влияя на их мысли и действия посредством специальных стратегий («Persuasion is the ability to induce beliefs and values in other people by influencing their thoughts and actions through specific strategies») [223, с. 20].

Такое понимание сущности описываемого явления, на наш взгляд, скорее подходит для термина *суггестивность*, который обозначает «скрытое воздействие, в первую очередь словесное, воспринимаемое без критической оценки, принимаемое на веру, – внушение, наведение на мысли» [176, с. 26]. Суггестивность противопоставляется персуазивности (персуазии) (от лат. *persuadere* – уговаривать), которая трактуется как «воздействие автора устного или письменного сообщения на его адресата с целью убеждения в чем-то, призыва к совершению или не совершению им определенных действий» [176, с. 25].

Вопрос о разграничении убеждения и внушения вообще и в политическом дискурсе в частности является достаточно сложным и заслуживает отдельного рассмотрения.

1.5 Соотношение убеждения и суггестии в политической коммуникации

Внушение традиционно определяется как воздействие на человека, воспринимаемое им без критической оценки [145, с. 396]. Подвергнутое такого рода воздействию лицо воспринимает поступающую информацию без ее понимания, осмысления, анализа и соотнесения со своим личным опытом и состоянием.

Уже В. М. Бехтерев писал, что «под внушением следует понимать непосредственное прививание к психической сфере данного лица идеи, чувства, эмоции и других психофизических состояний, помимо его “я”, т. е. в обход его самосознающей и критикующей личности» [20, с. 24].

При этом, по замечанию исследователя, «внушение в общем представляет собою более распространенный фактор, нежели убеждение», так как пути для передачи психических состояний путем внушения

гораздо более многочисленны, чем пути для передачи мыслей путем убеждения [20, с. 25]. Данную точку зрения разделяет Б. Ф. Поршнев, который приходит к выводу, что «всякая речь, обращенная к другому или другим, есть внушение» [142, с. 156].

По нашему мнению, предложенная выше трактовка внушения подходит скорее для характеристики речевого воздействия (в широком понимании) в целом, в то время как внушение и убеждение представляют собой его способы (виды).

На первый взгляд, разница между внушением и убеждением очевидна и заключается в выбираемых коммуникатором средствах воздействия и отсутствии или наличии у реципиента возможности критически воспринимать информацию.

Так, В. М. Бехтерев указывает на то, что «в то время как словесное убеждение обыкновенно действует на другое лицо силой своей логики и доказательствами, внушение действует путем непосредственного прививания психических состояний, т. е. идей, чувствований и ощущений, не требуя вообще никаких доказательств и не нуждаясь в логике» [20, с. 25].

Сравнивая речевой акт убеждения с речевыми актами внушения, гипноза и т. п., Д. А. Бокмельдер приходит к аналогичному выводу: акты данной группы «направлены на бессознательное», в то время как убеждение ориентировано на логический аспект мышления человека [68, с. 14–15].

Между тем у Б. Ф. Поршнева находим, что в социальной жизни «внушение в той или иной пропорции соединено с убеждением, разъяснением» [142, с. 156]. Данная точка зрения нам представляется наиболее правомерной, хотя и требующей пояснения, какова данная пропорция в каждом конкретном типе дискурса.

Ю. А. Шерковин пишет о существовании смешанного типа внушающего и убеждающего воздействия: «В практике массовой коммуникации убеждение дополняется внушением, которое в отличие от убеждения определяется не только и не столько содержанием информации, сколько ее внешней формой, выразительностью, подчеркивающей смысловую значимость и эмоциональную окраску сообщений, а также престижем источника» [184, с. 184]. По мнению исследователя, можно с полным правом говорить о «внушающей силе убеждения»: «Поглощенность аудитории логичностью доводов в процессе убеждения, проникновение логики не только в сознание, но и в чувства создает качественно новый эффект – эффект внушения» [185, с. 35].

На наш взгляд, именно такой тип речевого воздействия характерен для политического дискурса, прагматическая направленность которого не вызывает сомнений. В частности, Е. И. Шейгал подчеркивает, что «убеждение в политическом дискурсе связывается преимущественно с воздействием на эмоции и подсознание, а не на разум, логическое мышление. Особенно это характерно для общения политиков с населением, где суггестивный момент преобладает над рациональным, а успех коммуникации основан прежде всего на завоевании симпатии и доверия адресата» [182, с. 56].

Здесь стоит остановиться на вопросе разграничения внушения и суггестии. Ряд исследователей используют данные понятия как синонимы (С. Ю. Головин, И. Ю. Черепанова), другие употребляют только один из них (например, Г. А. Гончаров рассматривает суггестию как «компонент человеческого общения; специфический вид коммуникации; противоположность убеждения» [56, с. 76]), третьи – разделяют.

Мы, вслед за Е. В. Шелестюк, полагаем, что «внушение – широкое понятие, включающее как открытое прямое внушение (например, во время сеанса гипноза, психотерапии, аутотренинга), так и скрытое, замаскированное или косвенное внушение», которое и представляет собой непосредственно суггестию [183, с. 11]. И потому мы используем термин *суггестия*, так как в политическом дискурсе содержание косвенного внушения «включается в сообщаемую информацию в скрытом, замаскированном виде и характеризуется неосознанностью, незаметностью, произвольностью его усвоения» [183, с. 12].

Итак, мы исходим из положения, что убеждение и суггестия в политическом дискурсе неразрывно связаны между собой и не могут быть рассмотрены обособленно. В пользу такого подхода говорит и то, что при осуществлении данных способов речевого воздействия используются во многом схожие вербальные и невербальные средства (ср., например, [56] и [173]). При этом представляется очевидным, что убеждение в политической коммуникации представляет собой более широкое явление, нежели суггестия.

1.6 Убеждение как коммуникативная стратегия

Для рассмотрения убеждения как способа речевого воздействия с точки зрения коммуникативно ориентированной лингвистики нужно остановиться на определении понятий *стратегия*, *тактика* и *ход / прием*.

В настоящий момент не существует единой классификации данных явлений, и однотипные речевые феномены исследователи могут относить как к тактикам, так и к приемам.

Описывая стратегическую модель понимания и порождения текста, Т. А. ван Дейк и В. Кинч отмечают, что «стратегические процессы во многом противоположны процессам алгоритмическим», которые гарантируют «успешное достижение цели, если правила верны и применяются корректно». Применяемые стратегии похожи, с их точки зрения, на эффективные рабочие гипотезы относительно правильной структуры и значения фрагмента текста, однако дальнейший анализ может их не подтвердить [59, с. 163]. Для выделяемых исследователями диалоговых стратегий в лингвистике традиционно используются термины *коммуникативная стратегия* и *речевая стратегия*.

По мнению В. Е. Чернявской, термин *коммуникативная стратегия* обозначает «своего рода план по оптимальному воплощению определенного коммуникативного намерения отправителя сообщения; план, который регулирует 1) содержание / тему информации, закладываемой им в текст; 2) тот коммуникативный эффект (реакцию адресата), к достижению которого он стремится; 3) выбор и комбинирование языковых средств, обеспечивающих речевое формулирование задуманных целей высказывания» [176, с. 45]. Исследовательница предлагает говорить о коммуникативно-речевой стратегии как «интегративном понятии, подразумевающим неразрывное единство речевых, познавательных и коммуникативных действий» [176, с. 46].

Такой подход представляется нам оптимальным для описания той или иной стратегии и в работе исходим из того, что существует **коммуникативная стратегия убеждения** как понятие высшего уровня абстракции и **коммуникативно-речевые (или речевые) стратегии убеждения**, применяемые в конкретной речевой ситуации. Далее для удобства будем пользоваться данными терминами как синонимичными.

О. С. Иссерс, которой принадлежит одно из наиболее детальных исследований коммуникативных стратегий на материале русского языка, понимает под речевой стратегией в самом общем смысле «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» и включающих в себя «планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [81, с. 54], и выделяет семантические (дискредитация, подчинение и др.), прагматические (по-

строение имиджа, формирование эмоционального настроя и др.), риторические (привлечение внимания, драматизация и др.), диалоговые (контроль над темой, контроль над инициативой и др.) стратегии. По мнению исследовательницы, семантические (когнитивные) стратегии являются основными, так как они «непосредственно связаны с воздействием на адресата, его модель мира, систему ценностей, его поведение», а прагматические, риторические и диалоговые относятся к вспомогательным [81, с. 106]. У А. Н. Баранова находим, что с когнитивной точки зрения речевые стратегии могут быть описаны как «совокупность процедур над моделями мира участников ситуации общения, приводящих к передаче знаний от одного участника к другому» [11, с. 11].

Таким образом, вслед за О. С. Иссерс и А. Н. Барановым, мы признаем когнитивную стратегию понятием высшего уровня коммуникативной иерархии.

В. Е. Чернявская предлагает деление стратегий на общие – доминирующие – и частные, вариативно реализующие главную стратегию. В этом случае понятия речевой тактики и коммуникативного хода отождествляются: «следующий за коммуникативно-речевой стратегией уровень в системе коммуникации – коммуникативно-речевой прием, или, в другой терминологии, речевая тактика, техника» [176, с. 46]. Прием представляет собой конкретный коммуникативный ход, выступающий в качестве отдельного инструмента реализации общей стратегии.

В работе мы разграничиваем понятия коммуникативной стратегии, тактики и хода. При этом понятие стратегии связано с понятием речевой тактики как род и вид, а коммуникативный ход рассматривается «как прием, выступающий в качестве инструмента реализации той или иной тактики» [81, с. 117].

Г. А. Копнина, исследуя речевое манипулирование, также разграничивает понятия тактики и приема. По ее мнению, «манипулятивная речевая тактика – такое речевое действие, которое соответствует определенному этапу в реализации той или иной стратегии и направлено на скрытое внедрение в сознание адресата целей и установок, побуждающих его совершать поступок, выгодный манипулятору», а под манипулятивным речевым приемом понимается «способ построения высказывания или текста, реализующий ту или иную манипулятивную тактику» [102, с. 49].

С нашей точки зрения, при определенных условиях один и тот же коммуникативный ход может быть направлен на реализацию не только

разных тактик в каждом конкретном случае, но и сразу нескольких стратегий одновременно.

Итак, в работе **убеждение** понимается как особая коммуникативно-речевая стратегия, направленная на формирование у реципиентов устойчивых мнений, оценок и т. п. либо изменение их поведения в интересах адресанта. Для осуществления данной стратегии субъект выбирает конкретные тактики и использует определенные средства всех уровней языка. В рамках политического дискурса данная коммуникативная стратегия, являясь по своей сути когнитивной, выступает как основная. Вопрос о выделении стратегий и тактик политического дискурса будет рассмотрен в разделе 2.4 *Тактики убеждения в послании президента парламенту*.

ГЛАВА 2

ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА ПАРЛАМЕНТУ В ОБЩЕЙ ПАРАДИГМЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

2.1 Речевой жанр как объект лингвистического изучения

В настоящее время понятие жанра используется в дискурсивных исследованиях достаточно широко. Практическое владение набором основных речевых жанров считается существенным аспектом речевой компетенции. В. И. Карасик утверждает, что «владение речевым жанром есть одна из статусных характеристик личности» [86, с. 134].

Количество и виды жанров могут варьироваться в зависимости от культур, исторических эпох, социальных условий и т. п. [237; 244]. На жанровую дифференциацию влияет множество различных факторов, например, характер и вид коммуникации, наличие иллюкативной силы, число участников, вид и типическая концепция адресата, обращенность к адресату/отсутствию обращенности, активность/пассивность адресата и др. [75, с. 43]. Справедливо отмечая, что «в реальной жизни <...> жанры редко бывают представлены в чистом виде», Н. Д. Арутюнова подчеркивает, что «они различны по своим целям – прямым и косвенным, степени запрограммированности ответных реакций, распределению ролей и коммуникативных интересов, “правовому кодексу”, протяженности, интенциональным состояниям собеседников, условиям успешности, по модальным характеристикам» [9, с. 650].

Исчерпывающей классификации жанров не существует, так как объектом специальных исследований становились в основном только отдельные речевые жанры (полный список приводится в [61]). Таким образом, вопрос о способе описания и классификации речевых жанров остается открытым (см. [46; 187; 244] и др.).

В рамках современных исследований В. В. Дементьев выделяет три основные группы концепций жанра:

- 1) концепции, опирающиеся на классическое определение жанра (восходящее к Аристотелю и Н. Буало);
- 2) работы, посвященные описанию отдельных аспектов жанровой организации речи;

3) исследования, опирающиеся на концепцию речевых жанров М. М. Бахтина [62].

Мы остановимся подробно на последнем подходе, так как в его рамках, на наш взгляд, представляется возможным выстроить целостную концепцию описания природы речевых жанров.

Понятие жанра первоначально использовалось в литературоведении для различения видов литературных произведений. М. М. Бахтин предложил более широкое понимание речевых жанров как относительно устойчивых типов высказываний [16, с. 250]. К определяющим признакам речевого жанра, по мнению исследователя, относится в первую очередь его диалогичность, так как жанр речи – это не отдельное высказывание, а необходимый элемент в структуре диалога [16, с. 263–264].

Выработанное М. М. Бахтиным определение речевого жанра получило дальнейшее осмысление в современной теории речевых жанров, в которой сегодня с известной долей условности можно выделить два основных подхода: **генристику** и **прагматическое направление**.

В рамках генристики (по классификации В. В. Дементьева) речевой жанр рассматривается как аналог речевого акта (см. [78; 190; 266] и др.).

М. М. Бахтин пишет, что вторичные (сложные, идеологические) речевые жанры (романы, драмы, научные исследования, большие публицистические жанры и пр.) «в процессе своего формирования <...> вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения» [16, с. 252]. Именно это утверждение позволило ряду лингвистов отметить несомненное сходство между первичными речевыми жанрами М. М. Бахтина и речевыми актами.

Например, А. Вежицкая, не отрицая, что при некоторых обстоятельствах разграничение терминов *речевой жанр*, *речевое событие* и *речевой акт* может быть полезным, считает необходимым подчеркнуть, что на определенном уровне сложные речевые образования стоит рассматривать так же, как простые речевые акты. Используя термин *речевой жанр* в бахтиновском смысле как обобщающий, исследовательница отмечает, что, несмотря на огромное разнообразие речевых жанров, отличающихся по функции, структуре и, прежде всего, длине, у них, по сути, одна лингвистическая природа, а значит, им нужна единая дескриптивная основа («they share, in an important sense, the same linguistic structure and require a unified descriptive framework») [266, с. 149].

Вопрос о разграничении речевых актов и речевых жанров пока не получил однозначного решения. Как отмечает М. Н. Кожина, общим в данных теориях является следующее: смена коммуникативных ролей, рассмотрение интенциональной структуры речевого произведения и контекста употребления. Кроме того, и речевой акт, и речевой жанр претендуют на статус минимальной значимой единицы общения (дискурса). Однако, как справедливо отмечает исследовательница, между речевым актом и речевым жанром есть существенное различие: речевой акт – это «отдельная реплика в диалоге, наделенная определенной иллокутивной силой и вызывающая, предполагающая определенный перлокутивный эффект <...> это элементарная единица речи», а речевой жанр – это всегда взаимодействие, это «более развернутое и сложное речевое построение, состоящее из нескольких речевых актов» [98, с. 58–59].

На различия речевых актов и речевых жанров обращают внимание и другие лингвисты (В. В. Дементьев, К. А. Долинин, Т. В. Шмелева и др.). Например, по мнению Т. В. Шмелевой, главное различие состоит в том, что «теория речевых актов обращена к сфере действий, тогда как учение о речевом жанре – к сфере текстов, высказываний как результатов действий» [187, с. 93]. На эту же особенность речевых жанров указывает и М. Ю. Федосюк [170].

Многие лингвисты (А. Вежбицкая, Е. А. Земская, О. Б. Сиротинина, М. Ю. Федосюк и др.) обращают внимание на размер речевых актов и речевых жанров. Так, по мнению Е. А. Земской, «жанры речи – более крупные единицы, чем речевые акты. Они характеризуются более сложным строением, могут включать несколько иллокутивных сил. Каждый жанр имеет определенную композицию и тематическое строение» [75, с. 42].

Таким образом, сведение речевого жанра исключительно к речевому акту не представляется возможным. Его основными отличиями можно считать диалогичность, более сложную структуру и более крупный размер, а также обращенность речевого жанра к сфере текстов как результатов действий. В целом данный подход не учитывает прагматическую направленность и контекстуальную обусловленность речевого жанра, которые являются определяющими при трактовке речевого жанра в рамках прагматического направления.

Сторонники данного направления (Н. Д. Арутюнова, К. Ф. Седов, М. Halloran, С. R. Miller и др.) особое внимание уделяют факторам реальной коммуникации (см. [234; 244] и др.). Речевые жанры понимаются как составляющие дискурса и являются неотъемлемой частью боль-

шинства ситуационных моделей, описывающих социальное взаимодействие. Таким образом, коммуникативная сфера является решающей для определения речевого жанра. При этом до настоящего времени нет единого мнения о дефиниции речевого жанра. Для примера можно привести следующие определения: «устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы не высказываний, а текстов» [170, с. 67], «специфическая форма культуры» [46, с. 102], «средство формализации социального взаимодействия» [63, с. 30–31]. Ст. Гайда предлагает два значения термина: 1) «культурно и исторически оформленный, общественно конвенционализированный способ языковой коммуникации; образец текста»; 2) «совокупность текстов, в которых определенный образец является актуализированным, реализованным» [52, с. 104].

С. Левинсон под речевыми жанрами (или, по классификации автора, типами деятельности – «activity types») понимает условные образцы для коммуникативного решения социальных проблем [234]. Той же точки зрения придерживаются Г. Е. Лауэрбах и А. Фетцер [232]. Схожее определение находим у Дж. Харрелла, который полагает, что риторические жанры являются результатом организационных принципов, обнаруживаемых в повторяющихся ситуациях, порождающих дискурс («rhetorical genres stem from organizing principles found in recurring situations that generate discourse characterized by a family of common factors») [221, с. 263–264].

Таким образом, во всех представленных выше определениях так или иначе фигурирует понятие образца или модели. При таком подходе, по замечанию В. В. Дементьева, вербальным средствам отводится лишь служебная роль [63, с. 29], которую тем не менее сложно переоценить.

О. Б. Сиротинина предлагает разграничить понятия речевого и риторического жанра на основании интенционального использования языковых средств: «один и тот же жанр может быть чисто речевым при отсутствии специально спланированного, сознательно использованного построения речи и употребления в ней определенных языковых средств и риторическим – в случае сознательного планирования и употребления тех или иных средств» [152, с. 28].

Учитывая, что в нашем исследовании речь идет о жанре политического дискурса, интенциональный характер которого не вызывает сомнения, мы будем использовать приведенные выше термины как синонимичные и под **речевым жанром**, вслед за В. В. Дементьевым и К. Ф. Седовым, будем понимать «вербальное оформление типичной

ситуации социального взаимодействия людей» [64, с. 11], что позволит учитывать роль непосредственно языкового компонента в организации коммуникации. В таком толковании речевой жанр представляет собой модель речевого поведения и привносит в дискурс необходимую в каждом конкретном случае степень организованности, упорядоченности. Вследствие этого дискурс и речевой жанр (далее – **жанр**), как уже отмечалось выше, находятся между собой в родовидовых отношениях.

2.2 Президентская риторика в жанровой структуре политического дискурса

Структура современного политического дискурса многообразна (особенно в его в широком понимании) и включает множество жанров, которые не перестают выступать объектом исследования лингвистов (см. [10; 53; 110; 123] и др.). Дифференциация жанров осуществляется в соответствии с различными принципами (см. [5; 30; 103; 188] и др.), а потому существует большое количество классификаций и типологий: по характеру субъекта, по характеру адресата, по функциям, по объему информации, по цели высказывания и др. [178, с. 53–54].

Так, например, Е. Г. Борисова предлагает классификацию жанров политической риторики по субъекту речи и выделяет следующие ее виды: президентская, парламентская, правительственная (управленческая), речь публичного деятеля (лидерская) [30].

О. Н. Паршина при классификации жанров политического дискурса учитывает такие параметры, как специфика устной или письменной коммуникации и деление жанров на диалогические и монологические [137].

Е. Ю. Алешина предлагает градацию жанров политического дискурса в зависимости от предметного типа содержания политического текста, определяемого целевым содержанием высказывания как фактором регуляции речевого общения, и выделяет информационные, убеждающие, призывные жанры и жанр-оправдание/покаяние [3, с. 297].

По классификации Ж. В. Зигманн, жанры политического дискурса организованы иерархически и могут быть представлены тремя гипержанрами: программные документы, гипержанр предвыборной агитации и политические дебаты [77].

На основании сфер деятельности и выполняемых функций Н. Фэркло выделяет следующие группы жанров политической коммуникации:

жанры, имеющие отношение к политической системе, жанры, опосредованные фактором масс-медиа, и жанры, относящиеся к политической публичной сфере [213, с. 33–34].

Очевидно, что сложность структурирования жанрового пространства политического дискурса в широкой трактовке связана с его неоднородным характером. На наш взгляд, наиболее полное и детальное описание жанровой структуры политического дискурса предложила Е. И. Шейгал, выделив следующие параметры:

- институциональность, или официальность: градация жанров от максимальной неформальности общения до максимальной институциональности (отметим, что В. И. Карасик также указывает на то, что институциональность носит градуальный характер [87, с. 204]);

- субъектно-адресатные отношения: разделение коммуникации на общественно-институциональную (по линиям «институт – общество» и «общество – институт»), коммуникацию между институтом и гражданином и коммуникацию между агентами в институтах;

- социокультурная дифференциация: учет вариантов политических социолектов;

- событийная локализация: отнесенность жанра к циклическим, календарным или спонтанным событиям политической жизни;

- степень прототипности (центральности) – маргинальности жанра в полевой структуре дискурса; соответствие жанра основной интенции политической коммуникации – борьбе за власть;

- характер ведущей интенции: выделение ритуальных, ориентационных и агональных жанров [182, с. 232–246].

В дальнейшем при описании жанра послания президента парламенту будем опираться на предложенную Е. И. Шейгал классификацию с учетом представленных выше точек зрения.

Исследовательский интерес для нас представляет особая область политического дискурса, выделяемая на основе адресанта (см. классификацию жанров Е. Г. Борисовой) – президентская риторика (далее в работе термины *политическая риторика* и *политический дискурс* используются как синонимичные), которая часто становится объектом анализа в американских исследованиях по политической коммуникации (см. [199; 200; 242; 264] и др.). По словам Дж. К. Тьюлиса, разработавшего понятие «риторического президентства» («the rhetorical presidency»), со времен правления Т. Рузвельта и В. Вильсона популярная, или массовая, риторика стала основным инструментом президентского

правления («Since the presidencies of Theodore Roosevelt and Woodrow Wilson, popular or mass rhetoric has become a principal tool of presidential governance») [264, с. 4].

Современный президентский дискурс представляет собой многомерное речевое образование, обладающее характерными чертами, выполняющее определенные функции и имеющее особую жанровую структуру. М. В. Гаврилова выделяет такие характеристики российского президентского дискурса, как статусно-ролевая природа речевого поведения главы государства; социальная обязанность следовать стилевым требованиям формальной (официальной) коммуникации; интерпретация президентской речи как политического действия и др. [51].

О. В. Спиридовский, исследовавший лингвокультурные характеристики американского президентского дискурса, обращает внимание на его принципиально риторический характер и, в частности, его сверхметафоричность, а также рассматривает проблему его интертекстуальности [156; 157].

Мы учли установленные исследователями особенности российского и американского президентского дискурса и предлагаем выделить следующие черты президентской риторики в целом как особой области политической коммуникации:

- особое положение адресанта в политической системе государства и связанные с этим его широкие коммуникативные возможности;
- высокий статус всех выступлений президента и, как следствие, большой удельный вес подготовленных заранее выступлений (и участие в их составлении большого количества людей) и их риторический характер;
- необходимость соблюдать требования официальной коммуникации;
- опосредованность абсолютного большинства выступлений СМИ;
- интерпретация президентских выступлений как политических действий.

Президентский дискурс характеризуется также заданной тематикой общения и наличием определенных жанров, которые могут быть классифицированы в соответствии со следующими критериями:

- уникальность / неуникальность президента как адресанта выступления (существуют жанры, с которыми может выступать только глава государства: инаугурационная речь, объявление войны, прощальная речь и др., и жанры, адресантом которых может быть другое лицо, наделенное властью: интервью, прямая линия и др.);

- адресат: народ, парламент, правительство, лидеры или представители других государств и др.;
- канал передачи информации: устная или письменная (в некоторых случаях можно говорить о смешанном типе);
- форма организации: диалогическая (интервью, пресс-конференция, прямая линия и др.) или монологическая (вступительное слово, обращение, поздравление и др.);
- объем: малые, средние и крупные речевые формы;
- хронотоп: соотносённость с определенным политическим событием, время, место и условия выступления президента.

М. В. Гаврилова отмечает, что «жанры президентского дискурса отражают изменения в политической жизни государства и общества, политические интересы главы государства, а также позволяют увидеть движение политических процессов» [51, с. 437]. Примечательно, что в настоящее время появляются все новые жанры президентского дискурса (интервью в режиме реального времени в интернете, прямая линия, блог и др.). Лидеры стран даже заводят аккаунты в социальных сетях, что во многом обусловлено требованиями современного мира и расширением использования средств массовой коммуникации.

Следует отметить также, что появление тех или иных жанров любого вида дискурса, в том числе политического и президентского как его неотъемлемой части, может быть обусловлено национально-культурными особенностями и традициями определенного общества. А. Вежбицкая отмечает, что в каждой культуре есть собственный набор характерных речевых актов и речевых жанров («Every culture has its own repertoire of characteristic speech acts and speech genres») [266, с. 149]. Более того, даже один и тот же жанр в разных культурах часто имеет особенности, что и будет продемонстрировано далее на материале одного жанра президентского дискурса – послания президента парламенту.

2.3 Послание президента парламенту как жанр президентской риторики

Традиция обращения главы государства к парламенту ведет свой отчет с XVI века: в Великобритании каждая новая сессия парламента начинается с так называемой «тронной речи» монарха (*the Speech From the Throne*), которая представляет собой программу работы парламента,

предлагаемую правительством [260]. В других странах с конституционной монархией (Испания, Бельгия и др.) монарх также обращается к парламенту с «тронной речью».

В государствах с президентской формой правления президент является главой исполнительной власти, а парламент – высшим представительным и законодательным органом. Таким образом, послание президента парламенту (далее – послание) является исторически сложившейся формой взаимодействия законодательной и исполнительной ветвей власти.

В некоторых странах история изучаемого жанра насчитывает не одно десятилетие, а в других данная традиция является относительно молодой, что и обусловило сопоставительный характер исследования: в качестве материала были выбраны послания президентов Соединенных Штатов Америки и президентов Российской Федерации. Выбор хронологических рамок исследуемого материала (2001–2011 годы) объясняется статистической необходимостью, а также тем, что за данный период времени в обоих государствах сменились два президента, что позволит не сводить анализ к изучению идиомов (в приложении представлены примеры выступлений президентов США и РФ).

Сопоставительный анализ текстов, принадлежащих к одному жанру, который в первом случае является устоявшимся в лингвокультуре государства, а во втором – относительно новым, а также сравнение используемых грамматических средств английского и русского языков позволит выявить общие закономерности в рамках данного жанра, а также специфические возможности каждого из языков.

Итак, рассмотрим специфику послания как жанра политического дискурса на материале посланий президентов США Конгрессу «О положении союза» (англ. *State of the Union Address*) и президентов РФ Федеральному собранию за 2001–2011 годы, представленных на сайте проекта *The American Presidency Project* [248] и на сайте официального интернет-представительства президента РФ [134] соответственно. Общий объем проанализированных текстов-скриптов – 60526 и 74187 словоупотреблений соответственно. Перевод англоязычных цитат в работе принадлежит автору.

Ежегодное послание президента парламенту относится к президентской риторике и несомненно является жанром институциональным / официальным, а именно, как и другие публичные выступления политических лидеров, представляет собой статусно-индексальное

общение на уровне «политик – все общество или большие социальные группы» [182, с. 235]. Президент обращается к парламенту (и в США, и в РФ парламент состоит из двух палат): Конгрессу или Федеральному Собранию соответственно. Однако адресатом являются не только парламентарии, но и все граждане государства, так как выступление рассчитано на самую широкую аудиторию и транслируется в прямом эфире.

Учитывая, что послание является жанром институциональным, можно утверждать, что в полевой структуре политического дискурса оно будет относиться к прототипным, т. е. первичным жанрам, составляющим основу собственно политической деятельности [182; с. 244–245].

Не вызывает сомнений и принадлежность послания к монологическим устным жанрам. О. Н. Паршина справедливо отмечает, что, в отличие от диалогических жанров, в монологических жанрах, как правило, есть письменная основа, «ослабляющая, а часто исключая спонтанность речи» [137, с. 34]. В этой связи интересным является тот факт, что с 1801 по 1912 год послание президента США Конгрессу представляло собой письменный отчет. Некоторые американские президенты второй половины XX века также использовали письменную форму послания (Р. Никсон, Дж. Картер).

Особый исследовательский интерес вызывает классификация послания с точки зрения ведущей интенции. Не вызывает сомнений отнесенность данного жанра, наряду с отчетным докладом, партийной программой и т.п., к ориентационным жанрам, представляющим собой «тексты информационно-прескриптивного характера» [182, с. 246].

Между тем мы постараемся доказать, что послание президента парламенту можно рассматривать и как жанр ритуальный, или интегральный, так как оно непосредственно связано с ритуальными событиями, значимыми для определенного лингвокультурного сообщества. Под ритуальными (в отличие от текущих и спонтанных) будем понимать, вслед за Е. И. Шейгал, те события политической жизни, которые «происходят регулярно, в определенное время, по определенному, жестко установленному графику и достаточно жестко регламентированному сценарию. Такие события образуют годовые, четырехгодичные и прочие циклы» [182, с. 241]. К ритуальным жанрам относятся речи политиков, которые ориентированы на выражение интеграции, единения народа [99, с. 302].

В рамках американской и русской лингвокультур можно выделить следующие ритуальные жанры президентской риторики (как общие, так и специфические для каждой лингвокультуры): инаугурационное обращение президента к нации (*Inaugural address*), прощальная речь президента (*Farewell address*), речь президента, приуроченная к определенному событию (*Speech / Remarks on the occasion*), субботнее радио-обращение президента к нации (*Saturday radio address*) и др.

К ритуальным жанрам (не отрицая его в первую очередь ориентационную природу) мы относим и послание президента парламенту на основании следующих критериев:

- пространственная и временная локализованность;
- тематическая заданность общения и закреплённая форма.

2.3.1 Хромотопные признаки послания

Хромотопные признаки изучаемого жанра дискурса имеют специфический устоявшийся характер, который сформировался и закрепился в ходе социально-исторического и политического развития американского и российского общества.

Так, в американской политической культуре традиция ежегодного послания президента парламенту сложилась достаточно давно: впервые с обращением к Конгрессу выступил Дж. Вашингтон в 1790 году.

Согласно сложившейся традиции американский президент выступает с посланием ежегодно (характерно, что до 1935 года оно называлось *The President's Annual Message to Congress* / «Ежегодное послание президента Конгрессу» [229]; [выделение наше. – Е. В.]). При этом Конституция США не устанавливает четких сроков подобных обращений. Статья II, Раздел 3 Конституции США гласит: *He shall from time to time give to the Congress information of the state of the union, and recommend to their consideration such measures as he shall judge necessary and expedient* / «Он [президент] периодически предоставляет Конгрессу информацию о положении Союза и рекомендует к его рассмотрению такие меры, которые он сочтет необходимыми и целесообразными» [203].

Начиная с 1934 года президенты США выступают с посланиями в январе или, в годы вступления новоизбранного президента в должность, феврале (церемония инаугурации проходит в январе). Впрочем, февральские выступления нельзя считать в полной мере посланиями

«О положении союза», так как президент выступает вскоре после своей инаугурации. Однако, по замечанию Г. Петерса, одного из создателей проекта *The American Presidency Project*, для исследовательских целей можно и эти выступления относить к описываемому жанру, так как их влияние на общество, СМИ и восприятие Конгрессом президентского лидерства и силы, по-видимому, равнозначно влиянию непосредственно ежегодных посланий парламенту [248].

Послание президента РФ Федеральному Собранию – относительно новый жанр российского политического дискурса, который был подготовлен нормами политической риторики XX века и, в частности, советского политического дискурса [51, с. 313]. Жанр закрепился с 1994 года, когда с посланием впервые выступил Б. Н. Ельцин. С тех пор глава государства ежегодно обращается к Федеральному Собранию. Необходимость таких обращений закреплена в Конституции РФ 1993 года, пункт «е» статьи 84 которой гласит, что президент «обращается к Федеральному Собранию с ежегодными посланиями о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства» [100].

Кратко сравнительная характеристика посланий президента парламенту в американской и русской лингвокультурах представлена в таблице.

**Сравнительная характеристика
посланий президентов США и РФ**

	США	РФ
Закрепленность в Конституции	да, без указания сроков	да, с указанием сроков
Время события	январь или февраль	любой месяц
Церемония	Выступление происходит по определенному сценарию	
Время произнесения речи	около часа	
Место события	Вашингтон, Капитолий	Москва, Кремль, Мраморный зал
Трансляция	транслируется в прямом эфире на ведущих телеканалах и радиостанциях США	транслируется в прямом эфире федеральными телеканалами и радиостанциями

2.3.2 Структура текста послания

Структура текста послания включает следующие элементы: обязательные рамочные компоненты (обращение к адресату и благодарность за внимание), вступление, основную часть и заключение.

Традиционно послание начинается с **обращения к аудитории**. Составление этих элементов схематической структуры показало, что в обращениях президентов США и РФ существуют определенные отличия.

В проанализированных выступлениях американских президентов всегда в следующей последовательности упоминаются: спикер, вице-президент и члены Конгресса. Практически всегда далее следует обращение к почетным гостям (в редких случаях они конкретно названы) и гражданам Америки: *Mr Speaker, Vice President Cheney, Members of Congress, distinguished citizens and fellow citizens* (2003); *Mr Speaker, Vice President Cheney, Members of Congress, members of the Supreme Court and diplomatic corps, distinguished guests, and fellow citizens* (2006); *Madam Speaker, Vice President Cheney, Members of Congress, distinguished guests, and fellow citizens* (2008); *Madam Speaker, Vice President Biden, members of Congress, distinguished guests, and fellow Americans* (2010). Таким образом, можно утверждать, что в послании Конгрессу президенты США используют достаточно устойчивую речевую формулу обращения к аудитории.

Анализ выступлений российских президентов показал, что в посланиях Федеральному Собранию такой формулы не существует, однако можно выделить основные компоненты обращения. Так, российские президенты, в отличие от американских, практически всегда отдельно называют две палаты парламента (за исключением двух выступлений В.В. Путина: в 2005 и 2006) и далее обращаются к гражданам страны: *Уважаемые депутаты Государственной Думы! Уважаемые члены Совета Федерации! Уважаемые граждане России!* (2001); *Добрый день, уважаемые члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы, Уважаемые граждане России* (2004); *Уважаемое Федеральное Собрание, уважаемые граждане России* (2005, 2006). Послание 2007 года началось с минуты молчания (*Вчера мы простились с первым президентом России Борисом Николаевичем Ельциным. Прошу вас почтить его память минутой молчания*), далее последовало обращение к депутатам и членам Совета Федерации.

Лишь однажды – в 2005 году – встречается обращение к председателям палат Федерального Собрания (*Добрый день, уважаемые друзья! Уважаемые председатели палат Федерального Собрания, уважаемые депутаты Государственной Думы, члены Совета Федерации!*) в отличие от посланий президентов США, в которых традиционно звучит обращение к председателю, а затем к депутатам парламента. Характерно, что во всех выступлениях Д. А. Медведева на первое место выносятся обращения именно к гражданам государства, что говорит о стремлении привлечь внимание всего населения страны к выступлению: *Уважаемые граждане России! Уважаемые депутаты и члены Совета Федерации!* (2008–2010).

Обращение в посланиях также маркирует композиционные элементы выступления и служит средством привлечения внимания к последующей информации.

Второй рамочный компонент структуры послания – **благодарность за внимание**. В конце выступления российские президенты практически всегда благодарят аудиторию (за исключением посланий 2009 и 2010 годов), в то время как в посланиях американских президентов данная речевая формула может отсутствовать. При этом в конце каждого выступления лидеры США обязательно апеллируют к Богу: *May God bless America* (2006); *Thank you. God bless you. And may God bless the United States of America* (2009).

В небольшой по объему **вступительной части** президент акцентирует торжественность момента и косвенно подчеркивает собственный статус, упоминая о своей обязанности как главы государства выступать с посланием. Такого рода вступления встречаются в основном в речах американских президентов: *America this evening is a nation called to great responsibilities, and we are rising to meet them* / «Америка сегодня вечером – это нация, призванная к великим обязательствам, и мы готовы их выполнить» (2004). Для достижения поставленной во вступлении цели адресант часто обращается к прошлому: *Our Constitution declares that from time to time, the President shall give to Congress information about the state of our union. For 220 years, our leaders have fulfilled this duty. They've done so during periods of prosperity and tranquility <...> in the midst of war and depression; at moments of great strife and great struggle* / «По нашей Конституции президент обязан время от времени предоставлять Конгрессу информацию о положении нашего союза. На протяжении 220 лет наши лидеры выполняли этот долг. Они поступали так в периоды про-

цветания и порядка <...> в разгар войны и депрессии, в моменты великой вражды и великой борьбы» (2010).

В выступлении В. В. Путина 2003 года также встречается обращение к Конституции: *Сегодня, в соответствии с Конституцией, представляю вам доклад о положении в стране*. Однако сразу после этого президент переходит к подведению итогов.

Вступление, подобное тем, с которых начинаются послания американских президентов, встречается в проанализированном материале лишь единожды – в 2007: *Вы знаете, что традиция ежегодных посланий Федеральному Собранию, а фактически прямых обращений к народу России, была заложена Конституцией 1993 года, Конституцией, принятой по инициативе президента Ельцина*. Однако такого рода отклонение от обычной структуры посланий является исключением и связано с кончиной первого президента РФ.

Таким образом, торжественные выступления характерны в большей степени для посланий американских лидеров, в русскоязычных текстах в данной части (если она вообще присутствует) президент обычно формулирует цели своего выступления: *Мы вновь собрались в этом зале, чтобы подвести итоги за год и поставить задачи на предстоящий период. Наши цели неизменны: демократическое развитие России, становление цивилизованного рынка и правового государства. И самое главное – повышение уровня жизни нашего народа* (2002); *В посланиях последних лет были сформулированы основные приоритеты социально-экономической политики на ближайшее десятилетие. И сегодня наши основные усилия направлены именно на те сферы, которые прямо определяют качество жизни граждан* (2006).

Вступление подготавливает аудиторию к восприятию **основной части** послания, посвященной анализу политической, экономической и социальной ситуации в стране и определению направлений развития государства на последующий год.

Основную часть послания можно условно разделить на следующие компоненты:

а) констатирующую часть, посвященную достижениям прошедшего года и представлению существующих проблем.

Российские президенты, в отличие от американских, сразу после обращения к аудитории приступают к оглашению итогов прошедшего года: *Представляя Послание на 2001 год, прежде всего несколько слов о годе минувшем* (2001); *Начну свое Послание с оценки событий текуще-*

го года (2008). Примечательно, что американские президенты никогда не маркируют переход от одного временного пласта к другому: *Seven years have passed since I first stood before you at this rostrum. In that time, our country has been tested in ways none of us could have imagined. <...> I think it's fair to say, we've answered the call* / «Семь лет прошло с тех пор, как я впервые стоял перед вами за этой кафедрой. В то время наша страна подвергалась таким испытаниям, которые никто из нас не мог представить. <...> Думаю, справедливо сказать, что мы ответили на вызов» (2008);

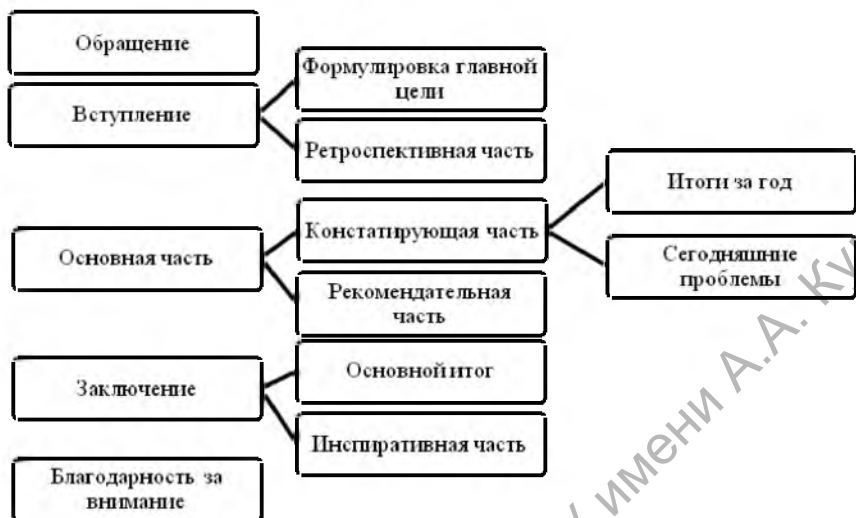
б) рекомендательную часть, которая обычно является самой объемной и включает в себе непосредственную информацию о предлагаемых президентом мерах. Президент определяет приоритеты развития страны и ставит задачи парламенту: *To make our economy stronger and more dynamic, we must prepare a rising generation to fill the jobs of the 21st century. <...> To make our economy stronger and more competitive, America must reward, not punish, the efforts and dreams of entrepreneurs. <...> To make our economy stronger and more productive, we must make health care more affordable and give families greater access to good coverage and more control over their health decisions. <...> To keep our economy growing, we also need reliable supplies of affordable, environmentally responsible energy. <...>* / «Чтобы сделать нашу экономику более сильной и динамичной, мы должны подготовить подрастающее поколение к профессиям 21-го века. <...> Чтобы сделать нашу экономику более сильной и конкурентоспособной, Америка должна поощрять, а не наказывать усилия и мечты предпринимателей. <...> Чтобы сделать нашу экономику более сильной и продуктивной, мы должны сделать здравоохранение более доступным и предоставить семьям больший доступ к медицинским услугам и больший контроль при принятии решений, касающихся их здоровья. <...> Чтобы наша экономика продолжала расти, нам также нужны надежные запасы доступной и экологически чистой энергии» (2005); *И потому задачей номер один для нас по-прежнему остается повышение эффективности государственного управления, строгое соблюдение чиновниками законности, предоставление ими качественных публичных услуг населению. <...> Следующая по значимости крупная задача в сфере государственного строительства – это укрепление Федерации. <...> Третьей серьезной задачей считаю проведение активной политики либерализации предпринимательского пространства. <...> Остановлюсь еще на одной,*

на мой взгляд, системообразующей задаче в сфере развития государства. Она касается работы налоговых и таможенных органов. Считаю, что приоритетом в их деятельности должна стать проверка исполнения налогового и таможенного законодательства, а не выполнение каких бы то ни было планов по сбору налогов и пошлин. <...> И, наконец, еще один важный вопрос. Россия крайне заинтересована в масштабном притоке частных, в том числе иностранных, инвестиций. <...> И нам пора четко определить те сферы экономики, где интересы укрепления независимости и безопасности России диктуют необходимость преимущественного контроля со стороны национального, в том числе государственного, капитала (2005).

В заключении президент обычно акцентирует внимание слушателей на главной, на его взгляд, цели и выражает уверенность в ее достижении. Поэтому заключительная часть послания является кульминационным и пафосным завершением речи [51, с. 212]: *Убежден, Россия обязательно поднимется на достойную ее потенциала высоту. Консолидация всех наших интеллектуальных, властных и нравственных ресурсов позволит России достичь самых больших целей. Великих целей, достойных великого народа. Пожелаем друг другу успехов* (2003); *We will compete and excel in the global economy. We will renew the defining moral commitments of this land. And so we move forward – optimistic about our country, faithful to its cause, and confident of the victories to come* / «Мы будем состязаться и выигрывать в мировой экономике. Мы возродим важнейшие моральные обязательства этой страны. И так мы движемся вперед – оптимистично настроенные в отношении нашей страны, верные ее благому делу и уверенные в предстоящих победах» (2006).

Заключение в выступлениях американских лидеров часто включает в себя инспиративную (интегративную) часть, содержащую открытый призыв к единению: *We don't quit. I don't quit. Let's seize this moment – to start anew, to carry the dream forward, and to strengthen our union once more* / «Мы не сдаемся. Я не сдаюсь. Давайте воспользуемся этим моментом, чтобы начать все заново, чтобы осуществить мечту и еще раз укрепить наш союз» (2010).

Перечисленные выше компоненты не обязательно следуют в предложенной последовательности, более того, они обычно перемежаются на протяжении всего выступления, но в целом композиционное строение посланий можно представить следующим образом:

Композиционная схема посланий

Представленная схема позволяет выявить «внутреннюю логику» посланий и сделать первичное предположение об их содержательном пространстве, т. е. о дискурс-картине мира и дискурс-картине кортежного взаимодействия (термины представителей каузально-генетического подхода). Под **дискурс-картиной мира** понимается «предмет-ориентированное, а точнее, субъект-предметное содержание (другие возможные названия – референтное, тематическое), которое отвечает на вопросы: о чем идет дискурсия и как это “о чем” организовано тематически с учетом развития тем?» [169, с. 21]. **Дискурс-картина кортежного взаимодействия** – это «субъект-ориентированное, а точнее, субъект-субъектное содержание, которое отвечает на вопрос: кто общается и как это взаимодействие общающихся подается, иначе говоря, как организован дискурс кортежно, на какое дискурсное сообщество данный текст проецирован?» [169, с. 22]. Ключевые категории данных видов содержания – тема и роль соответственно – «коммуникативно заданы в четырех измерениях: иерархическом и структурном (внелингвистические параметры содержания), парадигматическом и синтагматическом (лингвистические, вербально репрезентированные параметры содержания)» [169, с. 26].

Интерес для нашего исследования представляют последние две характеристики, так как они позволяют установить, какие именно

языковые средства использует говорящий при подаче информации, чтобы повлиять на слушающего. Анализ грамматического строения посланий будет представлен ниже, однако уже на данном этапе можно утверждать, например, что тексты посланий президентов, в отличие, скажем, от их инаугурационных обращений, характеризующихся так называемой «вневременностью» («timelessness») [200, с. 46], ориентированы на моделирование программы «от прошлого через настоящее к будущему». Для реализации данных процессов адресант обычно использует оппозиции временных форм: *These were the times that tested the courage of our convictions, and the strength of our union. And <...> America prevailed because we chose to move forward as one nation, as one people. Again, we are tested. And again, we must answer history's call* / «Это были времена, которые подвергали испытанию смелость наших убеждений и силу нашего союза. И <...> Америка восторжествовала, потому что мы предпочли двигаться вперед как единая нация, единый народ. Снова нас подвергают испытанию. И снова мы должны ответить на вызов истории» (2010); *Прежде всего, Россия была, есть и, конечно, будет крупнейшей европейской нацией* (2005). (Подробнее о прагматическом потенциале временных форм глагола см. раздел 3.3 Категория времени.)

При этом значительная часть временного и пространственного континуума текстов посланий реализована в координатах «здесь и сейчас», о чем свидетельствует высокая частотность определенных темпоральных и локальных лексических маркеров.

В частности, темпоральные наречия *now* / *сейчас* и *today* / *сегодня* создают ощущение сопричастности историческому моменту: *Только от нас сегодня зависит, сможем ли мы стать обществом действительно свободных людей [...]* (2004); *Именно сейчас нам нужно создавать основы национальной конкурентоспособности* (2008); *The people of Iraq want to live in peace, and now it's time for their Government to act* / «Жители Ирака хотят жить в мире, и сейчас их правительству пора действовать» (2005). Как видно уже из последнего примера, в выступлениях американских президентов ощущение значимости настоящего момента нагнетается также целым рядом синтаксических единиц с участием слова *time*: *we are living in a time of great change; we are living in historic times* (2004) и др. В посланиях российских президентов лексема *время* в большинстве случаев выполняет непосредственно информативную функцию: *И про-*

шу уже в ближайшее **время** принять закон о поддержке и развитии малого бизнеса (2007).

Анализ посланий американских президентов подтверждает мнение К. Кэмпбелл и К. Джеймисон, согласно которому, с точки зрения жанра, ежегодные послания Конгрессу характеризуются тремя взаимосвязанными процессами: публичным размышлением над ценностями («public meditation on values»), оцениванием информации и проблем («assessments of information and issues»), политическими рекомендациями («policy recommendations»). Размышление над ценностями включает в себя пересказ прошлого, который подчеркивает общий опыт американцев и используется президентом для поддержания коллективного духа и выделения национального характера. По замечанию лингвистов, предписывая президентам выступать с докладом о положении страны, конституция предлагает им роль национального историка, предоставляя им возможность перестраивать прошлое для того, чтобы изобретать будущее («In charging presidents with reporting on the state of the Union, the Constitution offers them the role of national historian, giving them the opportunity to reconstruct the past in order to forge the future») [200, с. 137].

Таким образом, во время размышления, оценивания и рекомендаций президент прославляет национальные особенности, связывает воедино прошлое, настоящее и будущее, а главное, поддерживает сам институт президентства.

Послания российских президентов также характеризуются данными процессами, однако не являются настолько торжественными, как американские. Так, российские президенты меньше времени уделяют описанию важности и исторической значимости момента, они реже апеллируют к традиционным ценностям и меньше используют речевые средства интеграции нации. Выступления российских президентов более четки и конкретны. Каждый тематический раздел послания является законченным структурным элементом, в котором соблюдается определенная последовательность изложения. Объяснить эти различия можно тем, что в США традиция ежегодного послания президента Конгрессу существует уже давно и выработались определенные нормы и принципы функционирования данного жанра, который с каждым годом приобретает все более торжественную окраску. Для российского президентского дискурса послание является относительно новым жанром, а потому призвано в первую очередь выполнять свою основную задачу.

2.3.3 Функции послания

Главной функцией ежегодного послания президента парламенту является непосредственно **поддержание и укрепление статуса самого института президентства**. Как отмечают американские исследователи, самым фактом произнесения послание напоминает стране, что президенты играют уникальную роль в их системе правления («By the sheer fact of its delivery, the address reminds the country that presidents have a unique role in our system of government») [200, с. 138]. Реализуется эта основная функция посредством актуализации подфункций, которые можно выделить в соответствии с перечисленными выше признаками. Рассмотрим подробнее каждую из них.

Информативная функция заключается в определении и разъяснении президентом целей развития страны, обозначении основных задач на предстоящий год. Президент подводит итоги прошедшего года, излагает свою оценку ситуации в стране и описывает предстоящие законодательные инициативы.

Для реализации данной функции используются модальные слова со значением долженствования и, реже, возможности: *We **should** also prepare for the unexpected, for the uncertainties of the future. We **should** approach our Nation's budget as any prudent family would, with a contingency fund for emergencies or additional spending needs* / «Мы также должны подготовиться к неожиданностям, к неопределенности будущего. Мы должны обращаться с бюджетом нашей нации так, как это делала бы любая разумная семья, предусматривая резервный фонд для чрезвычайных ситуаций или дополнительных расходов» (2001); *First, we **must** balance the Federal budget. We **can** do so without raising taxes. <...>* / «Во-первых, мы должны сбалансировать федеральный бюджет. Мы можем это сделать, не повышая налоги <...>» (2007); *Мы **должны** снизить уровень смертности, увеличить продолжительность жизни людей, преодолеть демографический спад* (2004); *Россия **может** стать* и одним из лидеров в нанотехнологиях (2006).

В посланиях российских президентов категория императивности выражается также посредством конструкций «**необходимо** (нужно) + инфинитив», «*просить* + инфинитив», «*призывать* + инфинитив» и т. п.: **Необходимо принять** конкретные меры для того, чтобы ситуацию изменить (2006); *В прошлогоднем Послании я уже давал соответствующее поручение Правительству и **просил начать** подготовку*

к административной реформе (2002); Отдельно останавлиюсь на ситуации в Чеченской Республике. Сегодня я прежде всего призываю представителей всех политических сил страны – они представлены в этом зале – проявить чувство ответственности в вопросе урегулирования ситуации в этой республике (2001).

Американские лидеры также используют конструкции с каузативными глаголами: *I urge you to support the American Competitiveness Initiative, and together we will show the world what the American people can achieve* / «Я призываю вас поддержать Инициативу по повышению конкурентоспособности Америки, и вместе мы покажем всему миру, чего может достичь американский народ» (2006); *And so I call on Congress to pass legislation that bans unethical practices, such as the buying, selling, patenting, or cloning of human life* / «И поэтому я призываю Конгресс принять законодательство, которое запрещает неэтичные практики, такие как покупка, продажа, патентование или клонирование человеческой жизни» (2008).

(Подробнее об императивных конструкциях см. раздел 3.4.1 Повелительное наклонение.)

Если говорящий подчеркивает тот факт, что предложенные им меры обязательно будут реализованы, то вместо модальных глаголов (или сразу после них) он использует форму будущего времени, тем самым констатируя факт их будущего осуществления: *We will win this war; we will protect our homeland; and we will revive our economy* / «Мы выиграем эту войну, мы защитим нашу родину, и мы восстановим нашу экономику» (2002); *Люди получают существенную экономию затрат за счет замены устаревшего оборудования* (2009).

Чтобы подчеркнуть объективность достигнутых результатов, президенты представляют их в виде цифровых данных: *That's why we extended or increased unemployment benefits for more than 18 million Americans; made health insurance 65 percent <...> and passed 25 different tax cuts* / «Вот почему мы расширили или увеличили пособия по безработице для более чем 18 миллионов американцев; сделали медицинскую страховку на 65 процентов дешевле <...> и приняли 25 различных снижений налогов» (2010); *За три последних года заказы атомной промышленности машиностроению выросли до 10 раз, а по сравнению с 2005 годом – в 25 раз* (2010). В российских выступлениях глагольные формы прошедшего времени совершенного вида усиливают значение результативности действия: *Мы вместе преодолели абсолютно неприемлемую ситуацию* <...> (2003).

Чтобы обратить внимание слушателей на достижения страны за прошедший год, используется сравнительная степень прилагательных и наречий: *And because we acted, students are performing **better** in reading and math* <...> / «И благодаря нашим действиям ученики лучше успевают по чтению и математике» (2007); *Люди **увереннее** смотрят в завтрашний день* <...> (2002).

Для акцентирования значимой информации в выступлениях используются указательные местоимения и наречия степени: *With all **these** steps, we will ensure that decisions about your medical care are made in the privacy of your doctor's office, not in the Halls of Congress.* <...> / «Благодаря всем этим шагам, мы удостоверимся, что решения о вашем медицинском обслуживании принимаются в офисе вашего врача, а не в залах Конгресса» (2008); *И для этого нам **крайне** необходимо эффективное государство* (2005).

Интегративная функция заключается в утверждении единства нации и призыве к объединению граждан. Важную роль в актуализации данной функции играют лексические маркеры:

– Инклюзивное местоимение *we / our*, *мы / наш* (которое является наиболее частотным в текстах посланий) и эксклюзивное *you / вы*. Особый интерес вызывают контекстуальные замены *you – we / we – you*, *вы – мы / мы – вы*: *We find unity in **our** incredible diversity* <...>: *if **you** adhere to **our** common values **you** should be treated no different than anyone else* / «Наше единство – в нашем невероятном разнообразии <...>: если вы придерживаетесь наших общих ценностей, то относиться к вам должны не иначе, чем ко всем остальным» (2010).

Такого рода цитаты, в которых подчеркивается единство разрозненных социумов в пределах одной нации, наиболее часто встречаются в речи политических деятелей многонациональных государств, что объясняется актуальностью проблемы единства нации в условиях этнического и культурного многообразия [109, с. 116].

(Подробнее о прагматическом потенциале личных и притяжательных местоимений см. раздел 3.2 *Категория лица*.)

– Лексемы совместности и всеобщности (*all / все, common / общий, together / вместе, unity / единство* и др.): *Yet we're **all** held to **the same** standards and called to serve **the same** good purposes* / «К тому же мы все придерживаемся одинаковых норм и призваны служить одинаковым благородным целям» (2007); *Но этот год стал для наших граждан, для всех нас не только временем новых надежд и достижений* (2008).

– Лексические единицы с компонентом совместности, выполняющие функцию вокатива с коннотацией «я свой» (*my fellow Americans, my fellow citizens, уважаемые граждане России* и др.), которые встречаются не только в начале выступлений, но и на протяжении всего текста. Такие обращения могут выступать как переход между структурными частями, но, главным образом, служат цели привлечения внимания реципиентов.

Инспиративная функция заключается в воодушевлении нации и прославлении традиционных ценностей. Президент напоминает о совместных победах в прошлом и указывает путь решения общих проблем в настоящем. Кроме того, экскурсы в прошлое выступают в качестве аргументативной аналогии, позволяющей надеяться на успешное преодоление трудностей. Президент вселяет в аудиторию веру в успех своей деятельности, подчеркивает, что он является продолжателем традиции своих предшественников: *Yet we can go forward with confidence, because the State of our Union is strong, our cause in the world is right, and tonight that cause goes on* / «И все же мы можем идти вперед с уверенностью, потому что положение нашего союза стабильное, наше дело в мире правое, и сегодня это дело продолжается» (2007); *Эта цель реалистична и достижима, я в этом абсолютно уверен* (2010).

Помимо обращения к прошлому и национальным ценностям, данная функция реализуется посредством грамматических форм непрямого императива со значением включения в сферу его действия говорящего: *Let's leave behind the fear and division, and do what it takes to defend our nation and forge a more hopeful future – for America and for the world* / «Давайте оставим позади страх и разногласия и сделаем все, что потребуется для того, чтобы защитить нашу нацию и создать более оптимистичное будущее – для Америки и для мира» (2010). (Подробнее о прагматическом потенциале грамматической категории наклонения см. раздел 3.4 Категория наклонения.)

Несомненно, все перечисленные выше функции взаимосвязаны, а при их реализации могут быть использованы схожие языковые средства.

2.4 Тактики убеждения в послании президента парламенту

Вопрос о выделении набора коммуникативных стратегий и тактик для определенного типа дискурса, в том числе политического, в насто-

ящее время является открытым. Основой для нашего исследования послужили работы О. Л. Михалевой и О. Н. Паршиной.

О. Л. Михалева, исследуя политический дискурс как сферу реализации манипулятивного воздействия, приходит к выводу, что в нем формируются три стратегии: стратегия на понижение, стратегия на повышение и стратегия театральности, каждая из которых осуществляется при помощи определенных тактик (стратегия на понижение – при помощи тактик анализ-«минус», обвинения, безличного обвинения, обличения и оскорбления; стратегия на повышение – при помощи тактик анализ-«плюс», презентации, неявной самопрезентации, отвода критики и самооправдания; стратегия театральности – при помощи тактик побуждения, кооперации, размежевания, информирования, обещания, прогнозирования, предупреждения, иронизирования и провокации) [121, с. 42–70]. Аналогичная точка зрения представлена в [2] и [72].

В исследовании О. Н. Паршиной «Российская политическая речь» [137] выделяется восемь стратегий политического дискурса: самопрезентации, дискредитации и нападения, манипулятивную, самозащиты, информационно-интерпретационную, формирования эмоционального настроения адресата, агитационную и аргументативную. При этом стратегии дискредитации и нападения, манипулятивная и самозащиты относятся к стратегиям борьбы за власть; информационно-интерпретационная стратегия и стратегия формирования эмоционального настроения адресата – к стратегиям удержания власти, а агитационная и аргументативная – к стратегиям убеждения. По мнению автора, каждая из этих стратегий реализуется посредством собственного набора тактик, а также при помощи двух неспециализированных тактик: акцентирования и дистанцирования.

Подчеркнем еще раз, что, на наш взгляд, выделение определенного фиксированного набора тактик для реализации каждой из стратегий вряд ли представляется возможным. Так, например, спорной является отнесенность стратегии формирования эмоционального настроения адресата исключительно к стратегиям удержания власти или манипулятивной стратегии исключительно к стратегиям борьбы за власть. Принимая во внимание, что сложно представить исчерпывающий набор тактик для любой стратегии, мы все же придерживаемся той точки зрения, что одна и та же тактика может служить реализации одновременно нескольких стратегий либо разных стратегий в различных контекстах.

Ввиду того что послание президента парламенту сочетает в себе черты ориентационного и ритуального жанров политического дискурса,

можно говорить о выделении в его рамках не одной, а двух основных коммуникативных стратегий. Исходя из функций, выполняемых посланием, мы считаем, что таковыми являются **стратегия информирования и стратегия убеждения**.

Объектом исследования выступает коммуникативная стратегия убеждения. Полагаем, что система тактик, выделяемых в ее рамках, в данных условиях едина для американского и российского политического дискурса, и предлагаем выделять следующие тактики (опираясь на классификации, предложенные О. Л. Михалевой и О. Н. Паршиной):

- **тактика самопрезентации** выражает желание говорящего представить себя в выгодном свете, заставить адресата уважать адресанта, склонить его к признанию авторитетности мнения, слов говорящего;

- **тактика указания на перспективу** направлена на выражение стратегических целей, позиций и намерений говорящего;

- **тактика обещания** связана с тактикой указания на перспективу и заключается в обещании говорящего выполнить какие-либо обязательства или реализовать планы;

- **тактика призыва** проявляется в обращении адресанта к аудитории с призывом к некоторому действию;

- **тактика акцентирования** выражает намерение говорящего подчеркнуть, выделить определенный момент своей речи;

- **тактика иллюстрирования** проявляется в использовании фактов и примеров;

- **тактика сопоставительного анализа** связана с тактикой иллюстрирования и заключается в сопоставлении фактов, событий и пр.;

- **тактика дистанцирования** основана на противопоставлении *мы* – *они* и проявляется в дистанцировании от «чужих»;

- **тактика кооперации** имеет своей задачей создание в сознании адресата ощущения единения, общности с адресантом.

Далее рассмотрим функционирование каждой из названных тактик и их взаимодействие и более подробно остановимся на анализе грамматических языковых средств, используемых говорящим для их реализации.

ГЛАВА 3

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ УБЕЖДЕНИЯ В ПОСЛАНИЯХ АМЕРИКАНСКИХ И РОССИЙСКИХ ПРЕЗИДЕНТОВ

3.1 Прагматический потенциал грамматических категорий

В языкознании традиционно выделяются три научные парадигмы – сравнительно-историческая, системно-структурная и антропоцентрическая. Переход к последней начался приблизительно в 70-х гг. XX в., когда интерес исследователей переключился с объекта познания, т. е. с вопросов функционирования языка, на субъекта, т. е. на человека, который пользуется языком [115, с. 5–6]. У Ю. С. Степанова находим: «Новая парадигма [...] поставила в центр внимания координату “Я”, рассматривая ее как необходимую основу для всего остального. На координате “Я” зиждется анализ более общего и столь же важного для этой парадигмы понятия субъекта» [158, с. 217].

Отношение знаков (в том числе языковых) к их интерпретаторам входит в сферу интересов прагматики, которая, как известно, была выделена в конце 30-х гг. XX в. Ч. Моррисом как один из разделов семиотики наряду с семантикой, изучающей отношения знаков к объектам, и синтактикой, рассматривающей отношения знаков между собой [125, с. 50].

Сегодня прагматика традиционно понимается как «область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи» [8, с. 389].

По мнению Ю. С. Степанова, именно язык «как бы незаметно направляет теоретическую мысль (философов, размышляющих о языке) и поэтический порыв (художников слова) поочередно по одной из своих осей – сначала семантики, затем синтактики, и, наконец, прагматики и, завершив этот цикл, готов, по спирали, повторить его снова» [158, с. 5].

Возросший интерес лингвистов к прагматическим аспектам коммуникации (В. И. Карасик отмечает «приоритетное положение прагматики в коммуникативной модели языка» [86, с. 112]) привел к выделению особого направления исследований – прагмалингвистики (прагматической лингвистики, лингвистической прагматики), которая «представля-

ет собой одно из направлений в современной прагматике и может трактоваться как лингвистический раздел прагматики» [116, с. 50].

Вслед за И. П. Сусовым, в работе прагмалингвистика понимается как «область лингвистических исследований, имеющих своим объектом отношение между языковыми единицами и условиями их употребления в определенном коммуникативно-прагматическом пространстве, в котором взаимодействуют говорящий/пишущий и слушающий/читающий и для характеристики которого важны конкретные указания на место и время их речевого взаимодействия, связанные с актом общения цели и ожидания» [161].

В сферу прагмалингвистики попадает широкий круг проблем, в том числе анализ явных и скрытых целей высказывания, внутренней установки говорящего и готовности слушающего «пойти навстречу» в понимании смысла высказывания; изучение типов коммуникативного поведения и т. д. [128, с. 8].

О сложности и многомерности прагматики сегодня говорят многие лингвисты (Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, Ю. С. Степанов, И. П. Сусов, А. Д. Шмелев и др.). Так, Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев, подчеркивая, что в естественном языке «онтология» и «прагматика» существуют в неразрывной связи и взаимодействии, отмечают, что «экстралингвистическая реальность представляет собою мир, взятый в интерпретации его людьми, вместе с их отношением друг к другу, и в этом смысле “онтология” явлений, как она представлена естественным языком, определяется тем, как люди, использующие язык, концептуализируют внеязыковую действительность; с другой стороны, любые речевые хитросплетения возможны лишь на фоне некоторого заданного способа языковой концептуализации мира» [33, с. 7].

Указывая на сложность определения границ прагматики, В. В. Химик предлагает определить ее ядро, организующий центр, которым, по мнению ученого, является «понятие говорящего, “я”, и отражение этого “я” в единицах языка и речи» [174, с. 3].

Данную точку зрения разделяют и другие лингвисты. Например, Ю. С. Степанов отмечает, что в сфере прагматики, где мы сталкиваемся с максимальной условностью и знаковой «произвольностью», «постоянным остается лишь сам принцип отношений – ориентация на говорящего, и это единственная объективность, которая действует в этой сфере» [159, с. 244].

Эгоцентричность человеческой речи отмечают многие исследователи. Так, Дж. Лайонз утверждает, что в типичной ситуации высказы-

вания при переходе в разговоре роли говорящего от одного участника к другому переключается и «центр» дейктической системы («The typical situation of utterance is egocentric: as the role of speaker is transferred from one participant to another in a conversation, so the “centre” of the deictic system switches») [238, с. 275], а В. Г. Гак пишет, что «человеческая речь эгоцентрична, поскольку именно говорящий отображает в своем сознании отношения между предметами действительности и компонентами речевого акта» [54, с. 557]. Схожую точку зрения находим у Б. Гейне, который считает, что структура языка является результатом нашего взаимодействия с миром вокруг нас, а способ построения высказываний и развития лингвистических категорий можно определить по тому, как мы воспринимаем наше окружение и используем этот опыт в общении («Language structure is the product of our interaction with the world around us. The way we build discourses and develop linguistic categories can immediately be derived from the way we experience our environment and use that experience in species specific communication») [222, с. 1].

Коммуникативной реализацией общей антропоцентрической установки языка В. В. Химик называет категорию субъективности. По мнению лингвиста, эгоцентричность каждого отдельного высказывания проявляется в субъективном самовыражении (непроизвольном или осознанном) говорящим, относительно которого устанавливаются субъективные смыслы (персональные, модальные, темпоральные, оценочные, экспрессивные и т.д.), которые вместе составляют «прагматическое поле субъективности, куда входят разноуровневые языковые и внеязыковые средства актуализации “я” через его различные показатели» [174, с. 3]. Семантико-прагматическое поле субъективности пересекается с рядом функционально-семантических полей, например, с модальностью и экспрессивностью, однако ведущей зоной проявления субъективности является персональность [174, с. 5].

В дальнейшем мы также будем использовать разработанное представителями функциональной грамматики понятие функционально-семантических полей, под которыми понимаются «единства, имеющие функциональную основу», т. е. функциональный подход интегрирует средства всех уровней языка на основе общности их функций [166, с. 3]. В структуре многих функционально-семантических полей можно выделить ядро – те центральные языковые средства, которые с высокой долей регулярности выражают семантику данного поля. Часто ядром функционально-семантических полей являются грамматические категории.

На своеобразие грамматики как системы указывают многие лингвисты (см., например, [1; 231]), а интерес ученых к прагматике привел к необходимости осмысления грамматических категорий в прагматическом аспекте, с точки зрения коммуникативной стратегии говорящего. Как отмечает О. С. Иссерс, грамматика, будучи сложной, строго организованной системой, развивающейся по своим внутренним законам, «обнаруживает и подвижность, и гибкость, которые позволяют говорящему творчески использовать ресурсы морфологии, словообразования и синтаксиса в соответствии со своими коммуникативными задачами. Грамматическая система языка обладает значительным потенциалом речевого воздействия» [82, с. 130].

При этом развитие системного подхода в современной науке потребовало изучения грамматических категорий в их взаимосвязи, что позволяет выявить «новые языковые закономерности, которые обнаруживаются в комплексной зависимости функционирования одной категории от функционирования другой категории» [146, с. 4].

Учитывая то, что общая антропоцентрическая установка языка реализуется, главным образом, посредством семантико-прагматического поля субъективности, важнейшей зоной проявления которого является персональность, при дальнейшем анализе языкового материала считаем необходимым отталкиваться именно от данного функционально-семантического поля и грамматической категории лица как его ядра.

Личный дейксис функционирует в трехчленной системе, которая отображает уникальное деление всех объектов действительности на три категории с точки зрения познающего мир человека: *я – ты – все остальное*. При этом обязательное различение в системе личных местоимений 1-го, 2-го и 3-го лица является абсолютной универсалией [119, с. 253], т. е. функционально-семантическая категория персональности имеет морфологическое выражение во всех языках мира.

В. В. Мартынов пишет: «С категорией лица мы покидаем сферу внутриграмматических отношений и переходим в иную – сферу пространственной и временной стратификации денотата предложения относительно говорящего (локацию). Если единственной глагольной категорией, участвующей в предикации, является категория залога, то категории лица и все остальные глагольные категории участвуют исключительно в локации» [114, с. 116]. Локация является первичным аппаратом прагматики, аппарат которой, в свою очередь, «состоит из разнообразных знаков-индексов, значений и функций которых могут быть определены

только в непосредственном отношении к акту речи в момент его протекания» [159, с. 242–243].

Действительно, функционально-семантическое поле персональности самым непосредственным образом связано с темпоральностью, так как именно эти категории соотносят определенную ситуацию с конкретным актом речи. У Ю. С. Степанова находим: «Говорящий самим актом своего утверждения как “Я”, присваивая в момент речи имя “Я”, допускающее переменные референты, для обозначения себя и только себя, тем самым присваивает себе весь язык, накладывая на него координаты того времени, когда он говорит, т. е. настоящего времени говорения, того места, где он говорит, т. е. места произнесения речи, и заставляя слушающего принять эти координаты и сообразоваться с ними. В свою очередь, слушающий, ставший говорящим, проделает ту же самую операцию присвоения» [158, с. 224]. Категория времени является важным источником дейктивности, так как она «вписывает» в дейктические координаты практически все предложения, употребляемые в речи [7, с. 16; 239, с. 682].

В свою очередь, универсальная категория темпоральности (во всех языках мира можно обнаружить определенную организацию понятия времени) неразрывно связана с модальностью, которая, с точки зрения прагматики, представляется «не как некая семантическая данность (аспект семантики), не как функция, сопровождающая диктальное содержание высказывания (аспект синтактики), а как управляемый и осуществляемый говорящим процесс выбора имеющихся в распоряжении языка средств, модусная аранжировка говорящим своих речевых поступков с целью регулирования собственных и чужих интенций» [101, с. 69]. Так как наклонение глагола относится к основным средствам выражения модальности, можно утверждать, что оно прагматично по самой своей природе: даже форма изъявительного наклонения наполняется в речи различными оттенками: желательности, необходимости и т. д. [128, с. 125–126].

Рассматривая парадигматические связи глагольных грамматических категорий вида, залога, наклонения, времени и лица, Ю. А. Пупынин отмечает, что их парадигматические и функциональные связи тесно взаимосвязаны. В частности, одним из проявлений связей грамматических категорий в парадигматическом аспекте является иерархичность: «инвентарь форм категории, стоящей на более низкой ступени иерархии, входит как составная часть в инвентарь форм категории, стоящей на более высо-

кой ступени иерархии». Так, все формы лица входят в состав времени, все формы времени – в состав наклонения, «и только формы вида и залога не составляют части инвентаря по отношению к какой-либо другой категории, в том числе по отношению друг к другу» [146, с. 7].

Учитывая два вышеназванных параметра: участие грамматических категорий в локации и их иерархические связи – мы предлагаем выделить в качестве наиболее прагматически значимых универсальные и взаимообусловленные категории лица, времени и наклонения, которым соответствуют функционально-семантические поля персональности, темпоральности и модальности. Данные категории функционально значимы в коммуникативном и суггестивном аспекте. Другие грамматические категории, как то: число, залог, степени сравнения и др. – также участвуют в реализации коммуникативной стратегии убеждения и помогают воздействовать на адресата, однако они менее самостоятельны и работают в комплексе с названными выше.

Будучи значимыми в прагматическом отношении, грамматические категории являются средством реализации различных коммуникативных стратегий и тактик говорящего и, как следствие, помогают ему сформировать в сознании слушающего особую дискурс-картину мира и дискурс-картину коротежного взаимодействия.

3.2 Категория лица

Лицо – категория, граммемы которой выражают отношение действия к говорящему, адресату и к «3-му лицу», т. е. к субъекту, который не является ни говорящим, ни адресатом. Это отношение может быть выражено различными языковыми средствами. Например, в русском языке глагольные и местоименные формы лица составляют два морфологических ядра категории персональности (к ним примыкают неличные формы глагола, структура определенных типов предложений, различные средства контекста) [26, с. 135], в то время как в английском единственным ядром категории персональности являются местоимения.

Так как местоимения относятся к основным языковым средствам выражения персональности в обоих языках, в данной главе мы остановимся на изучении их потенциала для реализации коммуникативной стратегии убеждения в таком жанре политического дискурса, как послание президента парламенту.

Местоимения представляют собой очень непростой в описании класс слов, семантическое своеобразие которого давно интересует лингвистов. Так, еще Л. Блумфилд указывал на многослойность местоименного значения [195]. В разные периоды местоимения рассматривались как слова-заместители (субституты) (Л. Блумфилд, Е. М. Вольф), «пустые» слова (С.Д. Кацнельсон, Л. Теньер), шифтеры (О. Есперсен, Р. О. Якобсон) и пр. Трактовка местоимений как указательных слов получила развитие в работах К. Бюлера, У. Вайнрайха, А. А. Потебни и др. и связана с введением категории дейксиса. Дейктические элементы, или индексальные выражения, в терминологии Ч. С. Пирса, стали классическим объектом изучения прагматики с 50-х гг. XX в. [7, с. 15].

Основными функциями местоимений являются дейктическая, субституционная и анафорическая. При этом нельзя отрицать, что местоимения – это очень богатый в прагматическом отношении класс слов. Как указывает Дж. Юл, именно простота формы местоимений маскирует сложность их использования [267, с. 10]. Наибольший интерес в этом отношении вызывают разряды личных и притяжательных местоимений.

Личные местоимения. С точки зрения функциональной грамматики, персональность – это не только «семантическая категория, характеризующая участников обозначаемой ситуации по отношению к участникам ситуации речи – прежде всего говорящему», но и «функционально-семантическое поле, базирующееся на данной семантической категории, рассматриваемой вместе со средствами ее выражения в том или ином языке» [167, с. 5].

Такое понимание семантики лица основано на предложенном Р. О. Якобсоном определении данной категории: «Лицо характеризует участников сообщаемого факта по отношению к участникам факта общения. Так, 1-е лицо свидетельствует о тождестве участника сообщаемого факта с активным участником факта сообщения, а 2-е лицо – о его тождестве с реальным или потенциальным пассивным участником факта сообщения, т. е. с адресатом» [189, с. 100].

Э. Бенвенист отмечал, что каждое *я* «имеет свою собственную референцию и соответствует каждый раз единственному индивиду, взятому именно в его единственности» [18, с. 286], местоимения *я* и *ты* идентифицируются исключительно посредством речевого акта, а местоимения 3-го лица «по своей природе и функции совершенно отличны от *я* и *ты*» [18, с. 290].

Притяжательные местоимения. Объем и содержание категории посессивности вызывают у лингвистов разногласия. В то время как одни ученые, по сути, приравнивают ее исключительно к ситуации владения (см., например, [218, с. 212]), другие стараются избегать такого сравнения (см. [222, с. 84]) и даже указывают на очевидную разницу этих двух явлений (см. [194]). Таким образом, можно выделить узкое понимание категории посессивности, когда ее значение сводится к обладанию, и широкое, когда она трактуется как категория «отнесенности к лицу», частным случаем которой является собственно владение» [50, с. 170].

Представители функциональной грамматики трактуют посессивность как функционально-семантическое поле, имеющее биоцентрическую структуру (см. [25; 177]). Указание на то, что посессивность отличается от других реляционных полей, например, локации, тем, что является биокультурной, можно найти и в работах зарубежных ученых. Так, Г. Зейлер пишет, что посессивность представляет собой отношение между человеком и его родственниками, его частями тела, его материальной, культурной и интеллектуальной собственностью («Semantically, the domain of possession can be defined as bio-cultural. It is the relationship between a human being and his kinsmen, his body parts, his material belongings, his cultural and intellectual products») [256, с. 6].

К основным средствам выражения посессивного значения относятся притяжательные местоимения (посессивы), которые до сих пор являются предметом лингвистических дискуссий. В частности, некоторые лингвисты ставят под вопрос само выделение притяжательных местоимений в отдельный лексико-грамматический класс. Например, А. А. Шахматов выделял местоимения субстантивные и адъективные [180, с. 495], а А. В. Исаченко считал посессивы подклассом личных местоимений [225, с. 180].

Для нас интерес представляет другая точка зрения, согласно которой посессивы представляют собой отдельный разряд местоимений, который, однако, связан и во многом обусловлен разрядом личных местоимений. Так, в работе Н. Ю. Шведовой «Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства» представлена полная систематизация русских местоимений. Исследовательница выделяет местоименные исходы, которые возглавляют подсистемы данного класса. В соответствии с предложенной классификацией посессивы входят в исходный смысл *чей*, который «порожден и во многом сдублирован» исходным смыслом *кто*, включающим в себя личные местоимения [181, с. 41].

Схожую точку зрения находим у Б. Ю. Нормана, исследовавшего притяжательные местоимения в славянских языках: посессивы – «это отдельный разряд местоимений, семантически соотносящийся с разрядом личных местоимений, но обладающий совокупностью специфических признаков, в том числе прагматических» [129, с. 616].

Именно эта соотносительность притяжательных местоимений с местоимениями личными и позволила нам рассматривать два данных разряда местоимений в исследовании вместе.

В проанализированных текстах выявлен 7771 случай употребления местоимений. Характерно, что в выступлениях американских президентов это количество гораздо больше, чем в выступлениях российских лидеров (5075 и 2696 соответственно), что объясняется возможностью опустить местоимение в высказывании в русском языке. Однако интересно, что в процентном соотношении использование говорящим местоимений в посланиях подчиняется общим правилам. На рисунках 3.1 и 3.2 представлено соотношение местоимений в проанализированных посланиях американских и российских президентов соответственно.

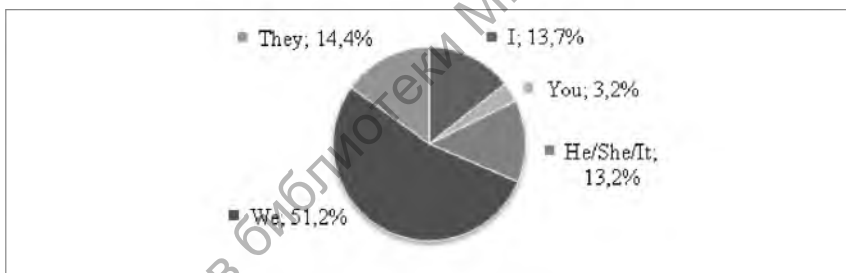

Рис. 3.1. Процентное соотношение местоимений в посланиях президентов США за 2001–2011 годы

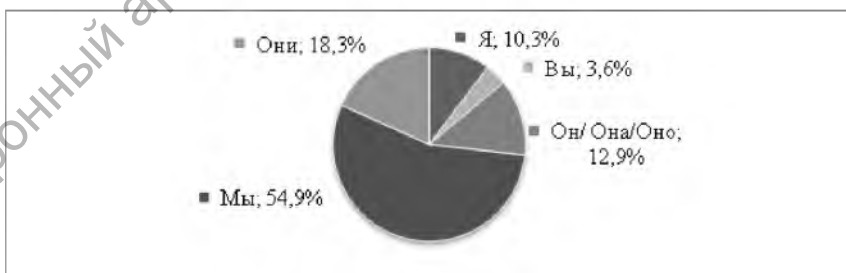

Рис. 3.2. Процентное соотношение местоимений в посланиях президентов РФ за 2001–2011 годы

Как видно из представленных данных, несмотря на структурные различия языков, в посланиях наблюдается тенденция к наиболее частотному употреблению местоимения 1-го л. мн. ч. и наиболее редкому – 2-го л. мн. ч., что позволяет выделить следующую особенность данного жанра: стремление говорящего к солидаризации, единению с аудиторией, нежели к противопоставлению ей.

Остановимся подробнее на прагматическом аспекте употребления местоимений в рассматриваемом материале.

3.2.1 Местоимения 1-го лица

Местоимение 1-го лица единственного числа выступает не только как средство идентификации говорящего, оно важно также в психологическом и аксиологическом плане.

Так, чтобы подчеркнуть свое социальное положение, говорящий может упомянуть свою должность следующим образом: *As President, I have a constitutional responsibility <...>* / «Как президент, по Конституции я обязан <...>» (2005), *I speak to you not just as a President, but as a father <...>* / «Я говорю с вами не только как президент, но и как отец <...>» (2009); *И эти фундаментальные установления я, как гарант Конституции, буду хранить и защищать* (2008); *Я искренне благодарен тем, кто почти четыре года поддерживает мою деятельность как Президента России* (2011).

Однако если говорящий хочет представить себя со стороны, возникают контекстуальные замены местоимения 1-го лица существительным и мы наблюдаем конфликт между грамматическим 3-им и понятийным 1-ым лицом: *Together this Congress and this President will find common ground to make sure doctors make medical decisions and patients get the health care they deserve with a Patients' Bill of Rights* / «Вместе этот Конгресс и этот президент найдут общее решение, чтобы гарантировать, что врачи принимают медицинские решения, а пациенты получают медицинскую помощь, которую они заслуживают в соответствии с билем о правах пациентов» (2001); *Sending Americans into battle is the most profound decision a President can make* / «Отправить американцев в бой – это самое основательное решение, которое может принять президент» (2003). Таким приемом пользуются только американские лидеры. Для представителей власти это способ вербального поддержания (и повышения) их социального положения. Прагматический аспект

здесь заключается в замене *я* на субстантивную номинацию с целью подчеркнуть социальный статус говорящего [128, с. 49].

Использование местоимения 1-го л. ед. ч. в роли подлежащего является одним из основных средств реализации тактики самопрезентации. Позиция подлежащего сигнализирует о том, что адресант играет в ситуации активную роль. О. Л. Михалева отмечает, что «сама позиция подлежащего может приписывать субъекту элемент агентивного значения», при этом агентивность представляет собой «контроль ситуации со стороны агенса, <...> решающий вклад в действие» [122, с. 99].

Таким образом, использование местоимения 1-го л. ед. ч. в роли подлежащего может говорить о позиционировании говорящим себя над аудиторией, демонстрации более высокого социального статуса или присвоении себе права отдавать приказы и навязывать свои оценки (особенно в сочетании с глаголами мнения – подробнее см. раздел 3.4.1 *Повелительное наклонение*): *Some might call this a good record. I call it a good start* / «Кто-то назовет это хорошим достижением. Я называю это хорошим началом» (2003); *I believe we can, and I believe we must* / «Я считаю, что мы можем, и я считаю, мы должны» (2011); *Я прошу ускорить формальное согласование* (2005); *Конечно, это только начало, но я уверен, что «Сколково» станет примером первого за 30 лет успешного проекта глобального масштаба в сфере науки, образования и инноваций – первого, но, я уверен, далеко не последнего* (2011).

Описанные выше прагматические оттенки при употреблении местоимения 1-го л. ед. ч. наблюдаются также при реализации тактики акцентирования (а), а также таких связанных с тактикой самопрезентации тактик, как тактика обещания (б) и тактика призыва (в):

– *I know that debate will be difficult. I know it will take time* / «Я знаю, что дебаты будут сложными. Я знаю, что потребуется время» (2011); *И сегодня я еще раз хотел бы сказать, что это правило пересмотру не подлежит* (2002);

– *Whatever action is required, whenever action is necessary, I will defend the freedom and security of the American people* / «Каким бы образом ни потребовалось действовать, когда бы ни потребовалось действовать, я защищу свободу и безопасность американского народа» (2003); *В Государственную Думу будет внесен пакет законопроектов о децентрализации. Его реализация позволит провести серьезное перераспределение властных полномочий и бюджетных ресурсов в пользу регионов и муниципалитетов. Я это обещал сделать, я это сделаю* (2011);

– Join *me* in this important innovation to make *our* air significantly cleaner and *our* country much less dependent on foreign sources of energy / «Присоединяйтесь ко мне в этой важной инновации, чтобы сделать наш воздух значительно чище, а нашу страну намного менее зависимой от иностранных источников энергии» (2003); *Сегодня я прежде всего призываю представителей всех политических сил страны – они представлены в этом зале – проявить чувство ответственности в вопросе урегулирования ситуации в этой республике <...>* (2001).

Использование местоимения *я* в последнем контексте демонстрирует не только право говорящего отдавать приказы, но и стремление приобщиться к аудитории, на что указывает стоящее рядом местоимение *мы* (иногда еще и *вы*). Прием смены местоимения часто используется президентами в посланиях. Он призван продемонстрировать, что личная инициатива говорящего привела к значительным социальным действиям: <...> *I've proposed a fee on the biggest banks. <...> Now, as we stabilized the financial system, we also took steps to get our economy growing again, save as many jobs as possible, and help Americans who had become unemployed. <...> Now, let me repeat: We cut taxes. We cut taxes for 95 percent of working families. We cut taxes for small businesses. We cut taxes for first-time homebuyers. <...>* / «<...> Я предложил ввести налоги для крупных банков. <...> Сейчас, когда мы стабилизировали финансовую систему, мы также предприняли шаги для того, чтобы снова улучшить нашу экономику, сохранить столько рабочих мест, сколько возможно, и помочь американцам, которые остались без работы. <...> Позвольте мне повторить: мы сократили налоги. Мы сократили налоги для 95% работающих семей. Мы сократили налоги для малых фирм. Мы сократили налоги для тех, кто впервые покупает дом. <...>» (2010); *Я полностью осознаю свою ответственность за все, что еще предстоит сделать. Я верю в каждого из вас и знаю: у нас все получится* (2011).

Однако, как указывает Н. Фэркло, при употреблении местоимения 1-го л. мн. ч. никогда не ясно, кто же именно входит в это *мы* [216, с. 164].

Местоимение 1-го лица множественного числа служит целям психологического сближения говорящего со слушающим, создания атмосферы сотрудничества и доверительности, а потому употребляется чаще других (51,2% и 54,9% от всех использованных местоимений в выступлениях американских и российских президентов соответственно).

Данное местоимение является средством актуализации тактик сопоставительного анализа и дистанцирования (см. ниже о местоимении

3-го л. мн. ч.), а также иллюстрирования. Так, в реализации тактики иллюстрирования участвуют местоимения 1-го л. как единственного (по указанным выше причинам), так и множественного числа, что говорит о желании говорящего подчеркнуть общность собственного опыта с опытом аудитории, а также акцентировать важность сообщаемого для слушателей: *Then there's my favorite example <...>* / «Вот мой любимый пример <...>» (2011); *That advance has great momentum in our time, shown by women voting in Afghanistan and Palestinians choosing a new direction and the people of Ukraine asserting their democratic rights and electing a President. We are witnessing landmark events in the history of liberty <...>* / «Это продвижение [свободы] является в наше время значительной движущей силой, что демонстрируют женщины, голосующие в Афганистане, и палестинцы, выбирающие новое направление, и народ Украины, заявляющий о своих демократических правах и выбирающий президента. Мы являемся свидетелями поворотных событий в истории свободы <...>» (2005).

Однако наиболее важную роль местоимение 1-го л. мн. ч. играет при реализации тактики кооперации: *Despite our hardships, our union is strong. We do not give up. We do not quit. We do not allow fear or division to break our spirit* / «Несмотря на наши трудности, наш союз крепок. Мы не уступаем. Мы не сдаемся. Мы не позволяем страху или разногласиям сломить наш дух» (2010); *Но впереди действительно непростые времена. Глобальная депрессия может продлиться несколько лет, а конкуренция за умы, за идеи, за ресурсы будет только обостряться, и мы – в эпицентре этой конкуренции. Но даже в этих сложнейших условиях у нас нет права останавливаться в развитии. <...> И только вместе мы сможем пройти этот нелегкий путь* (2011).

Мы – одно из самых богатых в прагматическом отношении личных местоимений. Б. Ю. Норман подчеркивает, что «собственная семантика *мы* неотделима от прагматических аспектов его употребления»: «изначальная, заложенная в самом языке семантическая размытость *мы* – в отсутствие его конкретизаторов, – создает базу для определенных психоречевых манипуляций, когда слушающему (или читателю), при-
выкшему к одному пониманию *мы* или просто предполагающему одно его «наполнение», подсовывается другое его содержание» [130, с. 219]. В английском и русском языках семантическое различие между *мы* инклюзивным и *мы* эксклюзивным скрыто, а потому неопределенность второй составляющей *мы* (*я + кто-то другой*) в речи часто является причиной манипуляций.

В проанализированных выступлениях можно выделить следующие разновидности *мы* инклюзивного:

1) *мы* – представители власти. Это наиболее частое употребление *мы* в посланиях как американских, так и российских президентов, что объясняется обращенностью выступления президента к парламенту: *So I supported the last administration's efforts to create the financial rescue program. And when we took that program over, we made it more transparent and more accountable. And as a result, the markets are now stabilized, and we've recovered most of the money we spent on the banks* / «Поэтому я поддержал усилия прошлого правительства по созданию программы финансовой помощи. И когда мы приняли эту программу, мы сделали ее более прозрачной и понятной. В результате рынки сейчас стабилизированы, а мы вернули деньги, которые мы потратили на банки» (2010); *Следует помнить: от того, насколько умно, деликатно и эффективно мы выстроим здесь нашу линию, зависит благополучие страны и российских граждан* <...> (2001).

Показательным в этом отношении является противопоставление *мы* – они (или *мы* – он) как *представители власти* – *простые люди*, например: *Americans are rising to the tasks of history, and they expect the same from us. In their efforts, their enterprise, and their character, the American people are showing that the state of our Union is confident and strong* / «Американцы отвечают на вызовы истории, и они ждут того же от нас. Своими усилиями, своей инициативой и своим характером американский народ показывает, что положение нашего союза уверенно и надежно» (2004); *Прошедшие три года <...> показали, что Россия – это страна, вовсе не обреченная на кризисы и прозябание. Что российский народ – талантливый, инициативный и предприимчивый. Что он умеет работать и достоин лучшей жизни. Что он способен ее добиться, конечно, если ему в этом не мешать. Хотя бы не мешать. Лучшие, если мы будем помогать* (2003);

2) *мы* – граждане государства, население страны. Такое *мы* приближает лидера к простым людям. Характерно, что в выступлениях российских президентов такая идентификация с населением наблюдается гораздо реже, чем в выступлениях американских лидеров: *In these 4 years, Americans have seen the unfolding of large events. We have known times of sorrow and hours of uncertainty and days of victory. In all this history, even when we have disagreed, we have seen threads of purpose that unite us* / «За эти 4 года американцы видели, как происходят великие события.

Мы пережили времена печали, часы неуверенности и дни победы. Все это время, даже когда у нас были разногласия, мы видели нити цели, которая нас объединяет» (2005); <...> *есть вещи, которыми нельзя поступиться, есть вещи, ради которых нужно бороться и побеждать. Это то, что дорого вам, дорого мне, дорого **нам** всем. То, без чего **мы** не можем себе представить **нашу** страну* (2008).

Инклюзивное *мы* также является средством расширения сферы адресата, а потому президенты часто прибегают к его использованию в случаях, когда необходимо избежать упоминания участников какой-либо ситуации: *В дальнейшем они [государственные корпорации] или сохранятся в государственном секторе, там, где **нам** это необходимо, или будут реализованы частным инвесторам* (2009).

Эксклюзивное *мы* в посланиях встречается значительно реже и также представлено двумя разновидностями:

1) *мы* – государство: *America and Afghanistan are now allies against terror We'll be partners in rebuilding that country* / «Сейчас Америка и Афганистан – союзники в борьбе с терроризмом. Мы будем партнерами в восстановлении этой страны» (2002); *Многие страны сталкивались с такими же проблемами, что и **мы** сегодня* (2007);

2) *мы* – президент + другое лицо / группа лиц (встречается крайне редко): *And I was so proud of our work, I even had nice things to say about my friend Ted Kennedy. <...> **our** work on this bill shows what is possible if we set aside posturing and focus on results* / «И я был так горд нашей работой, что даже мог сказать что-нибудь хорошее о своем друге Тед Кеннеди. <...> наша работа над этим проектом показывает, что это возможно, если мы оставим позы и сконцентрируемся на результатах» (2002); *В контексте союзнических отношений **мы** с руководством ряда стран СНГ приняли соответствующие решения* (2002).

Переход между выделенными разновидностями *мы* инклюзивного и *мы* эксклюзивного маркирован лишь в незначительном количестве случаев, а потому адресату не всегда удастся понять, о ком именно идет речь.

3.2.2 Местоимения 2-го лица

Местоимение 2-го лица множественного числа в рамках жанра послания в основном обозначает совокупность слушателей и служит цели поддержания контакта и привлечения внимания; таким образом

говорящий вовлекает адресата в свое сообщение: *As you can imagine, this is a process that will take some time* / «Как вы можете себе представить, это процесс, который займет некоторое время» (2009); *You know what else they share?* / «Вы знаете, что еще они разделяют?» (2010); *Вы знаете, что в течение последних пяти лет мы были вынуждены решать трудные задачи по предотвращению деградации государственных и общественных институтов* (2005); *Вы знаете, финансовые потрясения уже привели к ухудшению платежеспособности ведущих стран, к резкому замедлению темпов их роста* (2011).

С той же целью *вы* используется в обобщенном значении при обращениях президентов ко всему населению, но только в посланиях американских президентов (российские лидеры не употребляют данное местоимение в таком значении): *If you haven't been personally affected by this recession, you probably know someone who has: a friend, a neighbor, a member of your family. You don't need to hear another list of statistics to know that our economy is in crisis, because you live it every day* / «Если на вас лично этот спад не повлиял, вероятно, вы знаете кого-нибудь, на ком он отразился: друга, соседа, члена вашей семьи. Вам не нужна очередная статистика, чтобы знать, что наша экономика находится в кризисном состоянии, потому что вы сталкиваетесь с этим каждый день» (2009).

В обобщенном значении местоимение *you* может также служить цели интеграции: *We may have different backgrounds, but we believe in the same dream that says this is a country where anything is possible, no matter who you are, no matter where you come from* / «У нас может быть разное происхождение, но мы верим в одну мечту, которая гласит, что это страна, где все возможно, в независимости от того, кто ты и откуда ты» (2011).

Кроме того, местоимение 2-го л. мн. ч., как и местоимение 1-го л., семантически многозначно и может не только обозначать непосредственную аудиторию или представителей нации в целом, но и относиться к определенной группе людей (а) или к конкретному человеку (б):

а) *And tonight I have a message for the brave and oppressed people of Iraq: Your enemy is not surrounding your country; your enemy is ruling your country* / «И сегодня я хочу сказать смелому и угнетенному народу Ирака: ваш враг не окружает вашу страну, ваш враг управляет вашей страной» (2003); *В этой связи хочу также обратиться к региональным властям. Ваша поддержка малому бизнесу сегодня абсолютно необходима* (2002); *Я хотел бы сегодня обратиться ко всем, кто сталкивается с такими процедурами <...>. На основе ваших предложений будут*

приниматься решения об их отмене или о корректировке каких-то процедур, а в необходимых случаях – кадровые решения (2011);

б) *Shannon, I assure you and all who have lost a loved one that our cause is just, and our country will never forget the debt we owe Michael and all who gave their lives for freedom* / «Шеннон, я гарантирую тебе и всем, кто потерял любимого человека, что наше дело правое и что наша страна никогда не забудет, чем мы обязаны Майклу и всем, кто отдал свою жизнь за свободу» (2002); *Николай Иванович, не знаю, в зале или нет? В зале. Вот мы с Вами вместе, надеюсь, и проконтролируем выполнение этой задачи* (2009).

Последний вариант в посланиях встречается крайне редко. Так, в выступлениях российских политиков найден всего один случай. Объяснить этот факт можно дискурсивными условиями: послания президентов адресованы, главным образом, безликой, обобщенной массе, и очень редко затрагивают интересы конкретных людей.

Наиболее же частым является употребление *вы* по отношению к членам парламента, что объясняется самой спецификой посланий: *To-night I ask you to pass legislation to prohibit the most egregious abuses of medical research <...>* / «Сегодня я прошу вас принять закон, чтобы запретить самые вопиющие злоупотребления медицинскими исследованиями» (2006); *Next week, I'll send you a budget that terminates or substantially reduces 151 wasteful or bloated programs, totaling more than \$18 billion* / «На следующей неделе я вышлю вам смету, которая закрывает или существенно сокращает 151 неэкономную или расточительную программу, насчитывающие в сумме 18 миллиардов долларов» (2008); *Полагаю, все договоры о разграничении полномочий должны проходить обязательную процедуру утверждения федеральным законом, вами, уважаемые коллеги* (2002); *И прошу вас вместе с Правительством разработать порядок реализации предложенной мной программы* (2006).

3.2.3 Местоимения 3-го лица

Местоимения 3-го лица единственного числа не имеют прагматических оттенков в посланиях и концентрируют в себе анафорическую функцию, как, например, в следующих случаях: *Talk to the window manufacturer in Philadelphia who said he used to be skeptical about the Recovery Act, until he had to add two more work shifts <...>. Talk to the single teacher*

raising two kids who was told by **her** principal in the last week of school that because of the Recovery Act, **she** wouldn't be laid off after all / «Поговорите с изготовителем окон в Филадельфии, который сказал, что скептически относился к закону о восстановлении, пока ему не пришлось добавить две рабочие смены <...>. Поговорите с незамужней учительницей, воспитывающей двоих детей, которой в последнюю неделю работы в школе директор сказал, что ее не уволят благодаря закону о восстановлении» (2010); *Каждому человеку должно быть абсолютно понятно, каким образом он может достичь определенного уровня жизни в пенсионном возрасте. Сколько ему гарантировало государство, сколько он получит от обязательных взносов, которые перечислены его работодателем, а сколько ему нужно откладывать самому* (2008).

Местоимение 3-го лица множественного числа наполняется прагматическими оттенками благодаря тому, что оно психологически противопоставлено местоимению *мы / наши*. Однако в рамках ежегодного послания президента оно выполняет в первую очередь анафорическую функцию и потому часто используется для обозначения «своих»: *Try explaining that to 116 million American taxpayers who would see **their** taxes rise by an average of \$1,800. Others have said **they** would personally be happy to pay higher taxes. I welcome **their** enthusiasm* / «Попробуйте объяснить это 116 миллионам американских налогоплательщиков, налоги которых увеличатся в среднем на 1800 долларов. Другие говорили, что они лично будут рады платить более высокие налоги. Я приветствую их энтузиазм» (2008); *Прежде всего это касается заработной платы учителей, врачей, работников культуры, науки и военнослужащих. На их плечах лежит забота о том, чтобы новые поколения российских граждан выросли здоровыми, образованными людьми, сохраняющими традиции и духовные ценности своих предков. Это они задают современные стандарты развития общества, участвуют в формировании нынешней и будущей элиты России. Они являются хранителями богатейшего культурного и духовного наследия нашей страны* (2005).

Противопоставление местоимений 1-го и 3-го л. мн. ч. используется для реализации тактики сопоставительного анализа: *You see, Washington has been telling **us** to wait for decades <...>. Meanwhile, **China** is not waiting to revamp its economy. **Germany** is not waiting. **India** is not waiting. **These nations** – **they're** not standing still. **These nations** aren't playing for second place. **They're** putting more emphasis on math and science. **They're** rebuilding their infrastructure* / «Понимаете, Вашингтон де-

сятилетиями говорил нам ждать <...>. Между тем, Китай не ждет, чтобы восстановить свою экономику. Германия не ждет. Индия не ждет. Эти нации – они не стоят на месте. Эти нации не борются за второе место. Они уделяют больше внимания математике и науке. Они перестраивают свою инфраструктуру» (2010); *При этом подчеркну, что наши расходы на оборону <...> в абсолютных цифрах <...> уже не идут ни в какое сравнение с расходами Соединенных Штатов Америки. Их военный бюджет в – абсолютных величинах – почти в 25 раз больше, чем у России. Вот это и называется в оборонной сфере «Их дом – их крепость». И молодцы* (2006).

Не стоит относить данное противопоставление к реализации тактики дистанцирования, основанной на базовой семиотической оппозиции политического дискурса *свои – чужие*. Дистанцирование выражается через противопоставление, в частности, семантика дистанцирования может быть представлена оппозицией *мы – они*: *Terrorists like bin Laden are serious about mass murder, and all of us must **their** declared intentions seriously. **They** seek to impose a heartless system of totalitarian control throughout the Middle East and arm **themselves** with weapons of mass murder **Their** aim is to seize power in Iraq <...>. But they have miscalculated: **We** love **our** freedom, and **we** will fight to keep it* / «Террористы вроде бен Ладена серьезно настроены массово убивать людей, и мы все должны воспринимать их намерения всерьез. Они стремятся навязать безжалостную систему тоталитарного контроля на всей территории Среднего Востока и запасаются оружием массового уничтожения. Их цель – захватить власть в Ираке <...>. Но они просчитались: мы любим нашу свободу, и мы будем бороться, чтобы ее сохранить» (2006); *А что же они, что же наши партнеры? Они даже не ратифицировали адаптированный договор, ссылаясь при этом на Стамбульские договоренности, предусматривающие вывод российских подразделений из Грузии и Приднестровья* (2007).

Таким образом, проведенный анализ прагматических особенностей использования категории лица в рамках посланий президентов США и РФ выявил, что при всем структурном своеобразии английского и русского языков в данном жанре проявляются достаточно явные общие закономерности, т. е. мы наблюдаем создание схожей дискурсокартины короткого взаимодействия, о чем свидетельствует общая тенденция к наиболее частотному употреблению говорящим местоимения 1-го л. мн. ч. и наиболее редкому – 2-го л. мн. ч., что демонстрирует

стремление адресанта к солидаризации, единению с аудиторией. Данные закономерности, с одной стороны, обусловлены спецификой жанра (например, редкое использование местоимений 2-го л. и употребление местоимения 3-го л. мн. ч. в анафорической функции, а не в качестве реализации семиотической оппозиции *свои – чужие*), а с другой – диктуются общими принципами реализации тактики убеждения (наиболее частотное употребление местоимения 1-го л. мн. ч. в инклюзивном значении в целях создания доверительной психологической атмосферы).

Использование местоимения 1-го л. ед. ч. является одним из основных средств реализации тактики самопрезентации. В роли подлежащего местоимение *я* говорит о позиционировании говорящим себя над аудиторией, демонстрации более высокого социального статуса, присвоении себе права отдавать приказы и навязывать свои оценки. Местоимение 2-го л. мн. ч. в рамках жанра послания в основном обозначает непосредственную аудиторию и служит цели поддержания контакта и привлечения внимания. В обобщенном значении местоимение *вы* используется только американскими лидерами. Местоимения 3-го л. ед. и мн. ч. в посланиях выполняют в первую очередь анафорическую функцию. Местоимение 3-го л. мн. ч. реализует свой прагматический потенциал при актуализации тактик сопоставительного анализа и дистанцирования. Местоимение 1-го л. мн. ч. обладает наибольшим прагматическим потенциалом благодаря своей семантической многозначности. Наиболее частотное употребление *мы* в инклюзивном значении служит целям психологического сближения говорящего с аудиторией и создания атмосферы сотрудничества и доверия. Чаще всего инклюзивное *мы* в выступлениях президентов обеих стран является формой солидаризации со значимой для политика аудиторией – представителями власти. Российские лидеры, в отличие от американских, очень редко подчеркивают таким образом единство всех граждан страны, что говорит о большей степени ритуальности посланий президентов США и их ориентации на широкую аудиторию.

3.3 Категория времени

Категория времени является морфологическим ядром функционально-семантической категории темпоральности и представляет собой «систему грамматических форм, используемых для выражения от-

ношения действия к моменту речи или ко времени другого действия» [26, с. 76], а значит, как отмечалось выше, категория времени является важным источником дейктичности.

Учитывая, что глагольные формы времени указывают на ориентацию события по отношению к какому-либо моменту, наиболее естественной и простой формой представления времени является бесконечная временная линия (*timeline*), разделенная на три отрезка: прошлое, настоящее и будущее [243, с. 220]. Такое членение вытекает, по словам Н. Д. Арутюновой, из «главного условия, определяющего положение человека в мире: укрытости от него будущего, известности (пережитости) прошлого и данности (переживаемости) настоящего» [9, с. 688]. Таким образом, фактор человека играет важнейшую роль в моделировании времени.

Однако следует отметить разницу между естественными и грамматическими подразделениями времени. Рассматривая языковое выражение естественного времени, лингвисты предлагают различные системы, наиболее логически обоснованной из которых, на наш взгляд, представляется система, предложенная О. Есперсеном в «Философии грамматики» [228]. Анализируя приводимую различными авторами систему девяти глагольных времен, ученый приходит к выводу, что наиболее удачной с точки зрения логики является система семи времен, которая включает три главных (прошедшее, настоящее, будущее) и четыре промежуточных (допрошедшее, послепрошедшее, добудущее и послепобудущее / «before-past, after-past, before-future, after-future») подразделения времени. Однако, по замечанию самого автора, данная система не претендует на охват всех возможных временных форм, существующих в различных языках [228, с. 257]. Поэтому для удобства в работе будем использовать традиционные классификации времен английского и русского языков.

Общее количество временных форм, обнаруженных в проанализированных посланиях американских и российских президентов, представлено в таблице.

**Количество временных форм глаголов
в посланиях президентов США и РФ за 2001–2011 годы**

	Прошедшее	Настоящее	Будущее	Всего
США	764	4600	705	6069
РФ	1091	5168	894	7153

Рассмотрим выступления американских лидеров.

В английской грамматике представлено 4 группы времен (вопрос о сущности категории вида в английском языке до сих пор остается открытым: категория вида рассматривается в тесной связи с категорией времени, так как видовые формы могут одновременно выражать и временные отношения [191; 206]): *Indefinite (Simple)*, *Continuous*, *Perfect* и *Perfect Continuous*, каждая из которых включает в себя настоящее, прошедшее, будущее и «будущее в прошедшем». Таким образом, в английском языке принято выделять 16 времен.

В проанализированных текстах, однако, встречается только 11 из них. Не найдено ни одного употребления времен *Future Perfect Continuous* и *Past Perfect Continuous*, а также *Future-in-the Past Continuous*, *Future-in-the Past Perfect* и *Future-in-the Past Perfect Continuous*. Характерно также, что времена *Present Perfect Continuous*, *Past Continuous*, *Past Perfect*, *Future Perfect* и *Future-in-the Past Simple* в процентном соотношении составляют менее 1% от всех использованных временных форм.

Следовательно, 99,2% от количества всех использованных временных форм составляет употребление пяти времен: употребление *Present Indefinite* является наиболее частотным (58,8%), далее следуют времена *Past Indefinite* и *Future Indefinite* (12,2 % и 11,5 % соответственно), *Present Perfect* (9,9%) и *Present Continuous* (6,8%).

Процентное соотношение временных групп *Indefinite*, *Continuous*, *Perfect* и *Perfect Continuous* представлено на рисунке 3.3:

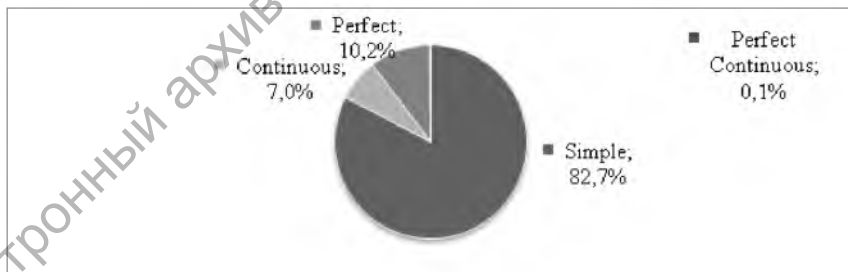

Рис. 3.3. Процентное соотношение временных групп глаголов в посланиях президентов США за 2001–2011 годы

Соотношение временных групп *Present*, *Past*, *Future* и *Future-in-the Past* представлено на рисунке 3.4:

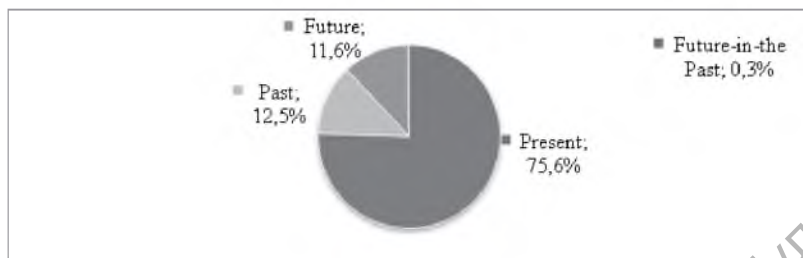

Рис. 3.4. Процентное соотношение времен глаголов в посланиях президентов США за 2001–2011 годы

Данные, представленные в диаграммах, свидетельствуют о том, что в посланиях президентов США наиболее часто встречаются времена группы *Indefinite* (82,5%), а наиболее редко – времена группы *Perfect Continuous* (0,1%), что может объясняться стремлением говорящего упростить свою речь, сделать ее как можно более понятной для аудитории. Наиболее частотным является употребление времен группы *Present*, а наиболее редким – времен группы *Future-in-the Past*. Времена *Past* и *Future* встречаются приблизительно с одинаковой частотой, с незначительным перевесом первого. Эти данные подтверждают мнение американских исследователей К. Кэмпбелл и К. Джеймисон, что послания американских президентов ориентированы на моделирование программы «от прошлого через настоящее к будущему» [200, с. 46], причем акцент говорящий делает на настоящем, уделяя равное внимание прошлому и будущему.

К аналогичному выводу приходим, анализируя выступления **рос- сийских президентов**.

Так, принимая во внимание исключительно имеющиеся в наличии формы глаголов, соотношение времен в посланиях российских прези- дентов можно представить следующим образом (рисунок 3.5):

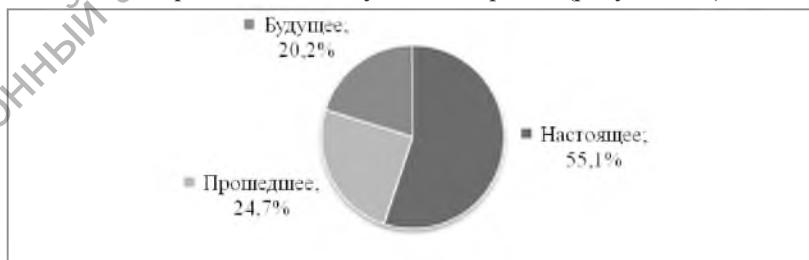

Рис. 3.5. Процентное соотношение времен глаголов в посланиях президентов РФ за 2001–2011 годы

Как следует из диаграммы, наиболее частотным в выступлениях российских лидеров, как и в посланиях американских президентов, является использование форм настоящего времени, а процент форм прошедшего и будущего приблизительно одинаков.

Большой интерес для нашего исследования, тем не менее, представляет анализ материала с учетом тех предложений, которые можно условно назвать вневременными. Дело в том, что специфика русского языка позволяет говорящему использовать такие языковые формы, в которых отсутствует личная форма глагола, например, инфинитивные предложения (а) или предложения с составным именным сказуемым (б):

а) *задача на трехлетнюю перспективу – **снизить** ее до 4–5 процентов в год* (2010);

б) *в целом, **очевидна** тенденция к расширению в мире конфликтного пространства* (2006).

Если учесть тот факт, что абсолютное большинство таких предложений относится к настоящему времени (и в английском языке в них бы использовалась личная форма глагола в настоящем времени), а точнее, ко времени, которое О. Есперсен предлагает называть обобщенным («generic time») [228, с. 259], а И. Г. Милославский – несобственно настоящим [120, с. 212], ведь форма настоящего времени вовсе не обязательно означает совпадение времени действия с моментом речи, то результаты исследования выступлений российских президентов еще более схожи с полученными при анализе выступлений их американских коллег (рисунок 3.6):

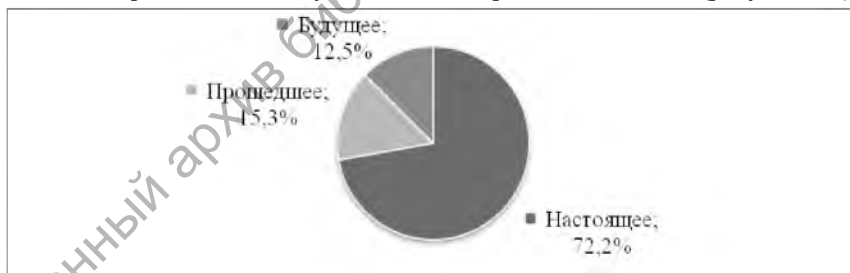

Рис. 3.6. Процентное соотношение времен глаголов с учетом форм обобщенного времени в посланиях президентов РФ за 2001–2011 годы

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что, вне зависимости от языка коммуникации, послание президента парламенту как жанр политического дискурса ориентировано скорее на настоящее время, нежели на прошедшее или будущее.

Проследить данную тенденцию можно также, сравнивая абсолютные количественные данные за каждый год в американских и российских текстах (рисунки 3.7 и 3.8 соответственно):

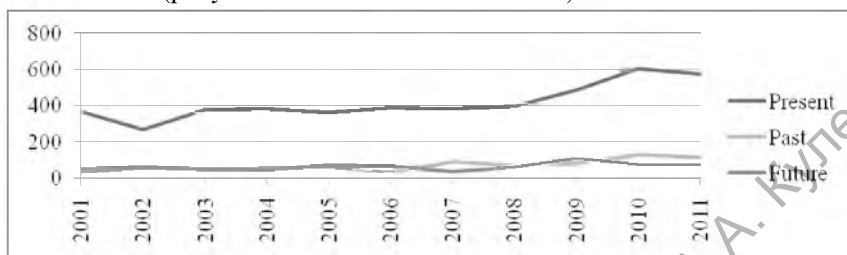

Рис. 3.7. Количественное соотношение времен глаголов в посланиях президентов США за 2001–2011 годы

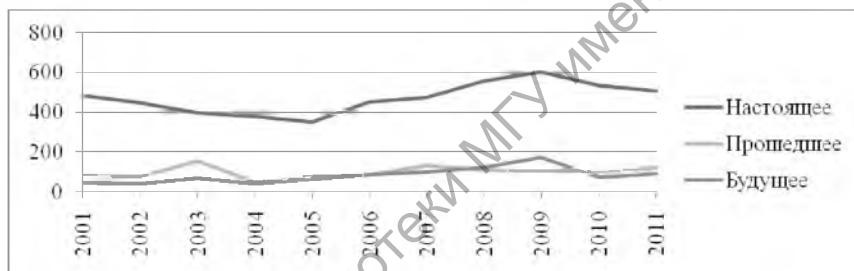

Рис. 3.8. Количественное соотношение времен глаголов в посланиях президентов РФ за 2001–2011 годы

Следует также отметить, что материал не позволяет в полном объеме сопоставить количественные данные американского и российского политического дискурса в этом отношении, так как при анализе выступлений российских президентов было выявлено, что говорящий использует публицистические приемы, которые отсутствуют в американском дискурсе, в частности, парцелляцию: *И в этих условиях важнейшими критериями успеха становятся лучшие мировые образцы. Образцы во всем: в бизнесе, в науке, в спорте. В темпах экономического роста. В качестве работы государственного аппарата и профессионализме принимаемых нами решений* (2002).

Итак, установив, что в посланиях американских и российских президентов наблюдаются общие тенденции в распределении временных форм, рассмотрим, как в анализируемых текстах реализуется прагматический потенциал грамматической категории времени.

По словам Б. Ю. Нормана, прагматическая значимость категории времени заключается в том, что адресант располагает определенной свободой в представлении события: в зависимости от того, какое место говорящий отводит себе на оси объективного времени и каким образом он собирается организовать текст, он может манипулировать временем. С помощью временных форм, внутренне связанных с видом, говорящий может «сжимать» или «расширять» пространство, приближать или отдалять события, а также регулировать свои отношения с окружающими людьми [128, с. 117].

Прежде всего, значительным прагматическим потенциалом обладает использование в одном контексте разных временных форм. Так, оппозиция прошедшего и настоящего времен (за которыми может следовать будущее) может указывать на радикальную смену обстановки (а) или акцентировать связь происходящего в данный момент с событиями прошлого (б):

а) *To insist on integrity in American business, we **passed** tough reforms, and we **are holding** corporate criminals to account* / «Чтобы поддержать честность американского бизнеса, мы провели жесткие реформы и призываем к ответу корпоративных преступников» (2003); *В России на протяжении веков господствовал культ государства и мнимой мудрости административного аппарата. А отдельный человек <...> **воспринимался** в лучшем случае как средство, а в худшем – как помеха для укрепления государственного могущества. Повторю, так **было** на протяжении веков. <...> В наши дни, уже на новом этапе развития, российское общество **подтверждает** приверженность демократическим ценностям Конституции. <...> И в отличие от недавнего прошлого демократическое устройство уже **не ассоциируется** у наших граждан с хаосом, с бесцелью, с деградацией* (2008);

б) *These **were** the times that **tested** the courage of our convictions and the strength of our Union. And <...> America **prevailed** because we **chose** to move forward as one Nation, as one people. Again, we **are tested**. And again, we **must answer** history's call* / «Это были времена, которые подвергали испытанию смелость наших убеждений и силу нашего союза. И <...> Америка восторжествовала, потому что мы предпочли двигаться вперед как единая нация, как единый народ. Снова нас подвергают испытанию. И снова мы должны ответить на вызов истории» (2010); *Кризисный период **показал**, что накопление резервов за счет части нефтяных доходов **было и остается** разумной политикой* (2011).

Такое использование времен обычно является средством реализации тактик сопоставительного анализа и иллюстрирования.

Использование в одном высказывании настоящего (и/или прошедшего) и будущего времен также подчеркивает последовательность политики и демонстрирует слушающему, что проводимые меры эффективны (в выступлениях американских президентов это особенно заметно, если используется форма *Present Perfect*), а потому их следует продолжать (тактики указания на перспективу (а) и обещания (б)):

а) *We have confronted and will continue to confront HIV / AIDS in our own country* / «Мы противостояли и будем противостоять ВИЧ / СПИД в нашей собственной стране» (2003); *Нашим приоритетом была и остается поддержка людей, оказавшихся в трудной ситуации* (2009);

б) *Thanks to the tax cuts we passed, Americans' paychecks are a little bigger today. Every business can write off the full cost of new investments that they make this year. And these steps, taken by Democrats and Republicans, will grow the economy and add to the more than 1 million private sector jobs created last year* / «Благодаря принятому нами снижению налогов, сегодня зарплаты американцев немного выше. Любая компания может вычеркнуть полную стоимость новых вкладов в этом году. И эти шаги, предпринятые демократами и республиканцами, улучшат экономику и увеличат количество созданных в прошлом году более чем 1 миллиона рабочих мест в частном секторе» (2011); *Прежде всего, Россия была, есть и, конечно, будет крупнейшей европейской нацией* (2005).

Отдельные граммемы времени также способны реализовывать богатый диапазон прагматических оттенков. Например, употребление формы настоящего времени вместо будущего приближает описываемые события к реципиенту, а значит, делает их в его восприятии более значительными, что создает ощущение сопричастности историческому моменту: *At stake right now is not who wins the next election. <...> At stake is whether new jobs and industries take root in this country or somewhere else* / «На карту сейчас поставлено не то, кто выиграет следующие выборы. <...> На карту поставлено то, появятся ли новые рабочие места и производства в этой стране или где-то еще» (2011); *В следующем году мы празднуем 65-летие Победы, чествуем наших ветеранов – спасителей нашего Отечества, героев, отстоявших нашу свободу, прошедших войну, поднявших страну из руин* (2009).

Схожий прагматический эффект призвано оказывать и использование настоящего времени вместо прошедшего: *I believe that God has*

planted in every human heart the desire to live in freedom, and even when that desire is crushed by tyranny for decades, it will rise again / «Я верю, что в каждом человеческом сердце Бог посеял желание жить в свободе, и даже когда это желание десятилетиями разрушается тиранией, оно снова взойдет» (2004); *Я уже несколько лет говорю о необходимости развития морских портов. В то же время ситуация практически не улучшается. Наши грузопотоки продолжают идти через иностранные порты – ну просто недопустимо! Правительство как будто специально никаких мер не предпринимает. Ну несколько лет мы говорим об этом!* (2007).

Форма *Present Perfect* в английском языке позволяет говорящему обратить внимание аудитории на результат, вытекающий из совершенного действия, а не на время его совершения. Наличие результата связывает свершившееся действие с настоящим: *All told, more than 3,000 suspected terrorists have been arrested in many countries. Many others have met a different fate. Let's put it this way: They are no longer a problem to the United States and our friends and allies* / «В общей сложности, более 3000 подозреваемых террористов были арестованы во многих странах. У многих других судьба сложилась по-другому. Скажем так, они больше не являются проблемой для Соединенных Штатов и наших друзей и союзников» (2003).

Если говорящий подчеркивает тот факт, что предложенные им меры обязательно будут реализованы, вместо модальных глаголов, которые апеллируют к мнению адресата, он использует форму будущего времени глаголов, тем самым подчеркивая факт их будущего осуществления (это средство реализаций тактик обещания, призыва и кооперации): *We will win this war; we will protect our homeland; and we will revive our economy* / «Мы выиграем эту войну, мы защитим нашу родину, и мы возродим свою экономику» (2002); *Поэтому мы не отступим на Кавказе. Поэтому мы преодолеем последствия мирового экономического кризиса и выйдем из него еще более сильными* (2008).

В этом отношении интересно противопоставление в одном контексте модальных глаголов в настоящем времени и глаголов будущего времени: *Our war on terror is well begun, but it is only begun. This campaign may not be finished on our watch; yet, it must be and it will be waged on our watch* / «Наша война с террором началась хорошо, но она только началась. Эту кампанию нельзя закончить, пока мы у власти, наоборот, она должна и будет проводиться, пока мы у власти» (2002); *Россия с ее геополитическим*

положением *может и будет играть* здесь соответствующую роль, оказывать таким процессам всемерное содействие (2007).

Таким образом, анализ употребления временных форм глагола в посланиях американских и российских президентов показывает, что вне зависимости от языка коммуникации, в рамках данного жанра категория времени обогащается схожими прагматическими оттенками и используется для актуализации, в первую очередь, следующих тактик: тактики сопоставительного анализа, тактики иллюстрирования, тактик указания на перспективу, обещания и призыва. Оппозиция разных временных форм в одном контексте может указывать на радикальную смену обстановки или акцентировать связь происходящего в данный момент с событиями прошлого, а также подчеркивать результативность проводимых мер и последовательность политики. Употребление формы настоящего времени вместо будущего или прошедшего приближает описываемые события к реципиенту, что создает у него ощущение сопричастности историческому моменту. Использование формы будущего времени вместо модальных глаголов, апеллирующих к мнению адресата, призвано продемонстрировать факт будущего осуществления предложенных говорящим мер. Можно говорить о том, что употребление глагольных времен в посланиях президентов является одним из основных средств моделирования особой дискурс-картины мира, свойственной именно данному жанру политического дискурса, со своим членением времени, основанной на программе «от прошлого через настоящее к будущему». Основной акцент говорящий делает на настоящем, что подчеркивает в сознании реципиента важность происходящих событий.

3.4 Категория наклонения

Наклонение традиционно рассматривается как «грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия, т. е. обозначающая отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом» [48, с. 581]. Аналогичные определения представлены и в работах других исследователей (см. [26; 68; 140; 207] и др.).

Нужно отметить, что существуют также альтернативные точки зрения. Например, И. А. Мельчук придерживается мнения, что наклонение не связано с модальностью. Категорией наклонения исследователь называет категорию, «граммемы которой характеризуют прагматиче-

скую цель говорящего в данном высказывании, а также могут маркировать синтаксическую роль глагола в качестве зависимого элемента» [117, с. 153].

В данной работе наклонение понимается как одно из основных средств выражения модальности, что обуславливает его прагматическую природу. В русском языке категория наклонения является единственным морфологическим ядром более широкой функционально-семантической категории модальности [26, с. 120], в то время как в английском огромный диапазон модальных значений передается при помощи модальных глаголов [207, с. 270] (в некоторых исследованиях категория наклонения рассматривается вместе с модальными глаголами, однако мы будем следовать традиционному подходу, при котором их рассматривают отдельно).

В английском и русском языках традиционно выделяют три наклонения: повелительное (*imperative mood*), сослагательное (*subjunctive mood*) и изъявительное (*indicative mood*), которые О. Есперсен описывал как «will-mood» / наклонение воли, «thought-mood» / наклонение мысли и «fact-mood» / наклонение фактов [227, с. 632], а С. И. Карцевский соотносил с тремя модальными планами: активным, нереальным и реальным соответственно [89, с. 164]. При этом основное противопоставление отмечается между формами повелительного и сослагательного наклонений, с одной стороны, и формами изъявительного наклонения, с другой. Формы первых двух обозначают нереальное действие, в то время как последнее обычно отражает реальное положение вещей.

Остановимся более подробно на повелительном и сослагательном наклонениях, так как временные формы изъявительного наклонения были рассмотрены отдельно.

3.4.1 Повелительное наклонение

Многие лингвисты отмечают особую природу императива. Так, говоря о формальном своеобразии повелительного наклонения, уже Р. О. Якобсон отметил, что «настоящий императив обособляется от остальных глагольных категорий» [226, с. 10]. В. С. Храковский отмечает, что формальное своеобразие императива детерминируется его функциональным своеобразием, так как «императив – единственная форма глагола, которая в своем прямом значении выполняет специфи-

ческую аппеллятивную или, шире, призывную функцию, не свойственную остальным глагольным (и именным) формам, которые в своем прямом значении выполняют коммуникативную или экспликативную функцию» [175, с. 11].

В целом лингвисты сходятся в определении семантики императива: традиционно считается, что общим значением форм повелительного наклонения является выражение побуждения и волеизъявления говорящего (см. [26; 175; 207] и др.). Разногласия возникают, в основном, касательно исполнителя действия. Наиболее распространенное мнение заключается в том, что исполнителем может быть только непосредственный адресат (С. И. Карцевский, И. П. Мучник и др.), что приводит к включению в парадигму императива только форм 2-го лица: «Говорящее лицо стремится навязать свою волю собеседнику, и повелительное наклонение располагает потому только формами 2-го лица. Что касается форм *идем* <...>, *идемте* <...>, они отличаются от обычного *идите* только желанием говорящего присоединиться к своим собеседникам. Волеизъявительный акт, направленный на третье лицо, неизбежно преобразуется в выражение простого желания, совета или согласия. <...> Сказать по правде, это всего лишь различные синонимичные возможности выразить пожелание, и нельзя говорить о повелительном наклонении в 3-ем лице» [89, с. 166].

Мы же разделяем точку зрения В. С. Храковского, который полагает, что в парадигму императива должны быть включены также формы 1-го и 3-го лица (см. подробнее [175]). При этом мы считаем совершенно справедливым замечание А. В. Бондарко о том, что эти формы не являются полноправными членами парадигмы, а, скорее, примыкают к ней [26, с. 122–124].

Таким образом, мы считаем, что диапазон значений повелительного наклонения достаточно широк и в некоторых случаях семантика побудительности дополняется другими оттенками, что мы и рассмотрим на материале посланий.

Обратимся к выступлениям американских президентов.

Как было сказано выше, помимо формы императива 2-го лица, мы считаем правомерным включать в парадигму английского императива также формы 1-го и 3-го лица, образуемые при помощи императива глагола *let*. Таким образом, в английском языке мы, вслед за В. С. Храковским, выделяем пятичленную императивную парадигму, включающую в себя формы 1-го л. ед. и мн. ч., 2-го л. и 3-го л. ед. и мн. ч. [175, с. 51].

При этом только форма 2-го л. является синтетической, все остальные формы парадигмы – аналитические.

В проанализированных текстах было обнаружено 117 случаев употребления форм повелительного наклонения (чуть более 3% от всех предложений), из которых синтетическими являются 48 (41%), аналитическими – 69 (59%). Данные представлены на рисунке 3.9:

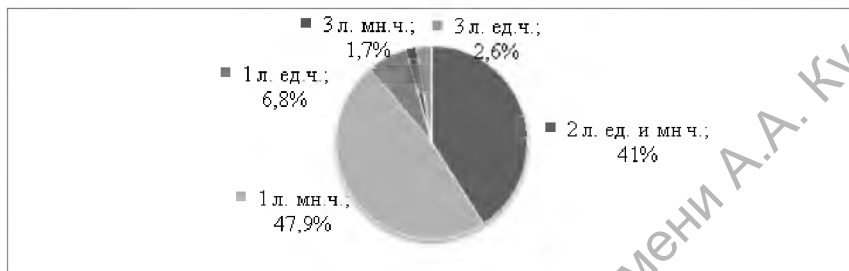

Рис. 3.9. Процентное соотношение форм императива в посланиях президентов США за 2001–2011 годы

Рассмотрим подробнее употребленные **синтетические формы императива**.

По мнению авторов *Collins Cobuild English Grammar*, формы повелительного наклонения в английском языке используются в следующих 4 случаях: в приказах и инструкциях, в советах и предостережениях, в обращениях с призывом и при объяснениях [Collins 1990, с. 181–182].

Анализ материала показал, что из 48 случаев использования синтетических форм императива 7 служат цели привлечения внимания (а) и используются при объяснениях (б) (в этом случае императив используется, чтобы слушатель или читатель подумал о конкретном предмете или возможности или для сравнения [201, с. 181]):

а) *I know – look, I know that we haven't agreed on every issue thus far* / «Я знаю, послушайте, я знаю, что мы до сих пор не во всем соглашались» (2009);

б) *Take a school like Bruce Randolph in Denver* / «Возьмите, например, школу Брюса Рэндольфа в Денвере» (2011).

17 употреблений синтетических форм адресовано лицам, которые не являются непосредственным адресатом сообщения (в этих случаях реализуются все значения, кроме последнего). Так, 5 из них – цитаты (3 – из письма ребенка (а)); 4 употреблены по отношению к ребенку (б), 3 – по отношению к войскам (в), 5 – по отношению к врагам (г):

а) *If there's anything you know I, Ashley Pearson, age 10, can do to help anyone, please **send** me a letter and **tell** me what I can do to save our country* / «Если Вы знаете что-нибудь, что я, Эшли Пирсон, 10 лет, могу сделать, чтобы помочь кому-нибудь, пожалуйста, пришлите мне письмо и скажите, что я могу сделать, чтобы спасти нашу страну» (2004);

б) *And yes, you have some duties yourself: **Study** hard in school; **listen** to your mom or dad; **help** someone in need; and when you and your friends see a man or woman in uniform, **say**, «Thank you.»* / «И да, у тебя самой есть некоторые обязанности: хорошо учись в школе, слушай маму или папу, помогай тому, кто нуждается в помощи, и, когда ты и твои друзья увидите мужчину или женщину в форме, скажите “спасибо”» (2004);

в) *We gave our troops a new mission: **Work** with the Iraqi forces to protect the Iraqi people; **pursue** the enemy in its strongholds; and **deny** the terrorists sanctuary anywhere in the country* / «Мы дали своим войскам новое задание: сотрудничайте с иракскими силами, чтобы защитить иракский народ, преследуйте врага в укрытиях и раскрывайте убежища террористов по всей стране» (2008);

г) *Our message to the leaders of Iran is also clear: <...> to rejoin the community of nations, **come** clean about your nuclear intentions and past actions, **stop** your oppression at home, **cease** your support for terror abroad* / «Наше послание лидерам Ирана также ясно: <...> чтобы присоединиться к международному сообществу, скажите правду о своих ядерных намерениях и прошлых действиях, прекратите угнетения в своей стране, прекратите поддерживать террор за рубежом» (2008).

Половина использованных синтетических форм (24 случая) имеют своим адресатом непосредственно членов Конгресса (а) и / или народ (б) и употребляются в обращениях с призывом:

а) *Here's what I ask Congress, though: **Don't walk away** from reform* / «Вот о чем я прошу Конгресс: не избегайте реформы» (2010);

б) *I have a message for every American who is 55 or older: **Do not let** anyone mislead you; for you, the Social Security system will not change in any way* / «Я хочу сказать каждому американцу в возрасте 55 и старше: не позволяйте никому вводить вас в заблуждение; для вас система социальной безопасности никак не изменится» (2005).

Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что говорящий стремится избегать в выступлениях прямого приказа, ведь только 24 случая императива из 117 обращены к непосредственному адресату и выражают призыв. Это говорит о том, что адресант выбирает другие

способы воздействия на аудиторию, в частности **аналитические формы** повелительного наклонения, которые встречаются 69 раз (59%).

В проанализированных текстах наиболее редкими являются аналитические формы 3-го л. ед. и мн. ч. (5 случаев): *If anyone doubts this, **let them look** to Afghanistan, where the Islamic «street» greeted the fall of tyranny with song and celebration* / «Если кто-нибудь в этом сомневается, пусть посмотрит на Афганистан, где исламская “улица” приветствовала падение тирании песнями и торжествами» (2002).

Чаще встречаются формы 1-го л. ед. ч. (8 случаев): *Tonight **let me speak** directly to the citizens of Iran: America respects you, and we respect your country* / «Позвольте мне сегодня обратиться напрямую к гражданам Ирана: Америка уважает вас, и мы уважаем вашу страну» (2006); *So **let me start** the discussion of Government spending by setting the record straight* / «Поэтому позвольте мне начать обсуждение затрат правительства с разъяснений» (2010).

Наиболее частой формой императива в посланиях являются так называемые формы совместного действия с *let's* (56 случаев, или 81% от всех использованных аналитических форм):

а) *In this election year, **let us show** our fellow Americans that we recognize our responsibilities and are determined to meet them* / «В этот год выборов давайте покажем нашим согражданам американцам, что мы осознаем свои обязанности и намерены их выполнять» (2008);

б) *Over the next several months, on issue after issue, **let us do** what Americans have always done and **build** a better world for our children and our grandchildren* / «В течение следующих нескольких месяцев давайте шаг за шагом делать то, что американцы делали всегда, и строить лучший мир для наших детей и наших внуков» (2005).

Объяснить наиболее частотное употребление именно этих форм повелительного наклонения можно тем фактом, что в таком случае «императивная сема смягчается, микшируется иными семами: взаимности, будущности и т. п.» [128, с. 126]. Таким образом говорящий приглашает собеседника к совместному действию, а использованная форма позволяет ему маскировать непосредственного адресата под многозначностью *мы*. Так, в примере (а) президент явно обращается к Конгрессу, а в примере (б) адресат конкретно не обозначен.

В проанализированных текстах выступлений **российских президентов** было обнаружено только 25 случаев употребления форм повелительного наклонения (менее 1% от всех предложений; по аналогии

с парадигмой английского императива, мы включаем в парадигму русского императива синтетические и аналитические (образованные при помощи частиц *дай(те)* / *давай(те)* / *пусть* / *пускай*) формы единственного и множественного числа всех трех лиц). Данные обо всех использованных формах представлены на рисунке 3.10:

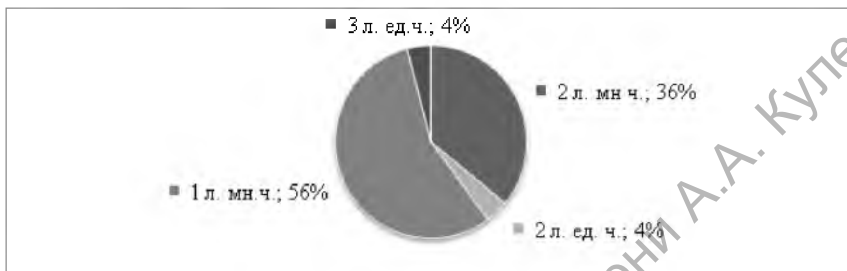

Рис. 3.10. Процентное соотношение форм императива в посланиях президентов РФ за 2001–2011 годы

Из 25 употребленных форм повелительного наклонения 9 – формы 2-го л. мн. ч. В основном данные формы имеют своим адресатом непосредственно членов Собраний (кроме примера (в)) и служат цели привлечения внимания (а) или используются при объяснениях (б) и обращениях с призывом (в). В одном случае такая императивная форма используется для реализации тактики самопрезентации (г):

а) ***Заметьте**, в какие бы времена мы ни жили: в периоды революционных потрясений или в годы застоя – нам почти всегда хочется перемен* (2007);

б) ***Сопоставьте** размеры: крупнейшие российские компании, так называемые “голубые фишки”, стоят в разы меньше, чем их зарубежные аналоги* (2001);

в) ***Я хотел бы** сегодня обратиться ко всем, кто сталкивается с такими процедурами, – **расскажите** о них, пожалуйста, если вы считаете их вредными для нормальной жизни, для полноценного развития нашей страны* (2011);

г) ***Позвольте** несколько слов сказать об этом* (2001).

В текстах также были обнаружены единичные случаи форм повелительного наклонения 2-го л. ед. ч. (*Заплатил за справку – и **гори** себе на здоровье*) (2002) – в этом случае императив употреблен в обобщенном значении) и 3-го л. ед. ч. (*Когда-то Эйзенхауэр сказал, что лозунг истинной демократии – не **«Пусть это сделает правительство»**,*

а «*Дайте нам сделать это самим*» (2011)), однако такое употребление императива является скорее исключением, нежели правилом. Форма 3-го л. мн. ч. в посланиях не была использована ни разу.

Так же, как и в посланиях американских президентов, наиболее частой формой императива в выступлениях российских президентов являются формы совместного действия (14 случаев). В русском языке они могут быть как синтетическими (а), так и аналитическими (б):

а) *Поговорим об этом сегодня откровенно* (2003);

б) *Но давайте запасемся терпением, тем более что еще один древнекитайский мудрец Лао-Цзы говорил о том, что в управлении нужно быть последовательным, в делах нужно исходить из возможностей, а в действиях нужно учитывать время* (2011).

Нужно отметить, что если аналитические формы совместного действия в русском языке в целом схожи в образовании с аналогичными формами в английском, то синтетические формы 1-го л. мн. ч., выражающие призыв к совместному действию, в русском формально совпадают с формой будущего времени. А это значит, что невозможно определить, что именно стоит за фразой *Поговорим об этом сегодня откровенно* (2003): «давайте говорить» или «будем говорить». Еще больший интерес вызывают вводные конструкции. Так, в предложении *Но, скажем откровенно, этой работой нужно заниматься более последовательно и более активно* (2011) «скажем» явно относится только к самому говорящему.

Как следует из приведенных числовых данных, американские и российские президенты стремятся избегать использования форм повелительного наклонения. Нельзя не отметить тот факт, что гораздо чаще императивность в посланиях лидеров обеих стран выражается при помощи различных конструкций, выбор которых обусловлен структурными особенностями конкретного языка.

Так, американские президенты активно употребляют модальные глаголы долженствования и необходимости. Например, модальный глагол *must* встречается в текстах 219 раз (а), *should* – 92 раза (б), *have to* – 38 раз (в):

а) *Unrestrained Government spending is a dangerous road to deficits, so we must take a different path* / «Неумеренные расходы правительства – это опасная дорога к дефициту, поэтому мы должны пойти другим путем» (2001);

б) *We should make the Social Security system a source of ownership for the American people* / «Нам следует сделать систему социального обеспечения источником собственности для американцев» (2004);

в) *We **have to** seek new markets aggressively, just as our competitors are* / «Мы должны искать новые рынки сбыта очень активно, как делают наши конкуренты» (2010).

В том же значении используется глагол *need* в сочетании с инфинитивом, например: *Third, we **need to** export more of our goods, because the more products we make and sell to other countries, the more jobs we support right here in America* / «В-третьих, нам нужно экспортировать больше товаров, потому что чем больше продукции мы производим и продаем другим странам, тем больше рабочих мест мы обеспечиваем здесь в Америке» (2010).

Такое количественное соотношение форм повелительного наклонения и модальных глаголов (с явным перевесом последних) в текстах посланий президентов США свидетельствует о стремлении американских лидеров избегать в речи форм прямого императива, демонстрирующего непосредственное волеизъявление говорящего, и апеллировать к мнению адресата при помощи модальных глаголов, тем самым смягчая императивность высказывания.

В выступлениях российских президентов наблюдается аналогичная тенденция: российские политики стремятся использовать вместо собственно повелительного наклонения различные императивные конструкции, причем делают это чаще, чем их американские коллеги. Так, конструкция «должен + инфинитив» встречается в текстах 571 раз (а), «(не) нужно + инфинитив» – 142 (б, в), «необходимо + инфинитив» – 90 (г), «следует + инфинитив» – 67 (д), «пора + инфинитив» – 17 (е):

а) *В ближайшие месяцы Правительство **должно определить** обновленный порядок создания и деятельности территориальных органов федеральных министерств и ведомств* (2001);

б) *И нам **нужно набраться** мужества и **продолжить** работу по искоренению террора* (2005);

в) ***Не нужно бояться** расширить финансовую самостоятельность учебных заведений, в том числе и школ, с одновременным повышением их ответственности, конечно, за все составляющие качества учебного процесса и за его конечный результат* (2006);

г) *Для того чтобы страна стала сильной и богатой, **необходимо сделать** все для нормальной жизни каждого человека* <...> (2004);

д) *Председателю Правительства **следует представить** обоснованные предложения по реструктуризации системы исполнительной власти* (2002);

е) И нам **пора** четко **определить** те сферы экономики, где интересы укрепления независимости и безопасности России диктуют необходимость преимущественного контроля со стороны национального, в том числе государственного, капитала (2005).

В посланиях президентов РФ встречаются также предложения типа «нужно + чтобы»: *Нужно, чтобы расширение Евросоюза сближало нас не только географически, но и экономически, и духовно* (2004).

Интересно, что императивные конструкции российские лидеры часто вводят глаголами мнения в форме 1-го л. ед. ч., что совершенно не свойственно их американским коллегам и свидетельствует, с одной стороны, о желании избегать слишком категоричной формулировки требований, а с другой (особенно в сочетании с соответствующим местоимением) – о демонстрации своего более высокого статуса: *Полагаю, что развитие системы ипотеки должно стать сферой приоритетного внимания и федерального Правительства, и региональных властей* (2002); *В целом считаю необходимым продолжить процесс укрепления экономических основ местного самоуправления, в первую очередь за счет формирования достаточной доходной базы* (2007); *Я считаю, что нам нужно дать людям возможность выбирать, когда именно выходить на пенсию, ориентируясь на ожидаемое соотношение уровня пенсий и зарплат, а по мере выхода из кризисной ситуации вернуться к более активному стимулированию добровольных пенсионных накоплений* (2011).

Помимо этого, российские президенты часто используют конструкции с каузативными и перформативными глаголами «*прошу / призываю / предлагаю / поручаю / рекомендую* и др. + инфинитив», также направленные на то, чтобы подчеркнуть лидерскую позицию говорящего и его активную роль в вопросах, затрагиваемых в выступлении: *И я прошу Федеральное Собрание не затягивать рассмотрение соответствующих законопроектов* (2002); *Призываю вас вместе подумать, как уйти от этой, ставшей привычной, практики* (2001); *Но если мы действительно хотим сделать для граждан что-то полезное и нужное – предлагаю вам, отодвинув в сторону политические амбиции и не распыляя ресурсы, сосредоточиться на решении важнейших для страны проблем* (2006); *Поэтому поручаю Правительству и Администрации Президента уже до конца этого года «запустить» Программу формирования и подготовки резерва управленческих кадров <...>* (2008); *Я рекомендую во всех субъектах Российской Федерации принять законы о гарантиях*

равного освещения в средствах массовой информации деятельности партий, представленных в региональных парламентах (2009).

Характерно, что президенты США используют значительно менее обширный набор глаголов со схожей семантикой: *ask, propose, urge, call on*: **I urge** you to pass these measures, for the good of both our environment and our economy. Even more, **I ask** you to take a crucial step and protect our environment in ways that generations before us could not have imagined / «Я призываю вас принять эти меры во благо нашей окружающей среды и нашей экономики. Более того, я прошу вас сделать решающий шаг и защитить нашу окружающую среду теми способами, которые предыдущие поколения не могли себе представить» (2003); <...> **tonight I propose** two new initiatives to help more Americans afford their own insurance / «<...> сегодня я предлагаю две новые инициативы, чтобы помочь американцам позволить себе собственный страховой полис» (2007); *This one reform would put private coverage within reach for millions, and I call on the Congress to pass it this year* / «Одна эта реформа сделает частную медицинскую страховку доступной для миллионов людей, и я призываю Конгресс провести ее в этом году» (2008).

Таким образом, императивность в посланиях российских президентов часто выражается посредством инфинитивных конструкций с модальными словами, с безличными предикатами необходимости и возможности и каузативными и перформативными глаголами. Несомненно, говорящий делает выбор в пользу такого рода конструкций с определенной целью, например, чтобы представить свою речь, с одной стороны, более значительной и объективной, а с другой – чтобы избежать конкретных формулировок задач и ответственных за их исполнение.

Однако можно предположить, что выбор говорящим названных грамматических и синтаксических средств диктуется не дискурсивными условиями коммуникации, а в определенном смысле навязывается самим языком. В таком случае полученные данные подтверждают точку зрения А. Вежбицкой, что английский язык «обычно представляет все жизненные события, происходящие с нами, так, как будто мы всецело управляем ими, как будто все наши ожидания и надежды находятся под нашим контролем; даже ограничения и вынужденные действия представлены в нем именно с такой точки зрения», а для русской речи типичны конструкции, в которых «все ограничения и принуждения субъекта подаются в пациентивном модусе, формально отличном от агентивного» [47, с. 56]. Частотное использование данных конструкций рос-

сийскими президентами может являться своего рода доказательством того, что неагентивность относится к семантическим характеристикам, образующим смысловой универсум русского языка. Н. Д. Арутюнова также отмечает, что безличность и неопределенность «входят в ядро интегральной когнитивной модели русского языка» [9, с. 794].

Таким образом, проведенный анализ употребления форм повелительного наклонения в посланиях позволяет сделать вывод о том, что в данных дискурсивных условиях, несмотря на различия в количественных данных, в выступлениях американских и российских президентов наблюдаются общие тенденции, как то: стремление избегать форм прямого императива, наиболее редкое использование форм 1-го и 3-го лица и наиболее частотное употребление форм совместного действия, позволяющих смягчить императивное значение высказывания. Формы 2-го лица в абсолютном большинстве случаев обращены к непосредственной аудитории, т. е. к членам парламента. Повелительное наклонение в посланиях используется для реализации тактик призыва, акцентирования, иллюстрирования и сопоставительного анализа. Основным значением императива в посланиях является обращение с призывом. При этом американские лидеры более категоричны в постановке задач, в то время как их российские коллеги склонны смягчать требования глаголами мнения.

3.4.2 Сослагательное наклонение

Формы сослагательного наклонения выражают предположительность, возможность действия. У Н. Р. Добрушиной находим: «Сослагательное наклонение обозначает ирреальную ситуацию, т. е. такую, которая никогда не имела места в действительности. Эта ситуация существует лишь в воображении человека и, тем самым, вне реального времени» [68]. Основному категориальному значению сослагательного наклонения – значению гипотетичности – сопутствуют и другие значения, например, желания, побуждения и др. [148, с. 626].

Рассмотрим, какие значения сослагательного наклонения реализуются в рамках изучаемого жанра.

Обратимся к текстам выступлений **американских президентов**.

В проанализированном материале были найдены следующие стандартные употребления синтетических форм *Present Subjunctive* (мы

разделяем точку зрения, что сами термины *Present Subjunctive* и *Past Subjunctive* относятся скорее к форме глагола, чем к выражаемому им значению):

1) Устойчивые выражения пожелания: *Good night, and God bless* / «Спокойной ночи, и да благословит Господь»; *God bless America* / «Да благословит Господь Америку».

В устойчивых выражениях используются также аналогичные аналитические формы: *May He guide us now. And may God continue to bless the United States of America* / «Пусть Он поведет нас сегодня. И пусть Господь продолжает благословлять Соединенные Штаты Америки» (2003).

2) После глаголов, выражающих волеизъявление, как то: предложения (а), требования (б) и пр.:

а) *I am proposing that all the income-tax reductions set for 2004 and 2006 be made permanent and effective this year* / «Я предлагаю в этом году сделать все сокращения налогов, установленные для 2004 и 2006 годов, постоянными и эффективными» (2003);

б) *This will require that Congress focus on priorities, cut wasteful spending, and be wise with the people's money* / «Для этого от Конгресса потребуется сосредоточиться на приоритетах, урезать расточительные траты и мудро обращаться с деньгами людей» (2004).

Форма *Past Subjunctive*, которая в современном английском языке образуется только от глагола *be*, встречается в посланиях дважды, например: *Every one of us wishes this war were over and won* / «Мы все хотим, чтобы эта война была закончена и выиграна» (2007).

Аналитические формы сослагательного наклонения образуются при помощи модальных глаголов *should*, *would*, *may* и *shall* [91, с. 170]. В посланиях, однако, продуктивно используются только формы с *would* – 83 употребления (см. пример (а) ниже). Формы с *should* и *shall* вообще не встречаются, а формы с *may* встречаются 8 раз в устойчивых выражениях (см. выше) и только единожды – в придаточном предложении уступки: *But whatever the training may be, every American will need to get more than a high school diploma* / «Но какой бы ни была подготовка, каждому американцу будет нужно получить больше, чем аттестат средней школы» (2009).

В абсолютном большинстве случаев модальные глаголы употребляются в своем основном значении, которое, тем не менее, может содержать в себе значение гипотетичности (см. пример (б) ниже). Так,

кроме названных, часто встречается модальный глагол *could*, выражающий возможность: *We hear claims that immigrants are somehow bad for the economy – even though this economy **could** not function without them / «Мы слышим жалобы, что иммигранты каким-то образом плохо отражаются на нашей экономике, хотя эта экономика не смогла бы функционировать без них» (2006).*

Исследовательский интерес вызывает соотношение в посланиях форм сослагательного и изъявительного наклонений, так как для выражения гипотетичности говорящим продуктивно используются также формы изъявительного наклонения, что отчетливо проявляется в придаточных предложениях условия (а) и, реже, сравнения (б):

а) *And if we **had allowed** the meltdown of the financial system, unemployment might be double what it is today / «И если бы мы допустили крах финансовой системы, уровень безработицы был бы в два раза выше, чем сегодня» (2010);*

б) *None of us would ever wish the evil that was done on September the 11th. Yet, after America was attacked, it was as if our entire country **looked** into a mirror and **saw** our better selves / «Никто из нас не пожелал бы того зла, которое было сделано 11-го сентября. Однако, после того как Америку атаковали, вся страна словно посмотрела в зеркало и увидела наше лучшее “я”» (2002).*

Аналогичная ситуация наблюдается в выше упомянутых придаточных предложениях уступки, где использование сослагательного наклонения является скорее исключением, чем правилом, так как в абсолютном большинстве случаев говорящий употребляет формы изъявительного наклонения: *<...> no matter who you **are** or what you **look like**, if you abide by the law you should be protected by it; if you adhere to our common values you should be treated no different than anyone else / «<...> откуда бы вы ни были или как бы вы ни выглядели, если вы следуете закону, он должен вас защищать; если вы придерживаетесь наших общих ценностей, к вам должны относиться так же, как ко всем остальным» (2010).*

Та же тенденция наблюдается и в придаточных предложениях цели. Как указывают многие грамматиканы, в таких случаях часто используется аналитическая форма сослагательного наклонения с глаголом *may* (см. [91; 105] и др.). В текстах было найдено 42 придаточных цели с предлогами *so, so that, in order that*, из которых только в двух были употреблены формы модальных глаголов со значением вероятности

(а), во всех остальных случаях были использованы формы настоящего времени изъявительного наклонения (б):

а) *We must keep faith with all who have risked life and limb so that we **might** live in freedom and peace* / «Мы должны быть честными со всеми, кто рисковал жизнью, чтобы мы могли жить свободно и мирно» (2008);

б) *And I ask you to provide \$1.2 billion over 5 years so we **can** combat malaria in 15 African countries* / «И я прошу вас предоставить 1,2 миллиарда долларов в течение 5 лет, чтобы мы могли бороться с малярией в 15 африканских странах» (2007).

Таким образом, можно заметить, что американские президенты стремятся как можно реже использовать формы сослагательного наклонения, что может объясняться особыми дискурсивными условиями коммуникации и желанием говорящего делать акцент на реальном, а не гипотетическом положении вещей, что в свою очередь, при более широком подходе может рассматриваться как особенность американского менталитета.

Можно также предположить, что такое количественное соотношение случаев употребления форм сослагательного и изъявительного наклонений является доказательством мнения О. Есперсена о том, что даже в условных предложениях английский язык стремится избавиться от сослагательного наклонения («With regard to condition, the subjunctive is most often required if impossibility is implied (in clauses of “rejected or, better, of rejecting condition”, or “contrary-to-fact-condition”), though even there English tends to get rid of the subjunctive» [228, с. 319]).

В проанализированных текстах было выделено несколько значений использованных форм собственно сослагательного наклонения: (1) контрфактивность (описание ситуации, которая невозможна в реальном мире), (2) гипотетичность (при описании не существующих в действительности ситуаций, которые, по мнению говорящего, могут стать реальными в будущем), (3) формула вежливости:

1. *If we **were** to leave these vicious attackers alone, they would not leave us alone* / «Если бы нам пришлось оставить этих злейших противников в покое, они бы не оставили нас в покое» (2006);

2. *An artist using statistics as a brush **could paint** two very different pictures of our country. One **would have** warning signs <...>. Another picture **would be** full of blessings <...>* / «Художник, использующий статистику в качестве кисти, мог бы нарисовать две очень разные картины нашей страны. На одной были бы предупреждающие знаки <...>. Другая была бы полна счастья <...>» (2001).

В рамках значения гипотетичности можно выделить (а) гипотетичность с оттенком желаяния (выражение предполагаемого действия, реализацию которого говорящий оценивает положительно) и (б) гипотетичность с оттенком нежелаяния (когда говорящий описывает ситуации, реализацию которых он оценивает отрицательно):

а) *I ask you to give lower income Americans a refundable tax credit that **would allow** millions to buy their own basic health insurance* / «Я прошу вас предоставить американцам с низким доходом возмещаемый налоговый кредит, который позволил бы миллионам купить свою собственную медицинскую страховку» (2004);

б) *We will not set an artificial timetable for leaving Iraq, because that **would embolden** the terrorists and **make** them believe they can wait us out* / «Мы не будем составлять искусственный график ухода из Ирака, потому что это вселило бы мужество в террористов и позволило бы им считать, что они могут выждать, когда мы уйдем» (2005);

3. *And tonight I'd like to talk about how together we can deliver on that promise* / «И сегодня я хотел бы поговорить о том, как мы вместе можем выполнить это обещание» (2010).

Обратимся к посланиям **российских президентов**.

В русском языке к собственно сослагательному наклонению относятся сочетания частицы *бы* (б) с формами прошедшего времени глагола, в том числе в составе союза *чтоб(ы)*. К этим формам примыкают сочетания частицы *бы* (б) с инфинитивом, причастиями, деепричастиями, предикативами и существительными. Рассмотрим значения форм сослагательного наклонения в проанализированных текстах (всего было обнаружено 223 случая).

1) Контрфактивное значение сослагательного наклонения реализуется в посланиях в следующих видах конструкций:

– в независимых конструкциях (4 употребления из 83): *Думаю, понятно: без этих средств, я имею в виду без удачной внешнеэкономической конъюнктуры, наши успехи в социально-экономическом развитии **были бы** во многом скромнее* (2003);

– в условных конструкциях (как в главной части, так и в зависимой), которые встречаются всего трижды: *Если **бы продолж**ал существовать Варшавский договор, **был бы** понятен смысл этого документа* (2007); *Если **бы** у нас **был** такой эффективный институт – институт, который **был бы** способен остановить агрессора, – то у Грузии **не хватило бы** наглости развязать войну против Южной Осетии* (2009); *Я уже*

говорил, что ситуация на Северном Кавказе **не была бы** настолько острой, если **бы** социально-экономическое развитие здесь **было бы** по-настоящему результативным (2009).

Интересно, что в последнем примере частица *бы* использована при предикате дважды. Кроме этого случая, в посланиях встретилось еще 3 подобные конструкции, например: *Правительство, региональные и местные органы власти должны ориентироваться на то, **чтобы** к 2010 году минимум треть граждан страны (а не одна десятая, как сегодня) **могли бы** приобретать квартиру <...>* (2004). Так как с точки зрения норм литературного языка такое употребление частицы *бы* считается избыточным [147, с. 299], можно предположить, что, используя разговорную форму, адресант пытается приблизиться к аудитории.

Как видно из представленных данных, контрфактивное значение сослагательного наклонения является достаточно редким в выступлениях российских президентов, что говорит о нежелании говорящего останавливаться на условиях, противоречащих реальным фактам. Гораздо более часто в посланиях реализуется собственно гипотетическое значение сослагательного наклонения.

2) Гипотетическое значение в посланиях актуализируется в следующих типах контекстов:

– в изъяснительных придаточных (50 употреблений): *И по большому счету все, что мы делаем, мы делаем для тех, кого любим сильнее всего – для наших детей, потому что мы хотим, **чтобы** они **жили** лучше нас, **чтобы** они **были** лучше, чем мы, **чтобы** **смогли** сделать то, что, может быть, не успеем сделать мы* (2010);

– в придаточных цели (31 употребление): *Мы должны сделать Россию процветающей и зажиточной страной. **Чтобы** **жить** в ней было комфортно и безопасно. **Чтобы** люди **могли** свободно трудиться, без ограничений и страха зарабатывать для себя и для своих детей. И **чтобы** они **стремились** ехать в Россию, а не из нее. Воспитывать здесь своих детей, строить здесь свой дом* (2002). Целевые придаточные – единственный тип конструкций, в которых используются формы несобственно сослагательного наклонения, а именно: сочетание частицы *бы* с инфинитивом (как в приведенном примере), которое обычно имеет желательное значение или значение деонтической модальности;

– в определительных придаточных предложениях (29 употреблений): *Нам необходимо трудовое законодательство, которое **защитило***

бы права и интересы работников не на бумаге, а на деле; обеспечивало бы мобильность трудовых ресурсов; открывало дорогу структурным преобразованиям на предприятиях (2001);

– в уступительных придаточных (17 употреблений): *Какие бы идеальные законы и стратегии ни принимались на основе Конституции, реализация заложенного в них смысла зависит от конкретных людей* (2008);

– в придаточных образа действия (7 употреблений): *В любом случае мы будем действовать так, чтобы это отвечало интересам народов и России, и Белоруссии* (2007).

Гипотетическое значение реализуется в посланиях также в независимых конструкциях: простом предложении, сложносочиненном предложении, главной части сложноподчиненного предложения, вставных конструкциях, например: *Казалось бы, мы в целом справляемся с этой задачей* (2006). Однако чаще всего, помимо собственно гипотетического значения, в такого рода конструкциях актуализируется желательное значение сослагательного наклонения: *Более того, при сохранении таких темпов мы смогли бы удвоить ВВП на душу населения не за десять лет, а уже к 2010 году* (2004); *Повторю: такой документ позволил бы создать абсолютно четкие и понятные всем правила поведения* (2008). Отрицательно говорящий оценивает только контрфактивные ситуации.

3) Характерно, что явное большинство всех независимых конструкций (58 случаев из 83) составляют употребления формулы вежливости «хотел бы + инфинитив», которые выступают одним из основных средств реализации тактики самопрезентации: *И хотел бы сегодня сказать несколько слов о состоянии и перспективах взаимодействия с нашими основными партнерами* (2006); *Хотел бы сделать ряд выводов, выходящих по своему значению за рамки самого конфликта* (2008); *Я хотел бы поблагодарить Федеральное Собрание за поддержку этих инициатив* (2009).

Стоит отметить, что русское выражение «хотел бы, хотелось бы» утрачивает первичный смысл и приобретает особое дискурсивное значение, так как оно помогает говорящему в композиционно-смысловой организации текста – вводит новую тему, а также выражает определенное отношение говорящего к сообщаемой информации.

Часто после сослагательного наклонения глагола *хотеть* следуют глаголы акцентирования информации: *подчеркнуть, отметить, обратить внимание* и др.: *Хотел бы также отметить, что кредитный*

рейтинг страны стал самым высоким за всю историю новой России (2003); *Хотел бы подчеркнуть*, конечно, такая масштабная и системная борьба с коррупцией только началась, и мы будем ее вести решительно, системно и последовательно (2011).

Вызывает интерес также использование форм сослагательного наклонения для смягчения категоричности требования или заключений (последний пример): *Просил бы* внимательно отнестись к этой проблеме (2002); *И, кстати, считал бы правильным* отменить налог на имущество, переходящее в порядке наследования (2005); *Было бы полезно*, чтобы органы законодательной власти всех уровней как минимум одно заседание в году посвящали заслушиванию и обсуждению сообщений и предложений партий, не представленных в законодательных органах (2009); *С учетом масштабов России и географической удаленности отдельных ее территорий от политических и экономических центров страны – я бы сказал, что развитие инфраструктуры это больше, чем экономическая задача* (2004).

Такое использование сослагательного наклонения может свидетельствовать о нежелании говорящего возлагать на себя или кого-либо другого конкретные задачи или брать на себя ответственность за происходящее.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что, вне зависимости от языка коммуникации, в посланиях говорящий стремится избежать использования сослагательного наклонения, заменяя его на изъявительное, что говорит о стремлении фокусироваться на действительном положении вещей. Основным значением сослагательного наклонения в посланиях является гипотетичность с оттенком желания. Помимо этого, относительно часто встречаются формы со значением собственно гипотетичности и контрфактивности. Формы сослагательного наклонения со значением гипотетичности с оттенком нежелания встречаются только в выступлениях американских президентов, что говорит о стремлении российских лидеров акцентировать внимание на положительных моментах. Формулы вежливости значительно чаще встречаются в посланиях российских президентов, где выступают одним из основных средств реализации тактики самопрезентации, а также позволяют говорящему смягчить требования и уйти от ответственности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На современном этапе с известной долей условности можно выделить три основных направления в изучении дискурса как лингвистического феномена: функциональное (дискурс как функционирование языка, речь), герменевтическое, или текстологическое (дискурс как текст, текстовая деятельность), и когнитивное, или психосоциальное, в рамках которого дискурс рассматривается как единство текста и контекста в самом широком понимании слова. Дискурс и жанр, рассматриваемый как модель речевого поведения в типичной ситуации социального взаимодействия людей, соотносятся между собой как род и вид. Основными критериями типологии дискурса в лингвистике являются модус, форма организации, социальные отношения участников и коммуникативная сфера (формат дискурса).

Политический дискурс, наряду с юридическим, медицинским, религиозным, педагогическим и пр., представляет собой особый вид институционального дискурса, который отличает наличие определенных характерных черт, как то: преобладание массового адресата, опосредованность фактором масс-медиа, динамичность языка политики, доминирующая роль фактора эмоциональности, смысловая неопределенность, эзотеричность, театральность, а также интертекстуальность и несомненная прагматическая направленность. С главной функцией политической коммуникации – борьбой за власть – связаны и основные функции политического дискурса: идеологическая, информативная, апеллятивная, манипулятивная, мобилизующая, инспиративная и функция убеждения.

Убеждение относится к основным способам речевого воздействия и понимается как процесс и результат преимущественно вербального воздействия на слушающего, осуществляемого в условиях наличия у адресата возможности рационально мыслить. В политической коммуникации убеждение является самым распространенным способом речевого воздействия и неразрывно связано с суггестией как скрытым, замаскированным внушением. Коммуникативная стратегия убеждения является основной в рамках политического дискурса и направлена на формирование у адресата устойчивых мнений, оценок и т. п. либо изменение его поведения в интересах адресанта. Для осуществления данной стратегии говорящий выбирает конкретные тактики, которые реализуются при помощи определенных средств всех уровней языка.

Внутри политического дискурса как вида институционального дискурса существует особая область – президентская риторика, которая выделяется на основании особого положения адресанта в политической системе государства, с чем связаны ее отличительные особенности: высокий статус всех выступлений и их риторический характер, необходимость соблюдать требования официальной коммуникации, опосредованность абсолютного большинства выступлений СМИ, интерпретация выступлений как политических действий. Президентский дискурс характеризуется заданной тематикой общения и наличием определенных жанров.

Послание президента парламенту занимает особое место в жанровой структуре политического дискурса, так как сочетает в себе признаки ориентационного и ритуального жанров. К ориентационным жанрам послание относится на основании своей главной цели – представить отчет о выполненных за год действиях, к ритуальным – благодаря своим хромотопным признакам, тематической заданности общения и закреплённой форме. Основная функция послания – функция поддержания и укрепления статуса института президентства – реализуется посредством следующих подфункций: информативной, интегративной и инспиративной. Послания американских президентов, ввиду долгой традиции, приобрели больше характеристик ритуального жанра, чем послания российских лидеров, которые являются в большей степени ориентационными. Об этом свидетельствует наличие в посланиях президентов США устойчивой речевой формулы обращения к аудитории, открытого призыва к единению в заключении и большая торжественность выступлений.

В рамках послания как жанра политического дискурса, ввиду его двойственной интенциональной природы, выделяются две основные коммуникативные стратегии: информирования и убеждения. Стратегия убеждения реализуется посредством девяти тактик, которые едины для различных лингвокультур ввиду общности дискурсивных условий: самопрезентации, указания на перспективу, обещания, призыва, акцентирования, иллюстрирования, сопоставительного анализа, дистанцирования и кооперации. Для достижения коммуникативной интенции говорящий использует средства всех языковых уровней, в том числе морфологического. При этом в данных дискурсивных условиях наблюдаются достаточно явные общие закономерности использования прагматического потенциала данных категорий, не зависящие от конкретной лингвокультуры. При всем структурном своеобразии английского и русского языков, которые в некоторых случаях обуславливают выбор говорящим определенных конструкций, можно говорить о том, что данные закономерности диктуются, с одной стороны, спецификой жанра, а с другой – общими принципами реализации тактики убеждения.

Категория лица в посланиях выступает важнейшим средством формирования дискурс-картины кортежного взаимодействия, свидетельствующей о стремлении адресанта сблизиться со значимой для него аудиторией. Прагматический потенциал данной категории в посланиях проявляется, вне зависимости от языка коммуникации, при реализации, главным образом, тактик самопрезентации, кооперации, акцентирования, сопоставительного анализа и дистанцирования. В актуализации тактики самопрезентации участвует местоимение 1-го л. ед. ч., использование которого в роли подлежащего говорит о демонстрации говорящим более высокого социального статуса. Основным средством реализации тактики кооперации выступает наиболее частотное в посланиях инклюзивное местоимение 1-го л. мн. ч., которое позволяет говорящему достичь психологического сближения со значимой для него аудиторией – предста-

вителями власти. Самым редким является местоимение 2-го л. мн. ч., которое выступает средством реализации тактики акцентирования, что является доказательством нежелания адресанта противопоставлять себя аудитории. Средством тактик сопоставительного анализа и дистанцирования является местоимение 3-го л. мн. ч., которое в посланиях выполняет, в первую очередь, анафорическую функцию.

Употребление глагольных времен в посланиях является одним из основных средств моделирования в сознании слушающего программы «от прошлого через настоящее к будущему» и, как следствие, особой языковой картины мира со своим членением времени. Преимущественное употребление говорящим форм настоящего времени (более 70% в выступлениях обоих президентов) свидетельствует о его стремлении подчеркнуть важность событий, происходящих здесь и сейчас. Категория времени используется для актуализации, в первую очередь, следующих тактик: тактики сопоставительного анализа, тактики иллюстрирования, тактик указания на перспективу, обещания, призыва и кооперации. Данная категория наполняется схожими прагматическими оттенками в выступлениях американских и российских лидеров: оппозиция разных временных форм в одном контексте указывает либо на результативность действий и смену обстановки, либо акцентирует связь происходящего в данный момент с событиями прошлого; употребление формы настоящего времени вместо будущего или прошедшего приближает описываемые события к адресату; использование будущего времени вместо модальных глаголов демонстрирует факт будущего осуществления предложенных говорящим мер.

В посланиях американских и российских президентов наблюдаются общие закономерности использования прагматического потенциала категории наклонения. Везде, где возможно, говорящий стремится избежать употребления прямого императива, используя различные конструкции, выбор которых обусловлен структурными особенностями конкретного языка (в английском преимущественно – конструкции с модальными глаголами, в русском – инфинитивные конструкции). Наиболее частотными формами повелительного наклонения являются формы совместного действия, которые позволяют говорящему дополнить императивное значение высказывания значением всеобщности и будущности. Основным значением сослагательного наклонения в посланиях является гипотетичность с оттенком желания, что позволяет говорящему делать акцент на положительных моментах. Формулы вежливости, которые значительно чаще встречаются в посланиях российских президентов, позволяют адресанту смягчить требования и избежать конкретных формулировок задач и указаний на ответственных за их исполнение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони, В.Г. Основы теории грамматики / В.Г. Адмони ; под общ. ред. В.М. Жирмунского (отв. ред.), М.М. Гухман, С.Д. Кацнельсона. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 103 с.
2. Аكوпова, Д.Р. Стратегии и тактики политического дискурса / Д.Р. Аكوпова // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 6 (1). – С. 403–409.
3. Алешина, Е.Ю. Жанровая градация политического дискурса / Е.Ю. Алешина // Российский гуманитарный журнал. – 2016. – Т. 5. – № 3. – С. 293–301.
4. Алтунян, А.Г. «Политические мнения» Фаддея Булгарина / А.Г. Алтунян. – Москва : УРАО, 1998. – 207 с.
5. Апресян, Г.З. Ораторское искусство / Г.З. Апресян. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Изд-во МГУ, 1978. – 278 с.
6. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – Москва, 1990. – С. 136–137.
7. Арутюнова, Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике / под общ. ред. Е.В. Падучевой. – Москва : Прогресс, 1985. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 3–42.
8. Арутюнова, Н.Д. Прагматика / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – Москва, 1990. – С. 389–390.
9. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
10. Бакумова, Е.В. Роль языка в средствах массовой коммуникации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е.В. Бакумова. – Волгоград, 2002. – 162 л.
11. Баранов, А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход) : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / А.Н. Баранов ; АН СССР, Ин-т рус. яз. – Москва, 1990. – 48 с.
12. Баранов, А.Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом / А.Н. Баранов // Человек. – 1997. – № 6. – С. 108–118.
13. Баранов, А.Н. Что нас убеждает? / А.Н. Баранов. – Москва : Знание, 1990. – 63 с.
14. Баранов, А.Н. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание / А.Н. Баранов, П.Б. Паршин // Роль языка в средствах массовой коммуникации : сб. обзоров. – Москва : ИНИОН, 1986. – С. 100–143.
15. Барт, Р. Лингвистика текста / Р. Барт // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С. 442–449.
16. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин ; сост. С.Г. Бочаров. – 2-е изд. – Москва : Искусство, 1986. – 445 с.

17. Бейлинсон, Л.С. Функции институционального дискурса / Л.С. Бейлинсон // Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та. Сер. Филология. – 2009. – № 3 (7). – С. 142–147.

18. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – Москва : Прогресс, 1974. – 447 с.

19. Бессонова, Л.Е. Коммуникативные аспекты политического дискурса / Л.Е. Бессонова // Ученые записки Таврич. нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. Филологические науки. – 2004. – № 1. – Т. 16 (55). – С. 22–27.

20. Бехтерев, В.М. Внушение и его роль в общественной жизни / В.М. Бехтерев. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 256 с.

21. Блакар, Р.М. Язык как инструмент социальной власти / Р.М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия : сб. ст. ; под ред. В.В. Петрова. – Москва : Прогресс, 1987. – С. 88–125.

22. Богданов, В.В. Текст и текстовое общение : учеб. пособие / В.В. Богданов. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1993. – 67 с.

23. Богушевич, Д.Г. Стратегия, тактика, иллюзия: дифференциация и связи / Д.Г. Богушевич, О.В. Горшкова // Коммуникативные стратегии : материалы VI Междунар. науч. конф., Минск, 24 нояб. 2011 г. / Минск. гос. лингв. ун-т ; редкол. : Т.В. Попплавская (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2013. – С. 26–28.

24. Бокмельдер, Д.А. Стратегии убеждения в политике: анализ дискурса на материале современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Д.А. Бокмельдер. – Иркутск, 2000. – 140 л.

25. Бондарко, А.В. Посессивность. Вступительные замечания / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / отв. ред. А.В. Бондарко. – Санкт-Петербург : Наука, 1996. – С. 89–100.

26. Бондарко, А.В. Русский глагол / А.В. Бондарко, Л.Л. Буланин. – Ленинград : Просвещение, 1967. – 190 с.

27. Борботько, В.Г. Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 ; 10.02.19 / В.Г. Борботько. – Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 1998. – 48 с.

28. Борботько, В.Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике / В.Г. Борботько. – 4-е изд. – Москва : Либроком, 2011. – 288 с.

29. Борг, Д. Сила убеждения: искусство оказывать влияние на людей / Д. Борг. – 3-е изд. – Москва : Претекст, 2009. – 307 с.

30. Борисова, Е.Г. Особенности типов политического дискурса в России / Е.Г. Борисова // Политический дискурс в России – 2 : материалы рабочего совещания-семинара / под ред. Ю.А. Сорокина, В.Н. Базылева. – Москва : Диалог-МГУ, 2008. – С. 17–18.

31. Брехт, Р.Д. О взаимосвязи между наклонением и временем: синтаксис частицы бы в русском языке / Р.Д. Брехт // Новое в зарубежной лингвистике / под

общ. ред. Т.В. Булыгиной, А.Е. Кибрика. – Москва : Прогресс, 1985. – Вып. 15. Современная зарубежная русистика. – С. 101–117.

32. Будаев, Э.В. Современная политическая лингвистика : учеб. пособие / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов [Электронный ресурс]. – Екатеринбург, 2006. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm>. – Дата доступа: 10.03.2013.

33. Булыгина, Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.

34. Бурикова, И.С. Психология влияния общественного мнения на поведение избирателей / И.С. Бурикова [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <http://www.cspdom.ru/public-analit/ppsychology/psy-of-influence-mass-election-behavior>. – Дата доступа: 24.03.2010.

35. Бэррон, Д. Как заставить кого угодно делать что угодно: скрытое влияние на человека / Д. Бэррон, Д. Каус. – Санкт-Петербург : Прайм, 2008. – 210 с.

36. Бюлер, К. Теория языка: репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – Москва : Прогресс, 1993. – 501 с.

37. Вайнрайх, У. О семантической структуре языка / У. Вайнрайх // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1970. – Вып. 5. Языковые универсалии. – С. 163–249.

38. Варгина, Е.И. Убеждение как функция пропозиций знания и мнения в англоязычной научной прозе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.И. Варгина. – Санкт-Петербург, 1995. – 203 л.

39. Василенко, Е.Н. Дискурс как лингвистический феномен / Е.Н. Василенко // Весн. Магілёўскага дзярж. ун-та імя А.А. Куляшова. Сер. А. Гуманітарныя навукі. – 2012. – № 2 (40). – С. 81–86.

40. Василенко, Е.Н. Ежегодное послание президента парламенту как жанр политического дискурса / Е.Н. Василенко // Весн. Мазырскага дзярж. пед. ун-та імя І.П. Шамякіна. – 2011. – № 1 (30). – С. 79–84.

41. Василенко, Е.Н. Императив в посланиях президента парламенту (на материале английского и русского языков) / Е.Н. Василенко // Весн. Мазырскага дзярж. пед. ун-та імя І.П. Шамякіна. – 2014. – № 3 (44). – С. 109–113.

42. Василенко, Е.Н. Местоимения как средство реализации коммуникативной стратегии убеждения (на материале политического дискурса) / Е.Н. Василенко // Вестн. Полоцкого гос. ун-та. Сер. А. Гуманитарные науки. – 2012. – № 1. – С. 98–102.

43. Василенко, Е.Н. Особенности употребления сослагательного наклонения в политическом дискурсе (на материале жанра послания президента парламенту) / Е.Н. Василенко // Вестн. Полоцкого гос. ун-та. Сер. А. Гуманитарные науки. – 2014. – № 10. – С. 140–143.

44. Василенко, Е.Н. Функционирование категории времени в политическом дискурсе (на материале жанра послания президента парламенту) / Е.Н. Ва-

силенко // Вестн. Минского гос. лингв. ун-та. Сер. 1. Филология. – 2014. – № 3 (70). – С. 6–12.

45. Василенка, К.М. Роля граматычных катэгорый у пабудове дыскурса карцін свету і картэжнага ўзаемадзеяння / К.М. Василенка // Весті Бел. дзярж. пед. ун-та. Сер. 1. Педагагіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2017. – № 3. – С. 96–100.

46. Вежицкая, А. Речевые жанры / А. Вежицкая // Жанры речи : сб. науч. ст. ; под ред. В.Е. Гольдина. – Саратов, 1997. – Вып. 1. – С. 99–111.

47. Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая. – Москва : Русские словари, 1997. – 416 с.

48. Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – Москва ; Ленинград : Учпедгиз, 1947. – 783 с.

49. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. – Волгоград : Перемена, 1997. – 139 с.

50. Вольф, Е.М. Грамматика и семантика местоимений / Е.М. Вольф. – Москва : Наука, 1974. – 224 с.

51. Гаврилова, М.В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / М.В. Гаврилова. – Санкт-Петербург, 2005. – 468 л.

52. Гайда, Ст. Проблемы жанра / Ст. Гайда // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация : межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т ; под ред. М.Н. Кожинной. – Пермь, 1986. – С. 22–28.

53. Гайкова, О.В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О.В. Гайкова. – Волгоград, 2003. – 211 л.

54. Гак, В.Г. Прагматика, узус и грамматика речи / В.Г. Гак // Языковые преобразования / В.Г. Гак. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1998. – С. 554–566.

55. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ / Б.М. Гаспаров. – Москва : Новое лит. обозрение, 1996. – 351 с.

56. Гончаров, Г.А. Суггестия: теория и практика / Г.А. Гончаров. – Москва : КСП : МЦФ, 1995. – 317 с.

57. Григорьева, В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты / В.С. Григорьева. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 288 с.

58. Дейк, Т.А. ван. Вопросы прагматики текста / Т.А. ван Дейк // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1978. – Вып. 8. Лингвистика текста. – С. 259–336.

59. Дейк, Т.А. ван. Стратегии понимания связного текста / Т.А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1988. – Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – С. 153–211.

60. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ / Т.А. ван Дейк ; сост. В.В. Петров ; под ред. В.И. Герасимова. – Москва : Прогресс, 1989. – 312 с.

61. Дементьев, В.В. Изучение отдельных речевых жанров: обзор работ в современной русистике / В.В. Дементьев // Дискурс, концепт, жанр : коллективная монография / отв. ред. М.Ю. Олешков. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2009. – Вып. 1. – С. 219–337.

62. Дементьев, В.В. Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике / В.В. Дементьев // Вопросы языкознания. – 1997. – № 1. – С. 109–121.

63. Дементьев, В.В. Коммуникативная генеристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия / В.В. Дементьев // Жанры речи : сб. науч. статей ; под ред. В.Е. Гольдина. – Саратов, 2002. – Вып. 3. – С. 18–40.

64. Дементьев, В.В. Социопрагматический аспект теории речевых жанров : учеб. пособие / В.В. Дементьев, К.Ф. Седов. – Саратов : Изд-во Сарат. пед. ин-та, 1998. – 107 с.

65. Демьянков, В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В.З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие / отв. ред. М.Н. Володина. – Москва : Изд-во Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 2003. – С. 116–133.

66. Демьянков, В.З. Коммуникативное воздействие на структуру сознания / В.З. Демьянков // Роль языка в структурировании сознания : сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т филос. – Москва, 1984. – Ч. 1. – С. 138–161.

67. Демьянков, В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В.З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – Москва, 2002. – № 3. – С. 32–43.

68. Добрушина, Н.Р. Наклонение / Н.Р. Добрушина // Энциклопедия «Кругосвет» [Электронный ресурс]. – 2002. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/NAKLONENIE.html. – Дата доступа: 22.06.2012.

69. Долинин, К.А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия / К.А. Долинин // Жанры речи : сб. науч. ст. ; под ред. В.Е. Гольдина. – Саратов, 1999. – Вып. 2. – С. 7–13.

70. Доценко, Е.Л. Психология манипуляции / Е.Л. Доценко. – Москва : ТОО «ЧеРо», 1997. – 316 с.

71. Дридзе, Т.М. Социокультурная коммуникация: текст и диалог в семиосоциопсихологии / Т.М. Дридзе // Социокультурное пространство диалога. – Москва : Наука, 1999. – С. 58–77.

72. Забело, Т.В. Стратегии политического дискурса и их проявление в речи / Т.В. Забело // Вестн. Моск. гос. линг. ун-та. – 2010. – № 580. – С. 219–227.

73. Задворная, Е.Г. Коммуникативно-эпистемические параметры высказывания и дискурса : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02 ; 10.02.19 / Е.Г. Задворная. – Минск, 2001. – 224 л.

74. Зеленский, В.В. Послесловие / В.В. Зеленский // Психология политики. Психологические и социальные идеи Карла Густава Юнга / В. Одайник. – Санкт-Петербург : Ювента, 1996. – С. 368–390.

75. Земская, Е.А. Городская устная речь и задачи ее изучения / Е.А. Земская // Разновидности городской устной речи : сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; отв. ред. Д.Н. Шмелев, Е.А. Земская. – Москва, 1988. – С. 5–44.

76. Земская, Е.А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е.А. Земская, М.А. Китайгородская, Е.Н. Ширяев. – Москва : Наука, 1981. – 276 с.

77. Зигманин, Ж.В. Структура современного политического дискурса: речевые жанры и речевые стратегии : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ж.В. Зигманин. – Москва, 2003. – 239 л.

78. Зотеева, Т.С. О некоторых компонентах жанра просьбы / Т.С. Зотеева // Жанры речи : сб. науч. статей ; под ред. В.Е. Гольдина. – Саратов, 2002. – Вып. 3. – С. 268–272.

79. Иванова, Е.В. К проблеме исследования экологического дискурса / Е.В. Иванова // Политическая лингвистика. – 2007. – № 23. – С. 134–138.

80. Ивин, А.А. Основы теории аргументации : учебник / А.А. Ивин. – Москва : Владос, 1997. – 352 с.

81. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – Москва : УРСС, 2003. – 284 с.

82. Иссерс, О.С. Речевое воздействие : учеб. пособие / О.С. Иссерс. – 2-е изд. – Москва : Флинта : Наука, 2011. – 224 с.

83. Кабаченко, Т.С. Предисловие к русскому изданию / Т.С. Кабаченко // Сила убеждения: искусство оказывать влияние на людей / Д. Борг. – Москва : Претекст, 2009. – С. 7–10.

84. Канчани, П. Опозиция «свой – чужие» как прагматическая доминанта политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / П. Канчани. – Москва, 2007. – 260 л.

85. Карасик, В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса / В.И. Карасик // Этнокультурная специфика речевой деятельности : сб. обзоров / ИНИОН РАН ; редкол. : Н.Н. Трошина (отв. ред.) [и др.]. – Москва, 2000. – С. 37–64.

86. Карасик, В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2002. – 333 с.

87. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2004. – 389 с.

88. Карпилович, Т.П. Когнитивное моделирование семантической структуры текста / Т.П. Карпилович // Вестн. Минск. гос. лингв. ун-та. Сер. 1. Филология. – 2006. – № 3 (23). – С. 14–22.

89. Карцевский, С.И. Система русского глагола / С.И. Карцевский // Из лингвистического наследия : в 2 т. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – Т. 2. – С. 31–208.

90. Касевич, В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология / В.Б. Касевич. – Москва : Наука, ГРВЛ, 1988. – 311 с.

91. Каушанская, В.Л. Грамматика английского языка : пособие для студ. пед. ин-тов / В.Л. Каушанская [и др.] ; под ред. Е.В. Ивановой. – 5-е изд., испр. и доп. – Москва : Айрис-пресс, 2008. – 384 с.

92. Кацнельсон, С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / С.Д. Кацнельсон ; под ред. В.М. Жирмунского. – Москва : URSS, 2010. – 110 с.

93. Кашкин, В.Б. Дискурс : учеб. пособие / В.Б. Кашкин. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2004. – 76 с.

94. Кибрик, А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3–21.

95. Кишина, Е.В. Семантическая оппозиция «свой – чужой» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов / Е.В. Кишина // Вестник Кемеровского гос. ун-та. – 2011. – № 4. – С. 174–179.

96. Клименко, А.П. Лексическое ассоциирование и связность текста / А.П. Клименко // Проблемы внутренней динамики речевых норм : сб. науч. ст. / Минский гос. пед. ин-т иностр. яз. ; под ред. С.М. Гайдучик. – Минск, 1982. – С. 115–120.

97. Клюев, В.Е. Речевая коммуникация : учеб. пособие для ун-тов и ин-тов / В.Е. Клюев ; под ред. Е.Г. Розановой. – Москва : Рипол Классик, 2002. – 320 с.

98. Кожина, М.Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) / М.Н. Кожина // Жанры речи : сб. науч. статей ; под ред. В.Е. Гольдина. – Саратов, 1999. – Вып. 2. – С. 52–61.

99. Кондратенко, Н.В. Новогоднее обращение как ритуальный жанр политического дискурса: макроструктурные компоненты и средства их выражения / Н.В. Кондратенко // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды Междунар. конф. «Диалог 2007», Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007 / Рос. гос. гум. ун-т ; под ред. Л.Л. Иомдина. – Москва : РГГУ, 2007. – С. 302–306.

100. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.constitution.ru/>. – Дата доступа: 20.01.2011.

101. Конюшкевич, М.И. Модальность в свете прагматики / М.И. Конюшкевич // Вопросы функциональной грамматики : сб. науч. тр. / Гроднен. гос. ун-т ; под ред. М.И. Конюшкевич. – Гродно, 2000. – Вып. 3. – С. 58–78.

102. Копнина, Г.А. Речевое манипулирование : учеб. пособие / Г.А. Копнина. – 2-е изд. – Москва : Флинта : Наука, 2008. – 176 с.

103. Кохтев, Н.Н. Основы ораторской речи / Н.Н. Кохтев. – Москва : Изд-во МГУ, 1992. – 240 с.

104. Кочкин, М.Ю. Политический скандал как лингвокультурный феномен : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М.Ю. Кочкин ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2003. – 184 л.

105. Крылова, И.П. Грамматика современного английского языка : учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / И.П. Крылова, Е.М. Гордон. – 12-е изд. – Москва : КДУ, 2006. – 448 с.

106. Кубрякова, Е.С. Виды пространства текста и дискурса / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Категоризация мира: пространство и время / под ред. Е.С. Кубряковой и О.В. Александровой. – Москва : Диалог-МГУ, 1997. – С. 15–26.

107. Кубрякова, Е.С. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Структура и семантика художественного текста : докл. VII Междунар. конф. / Моск. гос. обл. пед. ун-т им. М.А. Шолохова ; отв. ред. Е.А. Диброва. – Москва : СпортАкадемПресс, 1999. – С. 186–197.

108. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

109. Кудрявцев, А.Г. Выражение национальной идентичности в политическом дискурсе: функции и механизмы воздействия на реципиента сообщения / А.Г. Кудрявцев // Политическая лингвистика. – 2010. – № 4 (34). – С. 115–117.

110. Купина, Н.А. Агитационный дискурс: в поисках жанра влияния / Н.А. Купина // Культурно-речевая ситуация в современной России / под ред. Н.А. Купиной. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. – С. 216–233.

111. Куралева, И.Р. Категория посессивности как фрагмент русской языковой картины мира : автореф. дис. ... канд. фил. наук : 10.02.01 / И.Р. Куралева ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2007. – 24 с.

112. Левин, Р. Механизмы манипуляции / Р. Левин. – Москва : Диалектика, 2007. – 429 с.

113. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – Москва : Гнозис, 2003. – 280 с.

114. Мартынов, В.В. Категории языка: семиологический аспект / В.В. Мартынов ; отв. ред. Ю.С. Степанов. – Москва : Наука, 1982. – 192 с.

115. Маслова, В.А. Лингвокультурология : учеб. пособие / В.А. Маслова. – Москва : Издат. центр «Академия», 2001. – 208 с.

116. Матвеева, Г.Г. Два направления в современной прагмалингвистике / Г.Г. Матвеева, И.В. Самарина, Л.Н. Селиверстова // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. – 2009. – Вып. 1. – Ч. II. – С. 50–57.

117. Мельчук, И.А. Курс общей морфологии : в 3 т. / И.А. Мельчук. – Москва – Вена : Языки русс. культуры, Венский славистический альманах, 1998. – Т. 2. – 544 с.

118. Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т ; под ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск, 2009. – Вып. 6. Политическое поле Беларуси глазами дискурс-аналитика. – 216 с.

119. Мечковская, Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков : учеб. пособие / Н.Б. Мечковская. – 8-е изд. – Москва : Флинта : Наука, 2011. – 312 с.

120. Милославский, И.Г. Морфологические категории современного русского языка : учеб. пособие / И.Г. Милославский. – Москва : Просвещение, 1981. – 254 с.

121. Михалева, О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия / О.Л. Михалева. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.

122. Михалева, О.Л. Способы представленности субъекта действия в политическом дискурсе / О.Л. Михалева // Словарь, грамматика, текст в свете антропоцентрической лингвистики : сб. ст. / Иркут. гос. ун-т ; под ред. Л.И. Горбунова. – Иркутск, 2003. – Вып. 2. – С. 93–115.

123. Михальская, А.К. Политическое интервью как речевой жанр / А.К. Михальская // Риторическая культура в современном обществе : тезисы IV Междунар. конф. по риторике, Москва, 26–28 янв. 2000 г / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина ; редкол. : Аннушкин В.И. [и др.]. – Москва, 2000. – С. 67–69.

124. Моисеева, А.П. Основы теории коммуникации : учеб. пособие / А.П. Моисеева. – Томск : Изд-во ТПУ, 2004. – 128 с.

125. Моррис, Ч.У. Основания теории знаков / Ч.У. Моррис // Семиотика : Антология / сост. Ю.С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва, 2001. – С. 45–97.

126. Мучник, И.П. О значении форм повелительного наклонения в современном русском языке / И.П. Мучник // Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та. – 1955. – Т. 32. – Вып. 5. – С. 13–35.

127. Николаева, Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы / Т.М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1978. – Вып. 8. Лингвистика текста. – С. 5–43.

128. Норман, Б.Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков) : курс лекций / Б.Ю. Норман. – Минск : БГУ, 2009. – 183 с.

129. Норман, Б.Ю. О притяжательных местоимениях в славянских языках / Б.Ю. Норман // *Slavia Orientalis / Polska Akademia Nauk, Wydział Nauk Społecznych, Komitet Słowianoznawstwa*. – Kraków : Bohdan Grell i córka, 1999. – Т. XLVIII. – № 4. – С. 599–616.

130. Норман, Б.Ю. Русское местоимение мы: внутренняя драматургия / Б.Ю. Норман // *Russian linguistics*. – 2002. – Vol. 26. – № 2. – С. 217–234.

131. Олешков, М.Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект : учеб. пособие для студентов фак. рус. яз. и лит. / М.Ю. Олешков ; Нижнетагил. гос. соц.-пед. акад. – Нижний Тагил, 2006. – 146 с.

132. Олешков, М.Ю. Педагогический дискурс : учеб. пособие / М.Ю. Олешков. – Нижний Тагил : Нижнетаг. гос. соц.-пед. акад., 2012. – 310 с.

133. Олянич, А.В. Презентационная теория дискурса / А.В. Олянич. – Москва : Гнозис, 2007. – 407 с.

134. Официальное интернет-представительство Президента России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/>. – Дата доступа: 20.01.2011.

135. Паршин, П.Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции / П.Б. Паршин // Системные исследования : Ежегодник, 1986. – Москва : Наука, 1987. – С. 398–425.

136. Паршин, П.Б. Речевое воздействие / П.Б. Паршин // Энциклопедия «Кругосвет» [Электронный ресурс]. – 2002. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/RECHEVOE_VOZDESTVIE.html. – Дата доступа: 22.06.2012.

137. Паршина, О.Н. Российская политическая речь: теория и практика / О.Н. Паршина. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : ЛКИ, 2007. – 227 с.

138. Петренко, В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко. – Санкт-Петербург : Питер, 2005. – 480 с.

139. Плотнокова, С.Н. Дискурсивное пространство: к проблеме определения понятия / С.Н. Плотнокова // Magister Dixit. – 2011. – № 2. – С. 152–158.

140. Плуныч, В.А. Общая морфология: введение в проблематику : учеб. пособие / В.А. Плуныч. – Москва : Эдиториал УРСС, 2000. – 384 с.

141. Попплавская, Т.В. Коммуникация и ее изучение на рубеже тысячелетий / Т.В. Попплавская // Коммуникативные стратегии : материалы докл. Междунар. науч. конф., Минск, 28–29 мая 2003 г. : в 2 ч. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол. : Т.В. Попплавская (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2003. – Ч. 1. – С. 3–5.

142. Поршнева, Б.Ф. Социальная психология и история / Б.Ф. Поршнева. – Москва : Наука, 1979. – 232 с.

143. Потемкина, А.А. Из записок по русской грамматике: глагол, местоимение, числительное, предлог / А.А. Потемкина ; отв. ред. И.И. Мещанинов. – 2-е изд. – Москва : URSS, 2010. – 318 с.

144. Прохоров, Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс : учеб. пособие / Ю.Е. Прохоров. – Москва : Флинта : Наука, 2004. – 221 с.

145. Психотерапия : учебник для вузов / под ред. Б.Д. Карвасарского. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Питер, 2002. – 672 с.

146. Пупынин, Ю.А. Функциональные аспекты грамматики русского языка: взаимосвязи грамматических категорий : учеб. пособие / Ю.А. Пупынин ; М-во образ. РСФСР, Ленингр. орд. Труд. Красн. Знам. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. – Ленинград, 1990. – 80 с.

147. Розенталь, Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке / Д.Э. Розенталь. – 5-е изд., испр. – Москва : Книга, 1989. – 320 с.

148. Русская грамматика : в 2 т. / редкол. : Н.Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – Москва : Наука, 1980. – Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н.Ю. Шведова [и др.]. – 1980. – 783 с.

149. Седов, К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К.Ф. Седов. – Москва : Лабиринт, 2004. – 320 с.

150. Седов, К.Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности / К.Ф. Седов // Жанры речи : сб. науч. ст. / Ин-т рус. яз. и лит. при филол. фак. Сарат. ун-та им. Н.Г. Чернышевского ; отв. ред. В.Е. Гольдин. – Саратов : Изд-во Гос. учеб.-науч. центра «Колледж», 1999. – С. 13–26.

151. Серио, П. Как читают тексты во Франции. Вступительная статья / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – Москва : Прогресс, 1999. – С. 12–54.

152. Сиротинина, О.Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» / О.Б. Сиротинина // Жанры речи : сб. науч. ст. ; под ред. В.Е. Гольдина. – Саратов, 1999. – Вып. 2. – С. 26–31.

153. Сковородников, А.П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии / А.П. Сковородников // Риторика–Лингвистика : сб. ст. / Смоленск. гос. пед. ун-т ; отв. ред. Э.М. Береговская. – Смоленск, 2004. – Вып. 5. – С. 5–11.

154. Слышкин, Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) / Г.Г. Слышкин // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 38–45.

155. Солганик, Г.Я. Стилистика текста : учеб. пособие / Г.Я. Солганик. – 3-е изд. – Москва : Флинта : Наука, 2001. – 256 с.

156. Спиридовский, О.В. Интертекстуальность президентского дискурса в США, Германии и Австрии / О.В. Спиридовский // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006. – Вып. 20. – С. 161–169.

157. Спиридовский, О.В. Лингвокультурные характеристики американской президентской риторики как вида политического дискурса : автореф. дис. ... канд. фил. наук : 10.02.04 / О.В. Спиридовский ; Воронежский гос. ун-т. – Воронеж, 2006. – 23 с.

158. Степанов, Ю.С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю.С. Степанов ; отв. ред. В.П. Нерознак. – 2-е изд. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 336 с.

159. Степанов, Ю.С. Имена, предикаты, предложения: семиологическая грамматика / Ю.С. Степанов ; под ред. Ю.Н. Караулова. – 5-е изд. – Москва : ЛКИ, 2012. – 360 с.

160. Стернин, И.А. Практическая риторика : учеб. пособие / И.А. Стернин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Академия, 2003. – 272 с.

161. Сусов, И.П. История языкознания: учеб. пособие [Электронный ресурс] / И.П. Сусов. – Тверь, 1999. – Режим доступа: <http://www.lib.ru/TEXT-BOOKS/yazykoznanie.txt>. – Дата доступа: 05.02.2017.

162. Сусов, И.П. Лингвистическая прагматика / И.П. Сусов. – Винница : Нова Книга, 2009. – 272 с.

163. Тарасов, Е.Ф. Речевое воздействие как проблема речевого общения / Е.Ф. Тарасов // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации / отв. ред. Ф.М. Березин, Е.Ф. Тарасов. – Москва : Наука, 1990. – С. 3–14.

164. Тенева, Е.В. Приемы идентификации и самопрезентации в политико-публицистическом дискурсе (на материале британских газетных статей) : авто-

реф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.В. Тенева ; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2011. – 24 с.

165. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер ; под общ. ред. В.Г. Гака. – Москва : Прогресс, 1988. – 656 с.

166. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / отв. ред. А.В. Бондарко. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 352 с.

167. Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость / отв. ред. А.В. Бондарко. – Санкт-Петербург : Наука, 1991. – 370 с.

168. Ухванова-Шмыгова, И.Ф. Введение / И.Ф. Ухванова-Шмыгова // Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск : БГУ, 1998. – Вып. 1. – С. 1–11.

169. Ухванова-Шмыгова, И.Ф. Каузально-генетический подход к исследованию политического дискурса / И. Ф. Ухванова-Шмыгова // Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов ; под ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск : БГУ, 2009. – Вып. 6. Политическое поле Беларуси глазами дискурс-аналитика. – С. 11–29.

170. Федосюк, М.Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи / М.Ю. Федосюк // Жанры речи : сб. науч. статей ; под ред. В.Е. Гольдина. – Саратов, 1997. – Вып. 1. – С. 66–88.

171. Формановская, Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н.И. Формановская. – Москва : Рус. яз., 2002. – 216 с.

172. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2004. – 416 с.

173. Хазагеров, Г.Г. Политическая риторика / Г.Г. Хазагеров. – Москва : Никколо-Медиа, 2002. – 313 с.

174. Химик, В.В. Категория субъективности в современном русском языке (эгоцентрический потенциал субъективных компонентов высказывания): автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / В.В. Химик; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 1991. – 33 с.

175. Храковский, В.С. Семантика и типология императива / В.С. Храковский, А.П. Володин. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. – 270 с.

176. Чернявская, В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия / В.Е. Чернявская. – Москва : Флинта : Наука, 2006. – 133 с.

177. Чинчлей, К.Г. Поле посессивности и посессивные ситуации / К.Г. Чинчлей // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / отв. ред. А.В. Бондарко. – Санкт-Петербург : Наука, 1996. – С. 100–137.

178. Чудинов, А.П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А.П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2 (40). – С. 53–59.

179. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика / А.П. Чудинов. – 3-е изд. – Москва : Флинта : Наука, 2008. – 254 с.
180. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – 3-е изд. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 620 с.
181. Шведова, Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н.Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 1998. – 176 с.
182. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – Москва : Гнозис, 2004. – 326 с.
183. Шелестюк, Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Е.В. Шелестюк ; Челябин. гос. ун-т. – Челябинск, 2009. – 42 с.
184. Шерковин, Ю.А. Психологические проблемы массовых информационных процессов / Ю.А. Шерковин. – Москва : Мысль, 1973. – 213 с.
185. Шерковин, Ю.А. Убеждение, внушение и пропаганда / Ю.А. Шерковин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 1969. – № 5. – С. 28–42.
186. Шмелев, Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях (к постановке проблемы) / Д.Н. Шмелев. – Москва : Наука, 1977. – 168 с.
187. Шмелева, Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелева // Жанры речи : сб. науч. ст. ; под ред. В.Е. Гольдина. – Саратов, 1997. – Вып. 1. – С. 88–98.
188. Юдина, Т.В. Дискурсивное пространство политической речи [Электронный ресурс] / Т.В. Юдина. – Санкт-Петербург, 2004. – Режим доступа: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/yy/yudina.shtml. – Дата доступа: 20.01.2011.
189. Якобсон, Р.О. Шиферы, глагольные категории и русский глагол / Р.О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя / отв. ред. Б.А. Успенский. – Москва : Наука, 1972. – С. 95–113.
190. Ярмаркина, Г.М. Жанр просьбы в неофициальном общении: риторический аспект / Г.М. Ярмаркина // Жанры речи : сб. науч. ст. ; под ред. В.Е. Гольдина. – Саратов, 2002. – Вып. 3. – С. 262–268.
191. Anderson, L.B. Tense-Aspect: Between Semantics and Pragmatics / L.B. Anderson. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 1982. – 284 p.
192. Bachem, R. Einführung in die Analyse politischer Texte / R. Bachem. – München : Oldenbourg, 1979. – 186 S.
193. Bergsdorf, W. Politik und Sprache / W. Bergsdorf. – München, Wien : Olzog, 1978. – 186 S.
194. Bickerton, D. Roots of Language / D. Bickerton. – Ann Arbor : Karoma Publishers Inc., 1981. – 351 p.
195. Bloomfield, L. Language / L. Bloomfield. – Delhi : Motilal Banarsidass Publ., 1995. – 566 p.
196. Brown, G. Discourse Analysis / G. Brown, G. Yule. – Cambridge : Cambridge University Press, 1983. – 288 p.

197. Brown, P. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1987. – 345 p.

198. Caldas-Coulthard, C.R. Cross-Cultural Representation of 'Otherness' in Media Discourse / C.R. Caldas-Coulthard // Critical Discourse Analysis : Theory and Interdisciplinarity / G. Weiss, R. Wodak (eds.). – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2003. – P. 272–296.

199. Campbell, K.K. Deeds Done in Words: Presidential Rhetoric and the Genres of Governance / K.K. Campbell, K.H. Jamieson. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1990. – 286 p.

200. Campbell, K.K. Presidents Creating the Presidency: Deeds Done in Words / K.K. Campbell, K.H. Jamieson. – Chicago and London : Univ. of Chicago Press, 2008. – 443 p.

201. Collins COBUILD English Grammar / ed. J.M. Sinclair. – London and Glasgow : William Collins Sons & Co Ltd, 1990. – 486 p.

202. Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk [and others]. – London and New York : Longman, 1985. – 1779 p.

203. Constitution of the United States [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access: <http://www.usconstitution.net/const.html>. – Date of access: 17.02.2012.

204. Contemporary Linguistics : an Introduction / ed. by W. O'Grady. – 6th ed. – Boston ; New York : Bedford, 2010. – 694 p.

205. Coulthard, M. An Introduction to Discourse Analysis / M. Coulthard. – London : Longmans, 1977. – 195 p.

206. Dahl, O. Tense and Aspect Systems / O. Dahl. – Oxford : Basil Blackwell, 1985. – 213 p.

207. Depraetere, I. Mood and Modality in English / I. Depraetere, S. Reed // The Handbook of English Linguistics / ed. B. Aarts, A. McMahon. – Malden : Blackwell Publishing Ltd., 2006. – P. 269–290.

208. Dieckmann, W. Politische Sprache, Politische Kommunikation: Vorträge, Aufsätze, Entwürfe / W. Dieckmann. – Heidelberg : Winter, 1981. – 279 p.

209. Dijk, T.A. van. Discourse, Context and Cognition / T.A. van Dijk // Discourse Studies. – 2006. – Vol. 8 (1). – P. 159–177.

210. El-daly, H.M. On the Philosophy of Language: Searching for Common Grounds for Pragmatics and Discourse Analysis / H.M. El-daly // Intern. J. of Academic Research. – 2010. – Vol. 2, № 6. – Pt. 1. – P. 244–262.

211. Ervin-Tripp, S. An Analysis of the Interaction of Language, Topic, and Listener / S. Ervin-Tripp // American Anthropologist. – 1964. – Vol. 66, Is. 6, P. 2. – P. 86–102.

212. Fairclough, N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research / N. Fairclough. – London : Routledge, 2003. – 270 p.

213. Fairclough, N. Genres in Political Discourse / N. Fairclough // Encyclopedia of Language and Linguistics / ed. K. Brown. – Oxford : Elsevier, 2006. – P. 32–38.

214. Fairclough, N. Rhetoric and Critical Discourse Analysis: A Reply to Titus Ensink and Christoph Sauer / N. Fairclough // *Current issues in language and society*. – 1996. – Vol. 3, № 3. – P. 286–289.

215. Fairclough, N. *Language and Power* / N. Fairclough. – New York : Longman, 1989. – 259 p.

216. Fairclough, N. *New Labour, New Language?* / N. Fairclough. – London and New York : Routledge, 2000. – 178 p.

217. Fussell, S.R. *Social and Cognitive Approaches to Interpersonal Communication* / S.R. Fussell, R.J. Kreuz. – Mahwah : Lawrence Erlbaum Associates, 1998. – 312 p.

218. Gentner, D. Evidence for the Psychological Reality of Semantic Components: the Verbs of Possession / D. Gentner // *Explorations in Cognition* / ed. D.A. Norman, D.E. Rumelhart. – San Francisco : Freeman, 1975. – P. 211–246.

219. Georgakopoulou, A. *Discourse Analysis: an Introduction* / A. Georgakopoulou, D. Goutsos. – 2nd ed. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2004. – 215 p.

220. Halloran, M. *Doing Public Business in Public* / M. Halloran // *Form and Genre: Shaping Rhetorical Action* / ed. K.K. Campbell, K.H. Jamieson. – Falls Church, VA : Speech Communication Association, 1978. – P. 118–138.

221. Harrell, J. On Rhetorical Genre: an Organizing Perspective / J. Harrell, W.A. Linkugel // *Philosophy and Rhetoric*. – 1978. – № 11. – P. 262–281.

222. Heine, B. *Cognitive Foundations of Grammar* / B. Heine. – New York, Oxford : Oxford Univ. Press, 1997. – 185 p.

223. Hogan, K. *The Psychology of Persuasion* / K. Hogan. – Benin City : Joint Heirs Publ., 1996. – 316 p.

224. Holly, W. *Credibility and Political Language* / W. Holly // *Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse* / ed. R. Wodak. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1989. – Vol. 7. – P. 115–135.

225. Isačenko, A.V. *Die Russische Sprache der Gegenwart* / A.V. Isačenko. – Halle : Max Niemeyer Verlag, 1968. – Teil I. Formenlehre. – 706 S.

226. Jakobson, R. *Selected Writings* : in 6 vol. / R. Jakobson. – The Hague, Paris, Mouton, 1971–1985. – Vol. 2 : *Word and Language*. – 1971. – 752 p.

227. Jespersen, O. *A Modern English Grammar on Historical Principles* : in 7 vol. / O. Jespersen. – Heidelberg : Carl Winter, London : George Allen and Unwin Ltd., Copenhagen : Ejnar Munksgaard, 1909–1949. – Vol. VII : *Syntax*. – 1958. – 570 p.

228. Jespersen, O. *The Philosophy of Grammar* / O. Jespersen. – London : George Allen and Unwin Ltd., 1958. – 360 p.

229. Kolakowski, M. *The President's State of the Union Message: Frequently Asked Questions* : CRS report for Congress [Electronic resource] / M. Kolakowski, T.H. Neale. – 2006. – Mode of access: <http://www.senate.gov/artandhistory/history/resources/pdf/stateoftheunion.pdf>. – Date of access: 17.12.2010.

230. Kühnlein, P. Rhetorical Structure: an Introduction / P. Kühnlein // Constraints in Discourse 2 / P. Kühnlein, A. Benz, C.L. Sidner (eds.). – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2010. – P. 1–14.
231. Langacker, R.W. Grammar and Conceptualization / R.W. Langacker. – Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 2000. – 429 p.
232. Lauerbach, G.E. Political Discourse in the Media: Cross-Cultural Perspectives / G.E. Lauerbach, A. Fetzer // Political Discourse in the Media: Cross-Cultural Perspectives / ed. A. Fetzer, G.E. Lauerbach. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company. – 2007. – P. 3–28.
233. Leech, G. English Grammar for Today / G. Leech, M. Deuchar, R. Hoogenraad. – London : Macmillan Press Ltd., 2005. – 224 p.
234. Levinson, S.C. Activity Types and Language / S.C. Levinson // Linguistics. – 1979. – № 17. – P. 365–399.
235. Longman Dictionary of Applied Linguistics / J. Richards, J. Platt, H. Weber. – London : Longman, 1985. – Pp. 140–147.
236. Longman English Dictionary of Contemporary English. – 3rd ed. – London : Addison-Wesley Longman, 1995. – 1668 p.
237. Luckmann, T. Grundformen der gesellschaftlichen Vermittlung des Wissens: Kommunikative Gattungen / T. Luckmann // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. – 1986. – Sonderheft 27. – S. 191–211.
238. Lyons, J. Introduction to Theoretical Linguistics / J. Lyons. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1968. – 523 p.
239. Lyons, J. Semantics / J. Lyons. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1977. – Vol. 2. – 526 p.
240. Matthews, P.H. The Concise Oxford Dictionary of Linguistics / P.H. Matthews. – 2nd ed. – USA : Oxford Univ. Press, 2007. – 464 p.
241. Meadow, R.G. Politics as Communication / R.G. Meadow. – Norwood : Ablex Publishing Corporation, 1980. – 269 p.
242. Medhurst, M.J. The Rhetorical Presidency of George H.W. Bush / M.J. Medhurst. – College Station : Texas A&M Univ. Press, 2006. – 207 p.
243. Michaelis, L.A. Tense in English / L.A. Michaelis // The Handbook of English Linguistics / ed. B. Aarts, A. McMahon. – Malden : Blackwell Publishing Ltd., 2006. – P. 220–243.
244. Miller, C.R. Genre as Social Action / C.R. Miller // Quarterly Journal of Speech. – 1984. – № 70. – P. 151–167.
245. Montgomery, M. The Discourse of Broadcast News: a Linguistic Approach / M. Montgomery. – London : Routledge, 2007. – 246 p.
246. Palmer, F.R. The English Verb / F.R. Palmer. – 2nd ed. – London and New York : Longman, 1988. – 268 p.
247. Pavey, E.L. The Structure of Language: an Introduction to Grammatical Analysis / E.L. Pavey. – New York : Cambridge Univ. Press, 2010. – 402 p.

248. Peters, G. State of the Union Messages: Research Notes [Electronic resource] / G. Peters. – Santa Barbara, 1999. – Mode of access: <http://www.presidency.ucsb.edu/sou.php>. – Date of access: 17.10.2011.
249. Quirk, R. A University Grammar of English / R. Quirk, S. Greenbaum. – London : Longman Group Ltd, 1980. – 484 p.
250. Ricento, T. The Discursive Construction of Americanism / T. Ricento // *Discourse & Society*. – 2003. – Vol. 14, № 5. – P. 611–637.
251. Rundell, M. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners / M. Rundell. – Palgrave Macmillan, 2006. – 1692 p.
252. Sauer, C. Echoes from Abroad Speeches for the Domestic Audience, Queen Beatrix' Address to the Israeli Parliament / C. Sauer // *Current issues in language and society*. – 1996. – Vol. 3, № 3. – P. 233–267.
253. Schäffner, C. Editorial: Political Speeches and Discourse Analysis / C. Schäffner // *Current Issues in Language and Society*. – 1996. – Vol. 3, № 3. – P. 201–204.
254. Schiffrin, D. Approaches to Discourse / D. Schiffrin. – Cambridge ; Massachusetts : Blackwell Publishers. – 1994. – 470 p.
255. Schlenker, B.R. Self-Consciousness and Self-Presentation : Being Autonomous Versus Appearing Autonomous / B.R. Schlenker, M.F. Weigold // *J. of Personality and Social Psychology*. – 1990. – Vol. 59, № 4. – P. 820–828.
256. Seiler, H. Possession as an Operational Dimension of Language / H. Seiler // *Arbeiten des Kölner Universalien-Projekts: AKUP*. – 1981. – № 42. – 156 p.
257. Sinclair, J. Priorities in Discourse Analysis / J. Sinclair // *Advances in Spoken Discourse Analysis* / M. Coulthard (ed.). – London ; New York : Routledge, 1992. – P. 79–89.
258. Sinclair, J. Towards an Analysis of Discourse / J. Sinclair, M. Coulthard // *Advances in Spoken Discourse Analysis* / M. Coulthard (ed.). – London ; New York : Routledge, 1992. – P. 1–34.
259. State of the Union Addresses of the Presidents of the United States [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.presidency.ucsb.edu/sou.php>. – Date of access: 12.10.2011.
260. State Opening of Parliament [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.parliament.uk/about/how/occasions/stateopening/>. – Date of access : 17.12.2010.
261. Stubbs, M. Discourse analysis: the Sociolinguistic Analysis of Natural Language / M. Stubbs. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1983. – 272 p.
262. Thornbury, S. Beyond the Sentence : Introducing Discourse Analysis / S. Thornbury. – Oxford : Macmillan, 2005. – 196 p.
263. Trappes-Lomax, H. Discourse Analysis / H. Trappes-Lomax // *The Handbook of Applied Linguistics* / ed. A. Davies, C. Elder. – Oxford : Blackwell Publishers, 2004. – P. 133–164.
264. Tulis, J.K. The Rhetorical Presidency / J.K. Tulis. – New Jersey : Princeton Univ. Press, 1988. – 224 p.

265. Weiss, G. Introduction : Theory, Interdisciplinarity and Critical Discourse Analysis / G. Weiss, R. Wodak // Critical Discourse Analysis : Theory and Interdisciplinarity / G. Weiss, R. Wodak (eds.). – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2003. – P. 1–32.

266. Wierzbicka, A. Cross-Cultural Pragmatics: the Semantics of Human Interaction / A. Wierzbicka. – 2nd ed. – Berlin : Walter de Gruyter, 2003. – 502 p.

267. Wodak, R. Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis / R. Wodak // Discursive Pragmatics / ed. J. Zienkowski, J.-O. Östman, J. Verschueren. – Harvard : John Benjamins Publishing Company, 2011. – P. 50–70.

268. Wodak, R. The Discursive Construction of National Identity / R. Wodak [and others]. – Edinburgh : Edinburgh Univ. Press, 1999. – 224 p.

269. Yule, G. Pragmatics / G. Yule. – London : Oxford Univ. Press, 1996. – 138 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Barack Obama

**Address Before a Joint Session of the Congress on the State of the Union
January 25, 2011**

Mr. Speaker, Mr. Vice President, Members of Congress, distinguished guests, and fellow Americans: Tonight I want to begin by congratulating the men and women of the 112th Congress, as well as your new Speaker, John Boehner. And as we mark this occasion, we're also mindful of the empty chair in this Chamber, and we pray for the health of our colleague and our friend Gabby Giffords.

It's no secret that those of us here tonight have had our differences over the last 2 years. The debates have been contentious; we have fought fiercely for our beliefs. And that's a good thing. That's what a robust democracy demands. That's what helps set us apart as a nation.

But there's a reason the tragedy in Tucson gave us pause. Amid all the noise and passion and rancor of our public debate, Tucson reminded us that no matter who we are or where we come from, each of us is a part of something greater, something more consequential than party or political preference.

We are part of the American family. We believe that in a country where every race and faith and point of view can be found, we are still bound together as one people, that we share common hopes and a common creed, that the dreams of a little girl in Tucson are not so different than those of our own children, that they all deserve the chance to be fulfilled. That too is what sets us apart as a nation.

Now, by itself, this simple recognition won't usher in a new era of cooperation. What comes of this moment is up to us. What comes of this moment will be determined not by whether we can sit together tonight, but whether we can work together tomorrow.

I believe we can, and I believe we must. That's what the people who sent us here expect of us. With their votes, they've determined that governing will now be a shared responsibility between parties. New laws will only pass with support from Democrats and Republicans. We will move forward together or not at all, for the challenges we face are bigger than party and bigger than politics.

At stake right now is not who wins the next election. After all, we just had an election. At stake is whether new jobs and industries take root in this country or somewhere else. It's whether the hard work and industry of our people is rewarded. It's whether we sustain the leadership that has made America not just a place on a map, but the light to the world.

We are poised for progress. Two years after the worst recession most of us have ever known, the stock market has come roaring back, corporate profits are up, the economy is growing again.

But we have never measured progress by these yardsticks alone. We measure progress by the success of our people, by the jobs they can find and the quality of life those jobs offer, by the prospects of a small-business owner who dreams of turning a good idea into a thriving enterprise, by the opportunities for a better life that we pass on to our children.

That's the project the American people want us to work on—together.

Now, we did that in December. Thanks to the tax cuts we passed, Americans' paychecks are a little bigger today. Every business can write off the full cost of new investments that they make this year. And these steps, taken by Democrats and Republicans, will grow the economy and add to the more than 1 million private sector jobs created last year.

But we have to do more. These steps we've taken over the last 2 years may have broken the back of this recession, but to win the future, we'll need to take on challenges that have been decades in the making.

Many people watching tonight can probably remember a time when finding a good job meant showing up at a nearby factory or a business downtown. You didn't always need a degree, and your competition was pretty much limited to your neighbors. If you worked hard, chances are you'd have a job for life, with a decent paycheck and good benefits and the occasional promotion. Maybe you'd even have the pride of seeing your kids work at the same company.

That world has changed. And for many, the change has been painful. I've seen it in the shuttered windows of once booming factories and the vacant storefronts on once busy Main Streets. I've heard it in the frustrations of Americans who've seen their paychecks dwindle or their jobs disappear, proud men and women who feel like the rules have been changed in the middle of the game.

They're right. The rules have changed. In a single generation, revolutions in technology have transformed the way we live, work, and do business. Steel mills that once needed 1,000 workers can now do the same work with

100. Today, just about any company can set up shop, hire workers, and sell their products wherever there's an Internet connection.

Meanwhile, nations like China and India realized that with some changes of their own, they could compete in this new world. And so they started educating their children earlier and longer, with greater emphasis on math and science. They're investing in research and new technologies. Just recently, China became the home to the world's largest private solar research facility and the world's fastest computer.

So yes, the world is changed. The competition for jobs is real. But this shouldn't discourage us. It should challenge us. Remember, for all the hits we've taken these last few years, for all the naysayers predicting our decline, America still has the largest, most prosperous economy in the world. No workers are more productive than ours. No country has more successful companies or grants more patents to inventors and entrepreneurs. We're the home to the world's best colleges and universities, where more students come to study than any place on Earth.

What's more, we are the first nation to be founded for the sake of an idea: the idea that each of us deserves the chance to shape our own destiny. That's why centuries of pioneers and immigrants have risked everything to come here. It's why our students don't just memorize equations, but answer questions like "What do you think of that idea? What would you change about the world? What do you want to be when you grow up?"

The future is ours to win. But to get there, we can't just stand still. As Robert Kennedy told us, "The future is not a gift. It is an achievement." Sustaining the American Dream has never been about standing pat. It has required each generation to sacrifice and struggle and meet the demands of a new age.

And now it's our turn. We know what it takes to compete for the jobs and industries of our time. We need to out-innovate, out-educate, and out-build the rest of the world. We have to make America the best place on Earth to do business. We need to take responsibility for our deficit and reform our Government. That's how our people will prosper. That's how we'll win the future. And tonight, I'd like to talk about how we get there.

The first step in winning the future is encouraging American innovation. None of us can predict with certainty what the next big industry will be or where the new jobs will come from. Thirty years ago, we couldn't know that something called the Internet would lead to an economic revolution. What we can do—what America does better than anyone else—is spark the creativity

and imagination of our people. We're the nation that put cars in driveways and computers in offices; the nation of Edison and the Wright brothers, of Google and Facebook. In America, innovation doesn't just change our lives. It is how we make our living.

Our free enterprise system is what drives innovation. But because it's not always profitable for companies to invest in basic research, throughout our history, our Government has provided cutting-edge scientists and inventors with the support that they need. That's what planted the seeds for the Internet. That's what helped make possible things like computer chips and GPS. Just think of all the good jobs—from manufacturing to retail—that have come from these breakthroughs.

Half a century ago, when the Soviets beat us into space with the launch of a satellite called Sputnik, we had no idea how we would beat them to the Moon. The science wasn't even there yet. NASA didn't exist. But after investing in better research and education, we didn't just surpass the Soviets; we unleashed a wave of innovation that created new industries and millions of new jobs.

This is our generation's Sputnik moment. Two years ago, I said that we needed to reach a level of research and development we haven't seen since the height of the space race. And in a few weeks, I will be sending a budget to Congress that helps us meet that goal. We'll invest in biomedical research, information technology, and especially clean energy technology, an investment that will strengthen our security, protect our planet, and create countless new jobs for our people.

Already, we're seeing the promise of renewable energy. Robert and Gary Allen are brothers who run a small Michigan roofing company. After September 11th, they volunteered their best roofers to help repair the Pentagon. But half of their factory went unused, and the recession hit them hard. Today, with the help of a Government loan, that empty space is being used to manufacture solar shingles that are being sold all across the country. In Robert's words, "We reinvented ourselves."

That's what Americans have done for over 200 years: reinvented ourselves. And to spur on more success stories like the Allen Brothers, we've begun to reinvent our energy policy. We're not just handing out money. We're issuing a challenge. We're telling America's scientists and engineers that if they assemble teams of the best minds in their fields and focus on the hardest problems in clean energy, we'll fund the Apollo projects of our time.

At the California Institute of Technology, they're developing a way to turn sunlight and water into fuel for our cars. At Oak Ridge National

Laboratory, they're using supercomputers to get a lot more power out of our nuclear facilities. With more research and incentives, we can break our dependence on oil with biofuels and become the first country to have a million electric vehicles on the road by 2015.

We need to get behind this innovation. And to help pay for it, I'm asking Congress to eliminate the billions in taxpayer dollars we currently give to oil companies. I don't know if you've noticed, but they're doing just fine on their own. So instead of subsidizing yesterday's energy, let's invest in tomorrow's.

Now, clean energy breakthroughs will only translate into clean energy jobs if businesses know there will be a market for what they're selling. So tonight I challenge you to join me in setting a new goal: By 2035, 80 percent of America's electricity will come from clean energy sources.

Some folks want wind and solar. Others want nuclear, clean coal, and natural gas. To meet this goal, we will need them all, and I urge Democrats and Republicans to work together to make it happen.

Maintaining our leadership in research and technology is crucial to America's success. But if we want to win the future, if we want innovation to produce jobs in America and not overseas, then we also have to win the race to educate our kids.

Think about it. Over the next 10 years, nearly half of all new jobs will require education that goes beyond a high school education. And yet as many as a quarter of our students aren't even finishing high school. The quality of our math and science education lags behind many other nations. America has fallen to ninth in the proportion of young people with a college degree. And so the question is whether all of us, as citizens and as parents, are willing to do what's necessary to give every child a chance to succeed.

That responsibility begins not in our classrooms, but in our homes and communities. It's family that first instills the love of learning in a child. Only parents can make sure the TV is turned off and homework gets done. We need to teach our kids that it's not just the winner of the Super Bowl who deserves to be celebrated, but the winner of the science fair. We need to teach them that success is not a function of fame or PR, but of hard work and discipline.

Our schools share this responsibility. When a child walks into a classroom, it should be a place of high expectations and high performance. But too many schools don't meet this test. That's why instead of just pouring money into a system that's not working, we launched a competition called Race to the Top. To all 50 States, we said, "If you show us the most innovative

plans to improve teacher quality and student achievement, we'll show you the money."

Race to the Top is the most meaningful reform of our public schools in a generation. For less than 1 percent of what we spend on education each year, it has led over 40 States to raise their standards for teaching and learning. And these standards were developed, by the way, not by Washington, but by Republican and Democratic Governors throughout the country. And Race to the Top should be the approach we follow this year as we replace No Child Left Behind with a law that's more flexible and focused on what's best for our kids.

You see, we know what's possible from our children when reform isn't just a top-down mandate, but the work of local teachers and principals, school boards and communities. Take a school like Bruce Randolph in Denver. Three years ago, it was rated one of the worst schools in Colorado, located on turf between two rival gangs. But last May, 97 percent of the seniors received their diploma. Most will be the first in their families to go to college. And after the first year of the school's transformation, the principal who made it possible wiped away tears when a student said, "Thank you, Ms. Waters, for showing that we are smart and we can make it." That's what good schools can do, and we want good schools all across the country.

Let's also remember that after parents, the biggest impact on a child's success comes from the man or woman at the front of the classroom. In South Korea, teachers are known as "nation builders." Here in America, it's time we treated the people who educate our children with the same level of respect. We want to reward good teachers and stop making excuses for bad ones. And over the next 10 years, with so many baby boomers retiring from our classrooms, we want to prepare 100,000 new teachers in the fields of science and technology and engineering and math.

In fact, to every young person listening tonight who's contemplating their career choice: If you want to make a difference in the life of our Nation, if you want to make a difference in the life of a child, become a teacher. Your country needs you.

Of course, the education race doesn't end with a high school diploma. To compete, higher education must be within the reach of every American. That's why we've ended the unwarranted taxpayer subsidies that went to banks and used the savings to make college affordable for millions of students. And this year, I ask Congress to go further and make permanent our tuition tax credit, worth \$10,000 for 4 years of college. It's the right thing to do.

Because people need to be able to train for new jobs and careers in today's fast-changing economy, we're also revitalizing America's community colleges. Last month, I saw the promise of these schools at Forsyth Tech in North Carolina. Many of the students there used to work in the surrounding factories that have since left town. One mother of two, a woman named Kathy Proctor, had worked in the furniture industry since she was 18 years old. And she told me she's earning her degree in biotechnology now, at 55 years old, not just because the furniture jobs are gone, but because she wants to inspire her children to pursue their dreams too. As Kathy said, "I hope it tells them to never give up."

If we take these steps, if we raise expectations for every child and give them the best possible chance at an education, from the day they are born until the last job they take, we will reach the goal that I set 2 years ago: By the end of the decade, America will once again have the highest proportion of college graduates in the world.

One last point about education: Today, there are hundreds of thousands of students excelling in our schools who are not American citizens. Some are the children of undocumented workers, who had nothing to do with the actions of their parents. They grew up as Americans and pledge allegiance to our flag, and yet they live every day with the threat of deportation. Others come here from abroad to study in our colleges and universities. But as soon as they obtain advanced degrees, we send them back home to compete against us. It makes no sense.

Now, I strongly believe that we should take on, once and for all, the issue of illegal immigration. And I am prepared to work with Republicans and Democrats to protect our borders, enforce our laws, and address the millions of undocumented workers who are now living in the shadows. I know that debate will be difficult. I know it will take time. But tonight, let's agree to make that effort. And let's stop expelling talented, responsible young people who could be staffing our research labs or starting a new business, who could be further enriching this Nation.

The third step in winning the future is rebuilding America. To attract new businesses to our shores, we need the fastest, most reliable ways to move people, goods, and information, from high-speed rail to high-speed Internet.

Our infrastructure used to be the best, but our lead has slipped. South Korean homes now have greater Internet access than we do. Countries in Europe and Russia invest more in their roads and railways than we do. China is building faster trains and newer airports. Meanwhile, when our own engineers graded our Nation's infrastructure, they gave us a "D."

We have to do better. America is the nation that built the transcontinental railroad, brought electricity to rural communities, constructed the Interstate Highway System. The jobs created by these projects didn't just come from laying down track or pavement. They came from businesses that opened near a town's new train station or the new off-ramp.

So over the last 2 years, we've begun rebuilding for the 21st century, a project that has meant thousands of good jobs for the hard-hit construction industry. And tonight I'm proposing that we redouble those efforts.

We'll put more Americans to work repairing crumbling roads and bridges. We'll make sure this is fully paid for, attract private investment, and pick projects based on what's best for the economy, not politicians.

Within 25 years, our goal is to give 80 percent of Americans access to high-speed rail. This could allow you to go places in half the time it takes to travel by car. For some trips, it will be faster than flying, without the pat-down. As we speak, routes in California and the Midwest are already underway.

Within the next 5 years, we'll make it possible for businesses to deploy the next generation of high-speed wireless coverage to 98 percent of all Americans. This isn't just about—this isn't about faster Internet or fewer dropped calls. It's about connecting every part of America to the digital age. It's about a rural community in Iowa or Alabama where farmers and small-business owners will be able to sell their products all over the world. It's about a firefighter who can download the design of a burning building onto a handheld device, a student who can take classes with a digital textbook, or a patient who can have face-to-face video chats with her doctor.

All these investments, in innovation, education, and infrastructure, will make America a better place to do business and create jobs. But to help our companies compete, we also have to knock down barriers that stand in the way of their success.

For example, over the years, a parade of lobbyists has rigged the Tax Code to benefit particular companies and industries. Those with accountants or lawyers to work the system can end up paying no taxes at all. But all the rest are hit with one of the highest corporate tax rates in the world. It makes no sense, and it has to change.

So tonight I'm asking Democrats and Republicans to simplify the system, get rid of the loopholes, level the playing field, and use the savings to lower the corporate tax rate for the first time in 25 years without adding to our deficit. It can be done.

To help businesses sell more products abroad, we set a goal of doubling our exports by 2014. Because the more we export, the more jobs we create here at home. Already, our exports are up. Recently, we signed agreements with India and China that will support more than 250,000 jobs here in the United States. And last month, we finalized a trade agreement with South Korea that will support at least 70,000 American jobs. This agreement has unprecedented support from business and labor, Democrats and Republicans, and I ask this Congress to pass it as soon as possible.

Now, before I took office, I made it clear that we would enforce our trade agreements, and that I would only sign deals that keep faith with American workers and promote American jobs. That's what we did with Korea, and that's what I intend to do as we pursue agreements with Panama and Colombia and continue our Asia Pacific and global trade talks.

To reduce barriers to growth and investment, I've ordered a review of Government regulations. When we find rules that put an unnecessary burden on businesses, we will fix them. But I will not hesitate to create or enforce commonsense safeguards to protect the American people. That's what we've done in this country for more than a century. It's why our food is safe to eat, our water is safe to drink, and our air is safe to breathe. It's why we have speed limits and child labor laws. It's why last year, we put in place consumer protections against hidden fees and penalties by credit card companies and new rules to prevent another financial crisis. And it's why we passed reform that finally prevents the health insurance industry from exploiting patients.

Now, I have heard rumors that a few of you still have concerns about our new health care law. So let me be the first to say that anything can be improved. If you have ideas about how to improve this law by making care better or more affordable, I am eager to work with you. We can start right now by correcting a flaw in the legislation that has placed an unnecessary bookkeeping burden on small businesses.

What I'm not willing to do—what I'm not willing to do is go back to the days when insurance companies could deny someone coverage because of a preexisting condition.

I'm not willing to tell James Howard, a brain cancer patient from Texas, that his treatment might not be covered. I'm not willing to tell Jim Houser, a small-business man from Oregon, that he has to go back to paying \$5,000 more to cover his employees. As we speak, this law is making prescription drugs cheaper for seniors and giving uninsured students a chance to stay on their patients'—parents' coverage.

So I say to this chamber tonight: Instead of refighting the battles of the last 2 years, let's fix what needs fixing, and let's move forward.

Now, the final critical step in winning the future is to make sure we aren't buried under a mountain of debt.

We are living with a legacy of deficit spending that began almost a decade ago. And in the wake of the financial crisis, some of that was necessary to keep credit flowing, save jobs, and put money in people's pockets.

But now that the worst of the recession is over, we have to confront the fact that our Government spends more than it takes in. That is not sustainable. Every day, families sacrifice to live within their means. They deserve a Government that does the same.

So tonight I am proposing that starting this year, we freeze annual domestic spending for the next 5 years. Now, this would reduce the deficit by more than \$400 billion over the next decade and will bring discretionary spending to the lowest share of our economy since Dwight Eisenhower was President.

This freeze will require painful cuts. Already, we've frozen the salaries of hard-working Federal employees for the next 2 years. I've proposed cuts to things I care deeply about, like community action programs. The Secretary of Defense has also agreed to cut tens of billions of dollars in spending that he and his generals believe our military can do without.

Now, I recognize that some in this Chamber have already proposed deeper cuts, and I'm willing to eliminate whatever we can honestly afford to do without. But let's make sure that we're not doing it on the backs of our most vulnerable citizens. And let's make sure that what we're cutting is really excess weight. Cutting the deficit by gutting our investments in innovation and education is like lightening an overloaded airplane by removing its engine. It may make you feel like you're flying high at first, but it won't take long before you feel the impact.

Now, most of the cuts and savings I've proposed only address annual domestic spending, which represents a little more than 12 percent of our budget. To make further progress, we have to stop pretending that cutting this kind of spending alone will be enough. It won't.

The bipartisan fiscal commission I created last year made this crystal clear. I don't agree with all their proposals, but they made important progress. And their conclusion is that the only way to tackle our deficit is to cut excessive spending wherever we find it, in domestic spending, defense spending, health care spending, and spending through tax breaks and loopholes.

This means further reducing health care costs, including programs like Medicare and Medicaid, which are the single biggest contributor to our long-term deficit. The health insurance law we passed last year will slow these rising costs, which is part of the reason that nonpartisan economists have said that repealing the health care law would add a quarter of a trillion dollars to our deficit. Still, I'm willing to look at other ideas to bring down costs, including one that Republicans suggested last year: medical malpractice reform to rein in frivolous lawsuits.

To put us on solid ground, we should also find a bipartisan solution to strengthen Social Security for future generations. We must do it without putting at risk current retirees, the most vulnerable, or people with disabilities, without slashing benefits for future generations, and without subjecting Americans' guaranteed retirement income to the whims of the stock market.

And if we truly care about our deficit, we simply can't afford a permanent extension of the tax cuts for the wealthiest 2 percent of Americans. Before we take money away from our schools or scholarships away from our students, we should ask millionaires to give up their tax break. It's not a matter of punishing their success, it's about promoting America's success.

In fact, the best thing we could do on taxes for all Americans is to simplify the individual Tax Code. This will be a tough job, but members of both parties have expressed an interest in doing this, and I am prepared to join them.

So now is the time to act. Now is the time for both sides and both Houses of Congress, Democrats and Republicans, to forge a principled compromise that gets the job done. If we make the hard choices now to rein in our deficits, we can make the investments we need to win the future.

Let me take this one step further. We shouldn't just give our people a Government that's more affordable, we should give them a Government that's more competent and more efficient. We can't win the future with a Government of the past.

We live and do business in the information age, but the last major reorganization of the Government happened in the age of black-and-white TV. There are 12 different agencies that deal with exports. There are at least five different agencies that deal with housing policy. Then there's my favorite example: The Interior Department is in charge of salmon while they're in fresh water, but the Commerce Department handles them when they're in saltwater. I hear it gets even more complicated once they're smoked.

Now, we've made great strides over the last 2 years in using technology

and getting rid of waste. Veterans can now download their electronic medical records with a click of the mouse. We're selling acres of Federal office space that hasn't been used in years, and we'll cut through redtape to get rid of more. But we need to think bigger. In the coming months, my administration will develop a proposal to merge, consolidate, and reorganize the Federal Government in a way that best serves the goal of a more competitive America. I will submit that proposal to Congress for a vote, and we will push to get it passed.

In the coming year, we'll also work to rebuild people's faith in the institution of Government. Because you deserve to know exactly how and where your tax dollars are being spent, you'll be able to go to a web site and get that information for the very first time in history. Because you deserve to know when your elected officials are meeting with lobbyists, I ask Congress to do what the White House has already done: put that information online. And because the American people deserve to know that special interests aren't larding up legislation with pet projects, both parties in Congress should know this: If a bill comes to my desk with earmarks inside, I will veto it. I will veto it.

The 21st-century Government that's open and competent, a government that lives within its means, an economy that's driven by new skills and new ideas—our success in this new and changing world will require reform, responsibility, and innovation. It will also require us to approach that world with a new level of engagement in our foreign affairs.

Just as jobs and businesses can now race across borders, so can new threats and new challenges. No single wall separates East and West. No one rival superpower is aligned against us.

And so we must defeat determined enemies, wherever they are, and build coalitions that cut across lines of region and race and religion. And America's moral example must always shine for all who yearn for freedom and justice and dignity. And because we've begun this work, tonight we can say that American leadership has been renewed and America's standing has been restored.

Look to Iraq, where nearly 100,000 of our brave men and women have left with their heads held high. American combat patrols have ended, violence is down, and a new Government has been formed. This year, our civilians will forge a lasting partnership with the Iraqi people, while we finish the job of bringing our troops out of Iraq. America's commitment has been kept. The Iraq war is coming to an end.

Of course, as we speak, Al Qaida and their affiliates continue to plan attacks against us. Thanks to our intelligence and law enforcement professionals, we're disrupting plots and securing our cities and skies. And as extremists try to inspire acts of violence within our borders, we are responding with the strength of our communities, with respect for the rule of law, and with the conviction that American Muslims are a part of our American family.

We've also taken the fight to Al Qaida and their allies abroad. In Afghanistan, our troops have taken Taliban strongholds and trained Afghan security forces. Our purpose is clear: By preventing the Taliban from reestablishing a stranglehold over the Afghan people, we will deny Al Qaida the safe haven that served as a launching pad for 9/11.

Thanks to our heroic troops and civilians, fewer Afghans are under the control of the insurgency. There will be tough fighting ahead, and the Afghan Government will need to deliver better governance. But we are strengthening the capacity of the Afghan people and building an enduring partnership with them. This year, we will work with nearly 50 countries to begin a transition to an Afghan lead, and this July, we will begin to bring our troops home.

In Pakistan, Al Qaida's leadership is under more pressure than at any point since 2001. Their leaders and operatives are being removed from the battlefield. Their safe havens are shrinking. And we've sent a message from the Afghan border to the Arabian Peninsula to all parts of the globe: We will not relent, we will not waver, and we will defeat you.

American leadership can also be seen in the effort to secure the worst weapons of war. Because Republicans and Democrats approved the new START Treaty, far fewer nuclear weapons and launchers will be deployed. Because we rallied the world, nuclear materials are being locked down on every continent so they never fall into the hands of terrorists.

Because of a diplomatic effort to insist that Iran meet its obligations, the Iranian Government now faces tougher sanctions, tighter sanctions than ever before. And on the Korean Peninsula, we stand with our ally South Korea and insist that North Korea keeps its commitment to abandon nuclear weapons.

This is just a part of how we're shaping a world that favors peace and prosperity. With our European allies, we revitalized NATO and increased our cooperation on everything from counterterrorism to missile defense. We've reset our relationship with Russia, strengthened Asian alliances, built new partnerships with nations like India.

This March, I will travel to Brazil, Chile, and El Salvador to forge new alliances across the Americas. Around the globe, we're standing with those who take responsibility, helping farmers grow more food, supporting doctors who care for the sick, and combating the corruption that can rot a society and rob people of opportunity.

Recent events have shown us that what sets us apart must not just be our power—it must also be the purpose behind it. In south Sudan—with our assistance—the people were finally able to vote for independence after years of war. Thousands lined up before dawn. People danced in the streets. One man who lost four of his brothers at war summed up the scene around him. “This was a battlefield for most of my life,” he said. “Now we want to be free.”

And we saw that same desire to be free in Tunisia, where the will of the people proved more powerful than the writ of a dictator. And tonight let us be clear: The United States of America stands with the people of Tunisia and supports the democratic aspirations of all people.

We must never forget that the things we've struggled for, and fought for, live in the hearts of people everywhere. And we must always remember that the Americans who have borne the greatest burden in this struggle are the men and women who serve our country.

Tonight let us speak with one voice in reaffirming that our Nation is united in support of our troops and their families. Let us serve them as well as they've served us, by giving them the equipment they need, by providing them with the care and benefits that they have earned, and by enlisting our veterans in the great task of building our own Nation.

Our troops come from every corner of this country. They're Black, White, Latino, Asian, Native American. They are Christian and Hindu, Jewish and Muslim. And yes, we know that some of them are gay. Starting this year, no American will be forbidden from serving the country they love because of who they love. And with that change, I call on all our college campuses to open their doors to our military recruiters and ROTC. It is time to leave behind the divisive battles of the past. It is time to move forward as one Nation.

We should have no illusions about the work ahead of us. Reforming our schools, changing the way we use energy, reducing our deficit, none of this will be easy. All of it will take time. And it will be harder because we will argue about everything: the costs, the details, the letter of every law.

Of course, some countries don't have this problem. If the central government wants a railroad, they build a railroad, no matter how many

homes get bulldozed. If they don't want a bad story in the newspaper, it doesn't get written.

And yet, as contentious and frustrating and messy as our democracy can sometimes be, I know there isn't a person here who would trade places with any other nation on Earth.

We may have differences in policy, but we all believe in the rights enshrined in our Constitution. We may have different opinions, but we believe in the same promise that says this is a place where you can make it if you try. We may have different backgrounds, but we believe in the same dream that says this is a country where anything is possible, no matter who you are, no matter where you come from.

That dream is why I can stand here before you tonight. That dream is why a working-class kid from Scranton can sit behind me. That dream is why someone who began by sweeping the floors of his father's Cincinnati bar can preside as Speaker of the House in the greatest nation on Earth.

That dream—that American Dream—is what drove the Allen Brothers to reinvent their roofing company for a new era. It's what drove those students at Forsyth Tech to learn a new skill and work towards the future. And that dream is the story of a small-business owner named Brandon Fisher.

Brandon started a company in Berlin, Pennsylvania, that specializes in a new kind of drilling technology. And one day last summer, he saw the news that halfway across the world, 33 men were trapped in a Chilean mine, and no one knew how to save them.

But Brandon thought his company could help. And so he designed a rescue that would come to be known as Plan B. His employees worked around the clock to manufacture the necessary drilling equipment, and Brandon left for Chile.

Along with others, he began drilling a 2,000-foot hole into the ground, working 3 or 4 hours—3 or 4 days at a time without any sleep. Thirty-seven days later, Plan B succeeded, and the miners were rescued. But because he didn't want all of the attention, Brandon wasn't there when the miners emerged. He'd already gone back home, back to work on his next project.

And later, one of his employees said of the rescue, "We proved that Center Rock is a little company, but we do big things."

We do big things.

From the earliest days of our founding, America has been the story of ordinary people who dare to dream. That's how we win the future.

We're a nation that says, "I might not have a lot of money, but I have this great idea for a new company." "I might not come from a family of college graduates, but I will be the first to get my degree." "I might not know those people in trouble, but I think I can help them, and I need to try." "I'm not sure how we'll reach that better place beyond the horizon, but I know we'll get there. I know we will."

We do big things.

The idea of America endures. Our destiny remains our choice. And tonight more than two centuries later, it's because of our people that our future is hopeful, our journey goes forward, and the state of our Union is strong.

Thank you. God bless you, and may God bless the United States of America.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Д. Медведев
Послание Президента Федеральному Собранию
22 декабря 2011 года

Уважаемые граждане России! Уважаемые депутаты и члены Совета Федерации!

Вчера на своё первое заседание собралась Государственная Дума шестого созыва – поздравляю депутатов с началом работы, желаю успехов и выражаю готовность к диалогу по всем вопросам.

По итогам парламентских выборов в России были сделаны всевозможные заявления как в России, так и за рубежом. Кто-то доволен их результатами, кто-то не вполне, кто-то – совсем не доволен. Так было и после предыдущих выборов, так бывает всегда. Хочу в связи с этим подчеркнуть: мы внимательно и с уважением воспринимаем любую критику в адрес государственных институтов и отдельных должностных лиц, делаем выводы, если эта критика справедлива, восстанавливаем законность там, где она была нарушена, принимаем необходимые решения на основе консультаций с основными политическими силами, выражаем свою позицию, возражаем в необходимых случаях, если критика безосновательна.

Право людей выражать своё мнение всеми законными способами гарантировано, но попытки манипулировать гражданами России, вводить их в заблуждение, разжигать в обществе социальную рознь неприемлемы. Мы не дадим провокаторам и экстремистам втянуть общество в свои авантюры, не допустим и вмешательства извне в наши внутренние дела.

России нужна демократия, а не хаос, нужна вера в будущее и справедливость. То, что общество меняется, а граждане всё активнее высказывают свою позицию и предъявляют законные требования к власти, – это хороший признак, это признак взросления нашей демократии. И, с моей точки зрения, это хорошая тенденция, которая принесёт пользу нашей стране, как и возросшая политическая конкуренция, заставляющая работать более качественно, быстрее откликаться на проблемы миллионов российских семей.

Сегодня я скажу, какие меры предлагаю предпринять в самое ближайшее время, чтобы дать гражданам больше возможностей влиять на

политику Российского государства, на принятие любых решений, затрагивающих их права и интересы. Но сначала, если позволите, о результатах нашей работы.

Я искренне благодарен тем, кто почти четыре года поддерживает мою деятельность как Президента России. Напомню, она началась в непростой период. Все помнят, что произошло в августе 2008 года в Южной Осетии и что уже спустя месяц мы столкнулись с тяжелейшим глобальным финансовым кризисом. Это наложило очень серьёзный отпечаток на всю нашу работу. Порождённые кризисом проблемы и по сей день не решены во многих странах. Я назову главное, что нам удалось сделать в этих непростых условиях, каковы основные итоги.

Первое. Мы успешно преодолели наиболее сложный период экономических потрясений и вернулись к докризисным показателям развития. Экономика растёт достойными темпами: около четырёх процентов в год, что превышает скорость восстановления большинства ведущих стран. Государственный долг в нашей стране сохраняется на минимальном уровне. Россия стала шестой по величине экономикой мира.

Мы полностью исполняем взятые на себя социальные обязательства. Пенсии и зарплаты у большинства работников бюджетного сектора росли быстрее, чем мы планировали до кризиса. И сегодня в стране нет пенсионеров с доходами ниже регионального прожиточного минимума. Средний размер трудовой пенсии возрос за четыре года более чем в полтора раза (причём это, естественно, в реальном выражении), а средние зарплаты учителей и врачей приблизились к средним зарплатам в регионах.

В этом году самая низкая за историю новой России инфляция: она составляет меньше семи процентов и, может быть, будет где-то в районе шести. Самые высокие с советских времён зарплаты, социальные выплаты, уровень реальных доходов населения. Хотя, конечно, и они ещё далеки от желаемых величин. Слишком много в стране пока бедных людей, несмотря на то, что за последний год их число приблизилось к минимальным за 20 лет значениям.

Кризисный период показал, что накопление резервов за счёт части нефтяных доходов было и остаётся разумной политикой. Благодаря именно этим сбережениям Правительство и Банк России не допустили валютного кризиса. Сейчас объёмы золотовалютных резервов близки к докризисному уровню, а вклады людей в банках увеличились почти на 80 процентов. Растут и объёмы кредитования.

Мы оказали серьёзную поддержку промышленным предприятиям, строительным и инфраструктурным компаниям, малому бизнесу. Крупному бизнесу деньги выделялись на основе детального анализа программ дальнейшего развития предприятий, их готовности сохранять и создавать новые рабочие места.

Системно поддерживались и сельхозпроизводители. Это позволило и в целом по отрасли, и на продовольственном рынке полностью компенсировать прошлогодние потери, которые были связаны с засухой и пожарами.

Число безработных за последние два года сократилось почти на два миллиона человек. И сегодня в нашей стране уровень безработицы один из самых низких в мире.

В целом антикризисная политика в России сработала лучше, чем во многих других странах, а также чем во времена предыдущих кризисов, которых, как известно, тоже было немало. Я считаю, что мы с честью вышли из трудной ситуации.

Второе. Мы полностью обеспечили реализацию демографических программ, что стало одним из факторов стабилизации численности населения. За четыре года в стране родилось более шести миллионов детей (и это на самом деле очень приятная цифра, это рекорд за последние 20 лет), а смертность снижалась даже быстрее первоначальных ожиданий.

В современной России самая высокая за её историю средняя продолжительность жизни. Она увеличилась с 2006 года почти на три года и приблизилась к 69 годам. Продолжительность жизни женщин – потому что они лучше к себе относятся, берегут себя больше – почти 75 лет. У нас никогда такого не было. Никогда!

Разумеется, эти цифры должны стать ещё выше. На это нацелена и новая программа модернизации здравоохранения. Все необходимые решения для её реализации уже приняты.

Третье. Ключевой темой моего предыдущего Послания была политика в области материнства и детства. И здесь уже многое сделано. К концу этого года в стране будет 23 перинатальных центра. Мы направили немалые дополнительные ресурсы на развитие педиатрической службы. Диспансеризация школьников теперь будет проводиться на протяжении всего периода обучения. В школьные программы введён ещё один час занятий физкультурой. Принят закон, который позволяет использовать материнский капитал и для строительства жилья соб-

ственными силами. В 38 субъектах Федерации решено выплачивать региональный материнский капитал, о чём я говорил в этом зале ровно год назад.

Регионам дано право бесплатно предоставлять многодетным семьям земельные участки из государственной муниципальной собственности. Отменены налоги с граждан за получаемую ими благотворительную помощь, в том числе помощь, оказываемую детям. Практически во всех регионах появились и активно работают уполномоченные по правам ребёнка. При учреждениях, где воспитываются дети, оставшиеся без попечения родителей, создаются общественные советы, которые помогают быстрее решать проблемы таких детей.

Четвёртое. На самом пике экономического кризиса я инициировал поворот в стратегии развития России – модернизацию нашей экономики. Уверен, что это было правильным решением. К настоящему времени по всем приоритетным направлениям модернизации получены первые результаты: достигнут самый высокий с советских времён уровень финансирования научных исследований и разработок, построена дееспособная система институтов развития, постепенно снижается энергоёмкость российской экономики. Это (хочу, чтобы все задумались) означает в том числе и то, что доля расходов на оплату коммунальных услуг в бюджетах семей и в бюджетах компаний со временем перестанет расти, а при рациональном использовании энергии она может и снизиться.

Налажено производство новых лекарств, в том числе для лечения инфекционных и онкологических заболеваний. Совместно с зарубежными партнёрами разрабатывается целая линейка препаратов следующего поколения. Созданы суперкомпьютеры, обслуживающие новые конкурентоспособные технологии в атомной и авиакосмической промышленности, судостроении и автомобилестроении; завершается разработка технической документации для строительства и эксплуатации атомной станции нового поколения, которая будет обладать повышенной устойчивостью к экстремальным воздействиям, а также существенно более высокими показателями экономической эффективности.

В половине российских регионов уже пользуются услугами навигационной системы ГЛОНАСС, реализуются проекты дистанционного зондирования земли. Количество домашних подключений широкополосного интернета увеличилось за три года в два раза. И сейчас в стране около 55 миллионов активных абонентов. Я хочу заметить, что это самый высокий показатель среди всех европейских стран.

На цифровой формат переходит и телерадиовещание. Это, безусловно, расширяет свободу выбора, стимулирует конкуренцию. Как и было обещано, к 2015 году в России будет более 20 общедоступных каналов, бесплатных для граждан, а на частных телевизионных платформах число предлагаемых каналов может измеряться сотнями.

И ещё об одном крупном проекте модернизации, я имею в виду инновационный центр в Сколково. Знаю, что скептики были и тогда, когда мы начинали этот проект, конечно, они остаются и сейчас. Но о чём говорят факты? Резидентами «Сколково» стали уже более 300 компаний, занимающихся передовыми исследованиями и разработками.

Строится современный технологический университет, заключены соглашения о партнёрстве с ведущими мировыми компаниями, которые создают в Сколково свои исследовательские центры. Конечно, это только начало, но я уверен, что «Сколково» станет примером первого за 30 лет успешного проекта глобального масштаба в сфере науки, образования и инноваций – первого, но, я уверен, далеко не последнего.

Пятое. Проведённая модернизация политической системы сделала её эффективнее. Напомню, что каждый год в своих Посланиях я предлагал меры по её развитию. Все эти меры реализованы, и я хотел бы ещё раз поблагодарить за это Федеральное Собрание.

Да, мы повысили качество народного представительства, стимулировали развитие политической конкуренции. За несколько последних лет выросла роль партий в жизни страны. Они получили право представлять Президенту кандидатуры на пост высшего должностного лица субъекта Федерации в случае победы на выборах в законодательное собрание в этом регионе. Партиям были переданы полномочия для реализации контрольных функций. Так, Правительство ежегодно отчитывается перед Госдумой о своей работе. В регионах перед законодательными собраниями отчитываются высшие должностные лица субъектов Федерации. На местном уровне установлена обязательность отчётов глав муниципальных образований перед представительными органами. Введён институт отрешения от должности главы муниципалитета. Парламентские партии получили гарантии равного освещения своей деятельности в государственных СМИ. Ведутся также прямые трансляции в сети интернет заседаний Государственной Думы и законодательных собраний в регионах. Это, безусловно, повышает открытость деятельности депутатского корпуса и позволяет партиям в режиме онлайн доносить свою позицию до избирателей. В целях обеспечения прав партий, не

представленных в законодательных органах, им дана возможность периодически выступать в Государственной Думе и в парламентах субъектов Федерации.

В контексте расширения народного представительства следует рассматривать и новый порядок формирования Совета Федерации, который введён в действие в этом году. Теперь в верхней палате парламента будут работать только люди, прошедшие через федеральные, региональные или муниципальные выборы. Наконец, снижен до пяти процентов проходной барьер на выборах в Государственную думу.

Шестое. Наше гражданское общество укрепилось и стало более влиятельным, существенно возросла социальная активность общественных организаций, это подтвердили и события последних недель. Считаю увеличение активности некоммерческих организаций одним из ключевых достижений последних лет. Мы немало сделали для их поддержки, для развития и стимулирования добровольчества в стране. И сегодня в нашей стране более 100 тысяч некоммерческих организаций. Регистрировать их стало проще, а проверок деятельности НКО стало существенно меньше. И очень многим из них государство оказывает прямую помощь. Годовые объёмы благотворительности уже сейчас близки к 100 миллиардам рублей. В добровольческих акциях участвуют миллионы граждан. Они занимаются благоустройством территорий, социальной помощью семьям, которые находятся в трудной жизненной ситуации, поиском пропавших людей, защитой окружающей среды, многими другими полезными вещами. Всё это, безусловно, заслуживает уважения и приносит пользу нашему Отечеству.

Седьмое. Мы серьёзно продвинулись в реформировании судебной системы, в особенности уголовного законодательства, сделали его более справедливым, гуманным и адекватным целям развития нашего общества. По моей инициативе принят Федеральный закон о внесении изменений в Уголовный кодекс. Согласно этим изменениям осуждённому, впервые совершившему преступление небольшой тяжести, наказание в виде лишения свободы может быть назначено лишь при наличии отягчающих обстоятельств. Существенно расширен перечень видов наказания, которые являются альтернативой лишению свободы. В их числе кратные штрафы, исправительные работы, принудительные работы. Суды всё чаще применяют залог или домашний арест.

Наряду со смягчением многих норм Уголовного кодекса была ужесточена уголовная ответственность за тяжкие и особо тяжкие пре-

ступления, такие, как терроризм, пособничество терроризму, насилие над детьми, педофилия, растление несовершеннолетних, иные насильственные преступления.

Наконец, мы начали реформу правоохранительной системы, которая открыла дорогу для прихода в эту сферу большого количества профессионалов, на деле защищающих права и законные интересы наших граждан.

Восьмое. По моему указанию ведётся масштабная антикоррупционная работа. Россия присоединилась к международным конвенциям в этой сфере, приняты необходимые законы, приняты, кстати, впервые в истории нашего государства. Теперь государственные и муниципальные служащие в случае совершения ими правонарушений коррупционной направленности, помимо других видов ответственности, подлежат и увольнению в связи с утратой доверия.

С 2010 года все государственные служащие, военнослужащие, сотрудники правоохранительных органов декларируют доходы и имущество. Сведения, содержащиеся в декларациях, проверяются, а результаты таких проверок рассматриваются специальными комиссиями. По итогам этой работы только за первую половину текущего года более трёх тысяч чиновников привлечено к ответственности. Хотел бы подчеркнуть, конечно, такая масштабная и системная борьба с коррупцией только началась, и мы будем её вести решительно, системно и последовательно.

Девятое. В рамках принятых мною решений активно модернизировались наши Вооружённые силы, войска оснащались современной техникой и оружием. Начался переход к профессиональной армии. Уже в следующем году по контракту будут служить 220 тысяч офицеров и более 180 тысяч солдат и сержантов.

В государственной программе вооружения до 2020 года акцент сделан на новые виды оружия и технику, которые создаются на основе современных технологий. При этом большая часть гособоронзаказа уже размещается на несколько лет вперёд. Это существенно улучшает и возможности развития оборонных предприятий. Они в свою очередь должны выполнять свои работы качественно и в срок.

Несмотря на сложные условия кризиса, мы предприняли шаги, позволяющие сделать нашу армию и флот более компактными, мобильными и боеспособными. К 2010 году численность военнослужащих составила миллион человек, и это позволило строить действительно

современные, эффективные Вооружённые силы. Создан новый высокотехнологичный род войск – Силы воздушно-космической обороны. Значительно выросла интенсивность оперативной и боевой подготовки. Ещё недавно большинство учений проводилось в штабах и на картах, а теперь ежегодно проходят учения стратегического масштаба, в которых принимают участие все виды и рода войск.

Мы добились значимых результатов в укреплении социальных гарантий военнослужащих. С 1 января 2012 года их денежное довольствие увеличится почти в три раза. Это качественно меняет ситуацию в Вооружённых силах. Офицеры получили дополнительную мотивацию к достойной службе. Меняется и материальное положение военных пенсионеров. Повышение пенсий с 1 января 2012 года в среднем не менее чем в 1,6 раза, это важный шаг по оценке их заслуг перед Отечеством. Пенсии военнослужащих будут ежегодно повышаться не менее чем на два процента сверх уровня инфляции.

Наконец, впервые в истории Вооружённых сил нашей страны мы приблизились к решению одной из самых сложных и самых острых проблем – обеспечению военнослужащих постоянным и служебным жильём. В 2009–2010 годах Минобороны приобрело почти 100 тысяч квартир, а в 2011–2013 годах будет приобретено ещё 80 тысяч квартир для постоянного проживания. Заключившие контракт после 2007 года обеспечиваются квартирами на плановой основе по накопительно-ипотечной системе. За пять лет число её участников превысило 180 тысяч человек, а приобретено было 20 тысяч квартир.

К 2014 году под штатную численность военнослужащих, предусмотренную новым обликом Вооружённых сил, будет создан специализированный жилищный фонд, то есть служебный фонд. Таким образом, квартирный вопрос военнослужащих будет решён полностью.

Десятое. Наша внешняя политика стала более современной, работающей на цели модернизации страны. Прорывные результаты достигнуты в интеграционных процессах на постсоветском пространстве. С 1 июля этого года в полном объёме начал работать Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России, а совсем недавно в рамках СНГ подписан Договор о зоне свободной торговли, начинающий действовать уже в следующем году. Я очень доволен тем, что вместе с коллегами мы смогли наконец-то решить эти важнейшие задачи.

Хотел бы подчеркнуть и вполне практическую вещь. В результате снятия барьеров для взаимной торговли рынок беспрепятственного

сбыта российской продукции, по самым скромным оценкам экспертов, расширен на 20 процентов. Объем торговли в рамках Таможенного союза уже увеличился на треть. На рынках его стран-участниц формируется общая конкурентная среда, создаются новые рабочие места. Эффективнее используется транзитный потенциал. У предпринимателей появляются лучшие условия для выхода на международные рынки.

В деле экономической интеграции будем идти дальше. С 1 января 2012 года откроется Единое экономическое пространство России, Беларуси и Казахстана, к свободному движению товаров добавится свободное движение услуг, капиталов и рабочей силы. Цель заключается в том, чтобы к 2015 году создать Евразийский экономический союз, которой во многом будет определять будущее наших стран.

С государствами – членами Евросоюза подписано уже 23 соглашения о партнерстве в целях модернизации, за ними договоренности о десятках конкретных проектов. Мы активизировали и совместную работу с Евросоюзом по упрощению визового режима с перспективой его полной отмены.

Наконец, ещё один очень важный итог – после 18 лет переговоров Россия принята в ВТО. Переговорный марафон завершился на условиях, полностью учитывающих интересы нашей страны. Теперь нам нужно научиться работать в этой Организации, извлекая из вступления в неё максимальную пользу. Присоединение к ВТО – это значимый фактор интеграции России в мировую экономику. Оно отвечает как нашим национальным интересам, так и целям стабилизации международной торговой системы.

Одно из самых важных достижений последних лет в сфере международной безопасности – это заключение нового российско-американского Договора об СНВ. Он непосредственно работает на упрочение стратегической стабильности и режима нераспространения. Кроме того, наша инициатива о заключении договора о европейской безопасности положила начало серьёзному диалогу о создании в Евроатлантическом регионе новой архитектуры равной и неделимой безопасности.

В целом нам многое удалось сделать. И итоги прошедших лет можно считать успешными, а ряд достигнутых результатов – беспрецедентным. Ещё раз искренне благодарю тех, кто активно поддерживает мои планы и начинания. Считаю, что работа по обновлению экономики, обновлению всей жизни нашего общества должна быть главной задачей тех, кто будет управлять государством в последующие годы.

Уважаемые коллеги, теперь о практических задачах модернизации нашей страны. Начну с того, что я как Президент Российской Федерации намерен сделать в ближайшие месяцы.

Первое. Сегодня, на новом этапе развития государства, поддерживая ту инициативу, с которой выступил Председатель Правительства Владимир Владимирович Путин, я предлагаю комплексную реформу нашей политической системы.

Хотел бы сказать, что я слышу тех, кто говорит о необходимости перемен, и понимаю их. Надо дать всем активным гражданам законную возможность участия в политической жизни. Итак, считаю необходимым следующее.

Перейти к выборам руководителей субъектов Российской Федерации прямым голосованием жителей регионов.

Ввести упрощённый порядок регистрации партий. Моё предложение: по заявке от 500 человек, представляющих не менее 50 процентов регионов страны.

Далее. Отменить необходимость собирать подписи для участия в выборах в Государственную думу и в региональные законодательные органы.

Наконец, сократить количество подписей избирателей, необходимых для участия в выборах Президента России, до 300 тысяч, а для кандидатов от непарламентских партий – до 100 тысяч.

Кроме того, предлагаю изменить систему выборов в Государственную думу. Считаю целесообразным для укрепления связей депутатов с избирателями ввести пропорциональное представительство по 225 округам. Эта мера позволит каждой территории иметь своего непосредственного представителя в парламенте. Сейчас, к сожалению, все это знают, некоторые субъекты Федерации не имеют даже одного депутата, избранного местными жителями.

Предлагаю также изменить порядок формирования Центральной и региональных избирательных комиссий. Представительство политических партий в избиркомах должно быть расширено. Партии должны получить право отзывать своих представителей в комиссиях досрочно в случае необходимости. Соответствующие проекты я внесу в Государственную думу в ближайшее время.

Уважаемые коллеги, это не окончательный список инициатив. Но давайте запасёмся терпением, тем более что ещё один древнекитайский мудрец Лао-Цзы говорил о том, что в управлении нужно быть после-

довательным, в делах нужно исходить из возможностей, а в действиях нужно учитывать время. Но в дальнейшем мы предпримем и другие необходимые шаги.

Полагаю, что уже предложенные меры сделают политическую систему страны более эффективной, лучше представляющей интересы граждан нашего государства. Особенно актуальны такие изменения накануне важнейшего политического события – выборов Президента России. Выборы должны быть честными, прозрачными, отвечающими современным представлениям о законности и справедливости.

Второе. В Государственную думу будет внесён пакет законопроектов о децентрализации. Его реализация позволит провести серьёзное перераспределение властных полномочий и бюджетных ресурсов в пользу регионов и муниципалитетов. Я это обещал сделать, я это сделаю. Пора на деле приблизить к людям исполнение важнейших для них функций государства. Мы будем делать это, естественно, поэтапно, в течение нескольких лет в рамках следующего политического цикла.

Будут значительно расширены источники доходов региональных и местных бюджетов, в том числе собственные. Их объёмы мы, конечно, ещё дополнительно обсудим, но считаю, что они могут составить до 1 триллиона рублей. Это должно создать условия для успешного развития территорий, для более качественного исполнения обязанностей государства перед гражданами. В частности, будут постепенно отменяться федеральные льготы по региональным и местным налогам. Сроки должны быть дополнительно проработаны Правительством. В ряде регионов начнётся взимание налога на недвижимость взамен имущественных налогов. Кроме того, регионам и муниципалитетам должны быть представлены существенно более широкие права по распоряжению бюджетными ресурсами, которые поступают с федерального уровня. Излишнее регламентирование, мешающее самостоятельной работе на местах, будет устранено, а система финансовой поддержки региональных бюджетов будет в полной мере стимулировать расширение собственной доходной базы регионов.

Наконец, главы регионов получают право ставить вопросы делегирования значительного числа публичных полномочий с федерального на региональный уровень, если они будут к этому готовы, конечно. При этом часть полномочий может быть дополнительно передана всем регионам в силу федерального закона, прежде всего тех, которые прямо влияют на инвестиционный климат и социально-экономическое развитие

территорий. Одновременно следует серьёзно укрепить материальную базу муниципалитетов, местного самоуправления как самого близкого к людям института власти. Муниципалитеты должны получить солидную и прогнозируемую финансовую основу для своей деятельности.

Будут и другие перемены, которые мы обсудим в ближайшие месяцы. И, безусловно, процесс децентрализации власти будет сопровождаться усилением политической ответственности руководителей регионов и муниципалитетов за конечные результаты их работы по развитию территорий, по повышению качества оказываемых людям услуг.

Третье. В первой половине следующего года взамен всеми любимого 94-го закона надо принять федеральный закон, предусматривающий создание федеральной контрактной системы. Новые процедуры государственных и муниципальных закупок должны обеспечить высокое качество исполнения государственного заказа и препятствовать формированию монопольно высоких цен и многомиллиардных коррупционных схем.

В целях дальнейшего противодействия коррупции считаю правильным ввести контроль за расходами лиц, занимающих государственные должности Российской Федерации и некоторые должности федеральной государственной службы, в тех случаях, когда расходы этих лиц явно не соответствуют их доходам. Речь идёт о декларировании крупных расходов на приобретение земли, другой недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг.

Введение данного положения вместе с установленными в уголовном законодательстве кратными штрафами, увольнением в связи с утратой доверия при совершении коррупционных правонарушений и другими уже принятыми мерами, по сути, является реализацией идеи Конвенции ООН против коррупции об установлении ответственности за незаконное обогащение. Причём эта ответственность устанавливается в соответствии с принципами именно нашей правовой системы.

Также считаю правильным рассмотреть вопрос о расширении перечня лиц, чьи доходы подлежат декларированию.

Кроме того, нам нужно продумать, как, наряду с уже существующими мерами (я имею в виду и кратный штраф, и конфискацию), радикально снизить экономическую заинтересованность в совершении корыстных преступлений.

Наконец, считаю целесообразным ввести ограничения на совершение сделок между государственными структурами и коммерческими

организациями, в которых крупными акционерами или руководящими работниками являются близкие родственники руководителей соответствующих государственных органов и компаний. Количество таких случаев, к сожалению, в нашей стране огромно.

Четвёртое. Завершается полномасштабный переход к бесконтактным технологиям документооборота при реализации государственных функций и оказании публичных услуг населению.

С 1 июля следующего года на электронное межведомственное взаимодействие должны перейти все регионы и многие муниципалитеты. Расширяются возможности граждан получать многие государственные и муниципальные услуги дистанционно, в том числе через использование соответствующего интернет-портала и с помощью универсальных электронных карт. Уже через несколько месяцев их пользователями станут миллионы людей из самых разных – включая отдалённые – регионов нашей страны. Гражданам будет проще общаться с государством в режиме реального времени, экономить соответственно и время, и деньги, не говоря уже о том, что электронные технологии обеспечивают лучшую прозрачность, крайне необходимую для противодействия коррупции.

Пятое. В короткие сроки будет начата реализация программ, которые я инициировал для поддержки семей с тремя и более детьми, а также учителей, врачей, молодых инженеров и учёных. Они должны получить лучшие возможности для улучшения жилищных условий с помощью льготной ипотеки.

Шестое. Одна из важнейших задач всех органов власти и общества в целом – это полноценная реализация программы «Доступная среда». Обращаю внимание: средства на её реализацию выделены большие. Шаг за шагом мы будем устранять сложности с передвижением инвалидов, будем заниматься их трудоустройством и существенно увеличим количество школ с инклюзивным образованием. Отношение к инвалидам, усилия, которые мы прикладываем к этому, нам необходимы для того, чтобы условия их жизни, их возможности перестали быть ограниченными. Они важны для всех нас, для всего общества.

Седьмое. Будут выполнены все планы, касающиеся развития бюджетной сферы. В частности, в 2012 году будет ускорено решение проблемы нехватки мест в детских садах. Для детей старше трёх лет, я считаю, её можно полностью решить в течение ближайших пяти лет. При этом не просто решить её, а повышая уровень оплаты труда работаю-

щих с детьми преподавателей и воспитателей. Продолжится и повышение зарплат школьных учителей.

Одновременно в регионах и на местах надо уделять особое внимание улучшению ситуации в учреждениях культуры, которые непосредственно работают с детьми, я имею в виду школы искусств, музеи, клубы, библиотеки. Они в сложном положении, и Правительство должно помочь территориям в реализации программ в этой сфере.

Восьмое. Государство примет дополнительные меры, которые стимулируют рост семейных форм устройства детей-сирот. Такое поручение я дам Правительству уже в ближайшие дни, а также считаю, что главы регионов должны принять программы, необходимые для медико-психологического и педагогического сопровождения семей, которые воспитывают детей-сирот. Им нужна помощь, и она должна быть практической.

Кроме того, во всех регионах необходимо завершить разработку программ социальной адаптации выпускников детских домов. В ряде территорий, напоминая, это поручение ещё не выполнено.

Девятое. О дальнейших шагах в области уголовного права и судопроизводства. В первом полугодии будут подготовлены законопроекты, предусматривающие формирование системы социальной реабилитации граждан, отбывающих наказание, а также тех, кто отбывает наказание, не связанное с лишением свободы.

Особую роль в проведении эффективной уголовной политики нужно отвести судебной системе. От неё зависит, станет ли система назначения наказаний более гибкой, дифференцированной, а значит, и более справедливой. Мы продолжим работу по улучшению качества судебного корпуса. И один из ближайших шагов – это создание системы самостоятельных экзаменационных комиссий, через которые будут проходить все кандидаты на высокую должность судьи.

Число судей на душу населения у нас примерно то же, что и в большинстве европейских стран. Но напомню, что дел российские судьи рассматривают гораздо больше, в десятки раз больше, прежде всего потому, что около 80 процентов споров в этих странах разрешаются с помощью примирительных процедур, как это, кстати, было и в дореволюционной России.

К сожалению, в настоящий момент у нас практически нет культуры ведения переговоров и поиска взаимоприемлемых решений. Законы о медиации, которые приняты, почти не работают, случаи заключения

соглашений всё ещё единичны. Надо более активно информировать граждан о возможности разрешить спор с помощью квалифицированного посредника, а также подумать над целесообразностью введения обязательного применения примирительных процедур при разрешении некоторых видов споров.

И десятое. Два месяца назад я предложил выйти за рамки устоявшихся институтов и создать большое, или, может быть, правильное говорить, открытое правительство, объединяющее для решения стратегических и оперативных задач все уровни и ветви власти, общественных деятелей, экспертов, всех, кто готов участвовать в процессах реального управления государством, в выработке и экспертизе важнейших решений и программ. Такое открытое правительство – это ведь, по сути, социальный лифт для самых активных и талантливых людей, кадровый резерв для обновления и пополнения исполнительной власти в центре и в регионах.

У нас уже происходит ротация чиновников. Созданные в стране кадровые резервы насчитывают около 100 тысяч человек. Немаленькая цифра. Из президентского резерва, который был создан по моему предложению, на новые, более высокие позиции назначено более 200 человек. Но, скажем откровенно, этой работой нужно заниматься более последовательно и более активно.

Наконец, открытое правительство – это эффективный способ обратной связи, позволяющий оценить действенность государственной политики, принципиально иначе построить работу органов власти, сделать её современной, опирающейся на инициативу с мест. Когда-то Эйзенхауэр сказал, что лозунг истинной демократии – не «Пусть это сделает правительство», а «Дайте нам сделать это самим». Абсолютно правильные слова.

Вот эти механизмы начнут работать уже через несколько недель. На первом этапе, естественно, в рамках специальной временной группы, структуры, которая будет создана для этих целей. Одним из первых проектов станет публичный конкурс на выявление самых бессмысленных, удушающих жизнь бюрократических процедур. Соответствующий интернет-ресурс, надеюсь, заработает с нового года.

Я хотел бы сегодня обратиться ко всем, кто сталкивается с такими процедурами, – расскажите о них, пожалуйста, если вы считаете их вредными для нормальной жизни, для полноценного развития нашей страны. На основе ваших предложений будут приниматься решения об

их отмене или о корректировке каких-то процедур, а в необходимых случаях – кадровые решения.

И в целом для улучшения общественных коммуникаций считаю правильным использовать все современные информационные технологии. Вы знаете, я уделял и уделяю этому самое пристальное внимание. Нужно использовать всё, что есть, и создавать то, чего нет. Поэтому я предлагаю в ближайшее время решить вопрос о создании общественного телевидения – возможно, на базе одного из существующих федеральных каналов. В этом случае ни один из владельцев этого нового средства массовой информации не должен иметь определяющего влияния на принятие любых решений: ни государство, ни частный владелец. Уверен, что такое общественное телевидение может сделать нашу информационную среду более конкурентной и соответственно более интересной.

Уважаемые коллеги! Я перечислил задачи, на которых сконцентрирую своё внимание в ближайшие месяцы, а как будет выглядеть федеральная и исполнительная власть в последующий период, зависит от выбора граждан нашей страны. Это ответственный выбор, определяющий наше общее будущее, особенно с учётом той непростой обстановки, которая складывается в мире.

Вы знаете, финансовые потрясения уже привели к ухудшению платёжеспособности ведущих стран, к резкому замедлению темпов их роста. Страхи за основные резервные валюты, за положение транснациональных банков определяют сегодня настроения инвесторов больше, чем ситуация в реальной экономике. Да, есть развивающийся мир, где проживает большая часть населения планеты, и этот развивающийся мир продолжает расти, но это не может в полной мере компенсировать остановку прежних локомотивов – локомотивов развития мировой экономики. Поэтому многие политики, главы международных организаций, ведущие экономисты и бизнесмены говорят о наступлении глобальной депрессии.

Уважаемые друзья! Очевидно, что всех нас ждут непростые времена. Я уже говорил, что наша страна достойно выдержала экзамен кризиса. Нынешняя команда справилась с этими испытаниями. Я надеюсь, что мы справимся и с новыми вызовами, кто бы ни стал Президентом России, кто бы ни возглавил федеральное Правительство; существует набор безусловных приоритетов, которыми руководители страны будут заниматься для того, чтобы обеспечить её успешное развитие. В этом

я, кстати, снова убедился в период избирательной кампании, когда особенно много общался с людьми, и сделал для себя целый ряд выводов, которые укрепили мою убежденность в правильности выбора стратегии и модернизации.

Давайте посмотрим: очевидно, что чем более значительны наши достижения, тем более остро воспринимаются нерешенные проблемы. Чем благополучнее общество в целом, тем более явными становятся проявления бедности, нарушения прав, несправедливости. Люди устали от отсутствия возможности эффективно, в разумные сроки решать самые острые проблемы. Люди устали от того, что их интересы игнорируют, порой просто не замечают.

Несправедливо, когда тысячи семей живут, по сути, в варварских условиях, без самых элементарных жилищных и коммунальных услуг, когда дети из отдаленных сел не могут получить нормального образования, когда у людей нет возможности добраться до места, где им окажут качественную медицинскую помощь, другие современные услуги, если у них нет перспектив найти приличную работу, а часто вообще никакую работу нет перспектив найти. Недопустимо, когда предприниматели и инвесторы в большинстве регионов месяцами пробиваются через бюрократические барьеры и на каждом шагу сталкиваются с произволом должностных лиц, в том числе должностных лиц, которые лоббируют интересы конкурирующих организаций. Наконец, наши граждане страдают от неправосудных решений или от неэффективного исполнения законных судебных актов.

Повторю, всеми этими проблемами, а мы их видим и знаем, должны заниматься будущие руководители нашей страны.

Чем надо заниматься? Во-первых, в России нужно создать максимально широкие возможности для ведения малого и среднего бизнеса, для получения выгод от инноваций и создания миллионов новых высокопроизводительных рабочих мест, для привлечения частных, в том числе иностранных, инвестиций, в создание современной индустрии, высокоэффективного сельского хозяйства, «умной» инфраструктуры, в жилищное строительство, в сектор услуг. Повторю то, что уже неоднократно говорил: улучшение предпринимательского климата – это наилучший способ обеспечить высокие темпы экономического роста. Нет лучше способа!

Для успешной реализации названных приоритетов считаю критически важным поддержание макроэкономической стабильности. При

высокой инфляции и процентных ставках наши цели окажутся просто недостижимыми, поэтому мы должны сохранять низкий уровень бюджетного дефицита и государственного долга. Финансирование обязательств государства должно происходить прежде всего за счёт увеличения доходов, полученных от высоких темпов экономического роста, от улучшения налогового и таможенного администрирования, а также от полноценной реализации программы приватизации государственных активов.

Инфляция: процентные ставки должны быть снижены до более приемлемых уровней за счёт развития конкуренции, за счёт уменьшения законодательных и финансовых рисков. Это необходимо и для развития всей нашей финансовой системы, и для создания в Москве международного финансового центра, чем мы и занимаемся последнее время.

Центральный банк, Правительство, как и во время кризиса трёхлетней давности, не имеют права допустить потрясений ни на валютном рынке, ни в банковской сфере. Для этого всем нам надо продолжать жить по средствам, не разбазаривая финансовые ресурсы, особенно в условиях наступающей глобальной рецессии. Однако установка жить по средствам не означает, что мы должны отказаться от новых социальных программ, тем более сокращать существующие обязательства. Все эти обязательства будут исполнены в полном объёме. Это касается пенсий, мер поддержки семей с детьми, охраны здоровья, создания безбарьерной среды для инвалидов, развития образования и культуры.

При этом нам нужно как можно скорее определиться с долгосрочной стратегией развития пенсионной системы. Я считаю, что нам нужно дать людям возможность выбирать, когда именно выходить на пенсию, ориентируясь на ожидаемое соотношение уровня пенсий и зарплат, а по мере выхода из кризисной ситуации вернуться к более активному стимулированию добровольных пенсионных накоплений.

Во всех регионах страны должны быть реализованы программы модернизации здравоохранения. Новое законодательство об охране здоровья позволит определить гарантированные объёмы качества оказываемых медицинских услуг, а на выделенные на это средства привести нужно будет в порядок материальную базу медицинских учреждений и повысить зарплаты медицинским работникам. Одновременно с этим всё общество должно предпринять максимум усилий, чтобы здоровый образ жизни стал нормой.

Нам необходимо продолжить реализацию программы и нашей национальной инициативы «Наша новая школа». Приоритеты последующих лет – это полноценное формирование новой системы поиска и поддержки юных талантов, переход к практически ориентированной модели образования в средней и старшей школе и превращение школы в центр жизни, а не только в место, где учат детей. Надо формировать и новое поколение учителей, которые обладают всеми навыками современной педагогики и получают достойную зарплату за свой труд.

Надо исправить и другую крайность или положение, которое сложилось за последние 20 лет в высшем образовании, где, к сожалению, моду по-прежнему определяют не классические и исследовательские университеты, мощные университеты, а, к сожалению, сотни третьесортных институтов. Нам нужно продолжить создание сети современных вузов, которые отвечают именно мировым стандартам как по качеству образования, так и по уровню проводимых научных исследований.

Надо целенаправленно заняться возрождением культуры. Это может быть одним из главных факторов модернизации России. Нужно поддерживать и традиционные школы, и новые проекты во всех областях искусства. Особое внимание уделить обновлению инфраструктуры сферы культуры, использованию современных технологий, а также повышению оплаты труда людей, которые посвятили себя этому важному делу. Средняя зарплата в этой сфере сейчас вдвое меньше среднемесячной зарплаты в экономике, что и несправедливо, и абсолютно недальновидно. При этом культурное достояние должно стать максимально доступным для детей. Знакомство с лучшими образцами мирового искусства и, безусловно, самостоятельное творчество должны стать частью образовательного процесса. Но если в крупных городах для этого возможностей немало, то малые и средние города нуждаются в особой поддержке.

Безусловным приоритетом остаётся и гармонизация межнациональных отношений. В нашей стране живут представители более 180 народов, говорящих на 239 языках и диалектах. Этот многонациональный мир – уникальное преимущество России, мир, в котором больше тысячи лет вместе живут представители самых разных национальностей и конфессий. Наше общество в целом не поддерживает экстремизм и идеологии, которые основаны на ненависти к людям. Как писал академик Лихачёв, «национализм – это проявление слабости нации, а не её силы». Это очень правильные слова. Но до сих пор серьёзную напряжённость вызывает международная и внутренняя миграция, особенно

в крупных городах. Подчас это приводит к межнациональной розни и конфликтам.

Необходимо устранять экономическую основу для массовой внутренней миграции, а также для концентрации внешней миграции в отдельных регионах страны. Должны быть созданы условия для опережающего развития депрессивных густонаселённых территорий.

Кроме того, надо больше внимания уделять культурному и нравственному воспитанию детей, учить их взаимоуважению и толерантности – по сути, так, как сегодня учат грамматике или истории. Это нужно для того, чтобы сохранить нашу страну.

И, разумеется, нужно последовательно и бескомпромиссно бороться со всеми проявлениями экстремизма, с преступлениями, направленными на разжигание межнациональной розни. Подчеркну, такая работа – это постоянный приоритет.

Уважаемые коллеги! Ближайшее десятилетие должно стать временем кардинального обновления наших Вооружённых сил. Я только что сказал об очень серьёзных решениях, которые приняты по денежному довольствию военнослужащих, по квартирному вопросу. К 2020 году российская армия должна быть оснащена современными вооружениями и военной техникой минимум на 70 процентов. Современная, хорошо оснащённая армия потребует последовательного сокращения числа призывников и замены их профессиональными контрактниками. Уже к 2017 году их численность должна составить 425 тысяч человек.

Внешняя политика России должна быть продиктована развитием геополитической ситуации, необходимостью обеспечить безопасность страны и партнёрские отношения с другими государствами в интересах наших граждан.

Не так давно я сказал о нашем принципиальном подходе к проблематике противоракетной обороны. Не буду сейчас об этом ещё раз говорить. Все знают моё заявление. Хочу лишь подтвердить одно: мы открыты для конструктивного диалога и для предметной работы с нашими партнёрами, если они научатся нас слышать. И мы рассчитываем на встречное движение как в целях скорейшего выхода на взаимоприемлемое решение, так и для того, чтобы сохранялась атмосфера доверия. Мы рассчитываем и на продолжение разговоров и работы над новым Договором о европейской безопасности.

Мы заинтересованы в нахождении взаимовыгодных решений по всем ключевым вопросам международной повестки дня. Так, в числе

постоянных приоритетов остаётся преодоление последствий глобального кризиса. Это наш совместный приоритет. Сейчас крайне важно полностью реализовать принятые «Группой двадцати» решения о стабилизации финансового положения ряда ведущих стран мира, о реформировании международной финансовой системы.

Напомню, я в последние годы выступал с целым рядом инициатив в этих областях, в частности с идеей создания международного механизма предотвращения и ликвидации последствий катастроф на морском шельфе; об укреплении международного режима ядерной безопасности; об установлении новых правовых рамок обеспечения энергетической безопасности, защиты прав интеллектуальной собственности с учётом развития глобальной Сети; наконец, о борьбе с морским пиратством. Мы рассчитываем на совместную работу по реализации этих предложений. Часть из них уже обсуждается в формате «большой восьмёрки», часть – в более широких форматах. Считаю, что в продвижении этих вопросов было бы полезнее использовать потенциал стран БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества.

События последних месяцев показали также востребованность наших посреднических усилий в решении серьёзных региональных проблем – в решении политическими и дипломатическими средствами, без вмешательства извне и применения силы, разумеется – при координирующей роли Организации Объединённых Наций.

Наконец, безусловным приоритетом на ближайшие годы является придание дополнительных импульсов интеграционным процессам и укрепление сотрудничества с нашими ближайшими партнёрами. Важнейшее направление – укрепление союзнических отношений в рамках Организации Договора о коллективной безопасности, особенно в кризисных ситуациях, в том числе с использованием потенциала Коллективных сил оперативного реагирования.

Нам необходимо раскрыть огромный потенциал Таможенного союза и, конечно, Единого экономического пространства, которое мы только-только создали.

В практическую плоскость перешло решение амбициозной задачи – формирование Евразийского экономического союза. Этот новый механизм будет настроен на достижение максимальной отдачи от наших экономик и простых, практических, осязаемых результатов для наших граждан.

Важная особенность Евразийского экономического союза – это его открытость для партнёров по ЕврАзЭС, СНГ, да и для других партнёров

на самом деле. По мере готовности они могут присоединиться к этой работе. Рассчитываем, что этот экономический союз станет связующим элементом Европейского и Азиатско-Тихоокеанского регионов, влиятельной силой и востребованным партнёром в мировой экономике.

Уважаемые граждане России! Дорогие друзья! Все эти годы я работал с одной целью – чтобы сделать жизнь наших граждан лучше, чтобы граждане нашей страны чувствовали себя безопаснее, чтобы они не боялись за своих детей и внуков, чтобы жизнь старшего поколения была достойной. Именно поэтому так важно было сохранить экономическую и политическую стабильность и столь критически необходимо начать модернизацию нашей страны.

Но впереди действительно непростые времена. Глобальная депрессия может продлиться несколько лет, а конкуренция за умы, за идеи, за ресурсы будет только обостряться, и мы – в эпицентре этой конкуренции. Но даже в этих сложнейших условиях у нас нет права останавливаться в развитии. Такая работа потребует упорства, сил, конечно, времени в преодолении инерции и очень многих устоявшихся стереотипов. И только вместе мы сможем пройти этот нелёгкий путь.

Да, не все мы одинаково смотрим на мир, у нас порой очень разные представления о приоритетах. Есть расхождения и в том, как действовать, но все мы в конечном счёте хотим одного: лучшей жизни для граждан нашей страны. Поэтому мы должны научиться слушать друг друга, должны уважать общественное мнение и не навязывать решения сверху.

И мы обязаны продолжить то, что начали, продолжить обновление Российского государства и российского общества в целом. Именно поэтому я хочу, чтобы каждый из нас осознал свою часть ответственности за то, как живут его близкие, самые родные люди, за успех собственного дела, а следовательно, за будущее нашей любимой страны.

Я полностью осознаю свою ответственность за всё, что ещё предстоит сделать. Я верю в каждого из вас и знаю: у нас всё получится.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ УБЕЖДЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	6
1.1 Дискурс как лингвистический феномен	6
1.2 Типология дискурса	12
1.3 Политический дискурс как вид институционального дискурса	15
1.4 Убеждение как способ речевого воздействия	19
1.5 Соотношение убеждения и суггестии в политической коммуникации	24
1.6 Убеждение как коммуникативная стратегия	26
ГЛАВА 2. ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА ПАРЛАМЕНТУ В ОБЩЕЙ ПАРАДИГМЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	30
2.1 Речевой жанр как объект лингвистического изучения	30
2.2 Президентская риторика в жанровой структуре политического дискурса	34
2.3 Послание президента парламенту как жанр президентской риторики	37
2.3.1 Хронотопные признаки послания	40
2.3.2 Структура текста послания	42
2.3.3 Функции послания	50
2.4 Тактики убеждения в послании президента парламенту	53

**ГЛАВА 3. ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ
СТРАТЕГИИ УБЕЖДЕНИЯ В ПОСЛАНИЯХ
АМЕРИКАНСКИХ И РОССИЙСКИХ ПРЕЗИДЕНТОВ...56**

3.1 Прагматический потенциал грамматических категорий.....	56
3.2 Категория лица	61
3.2.1 Местоимения 1-го лица	65
3.2.2 Местоимения 2-го лица	70
3.2.3 Местоимения 3-го лица	72
3.3 Категория времени	75
3.4 Категория наклонения	84
3.4.1 Повелительное наклонение.....	85
3.4.2 Сослагательное наклонение.....	95
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	103
ЛИТЕРАТУРА	106
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	124